

Сергей Казаринов

Чукотка! 20 лет жизни.

Самые активные, можно сказать, золотые годы – с 25 до 45 лет. Почти все существенное, что я успел в жизни, так или иначе связано с Чукоткой. По сути – это моя вторая родина. Хотя, где у меня была первая? Все-таки родина там, где остался родительский дом, в котором родился и вырос – у меня такого, практически, не было. Поэтому, наверное, я и стал с детства бродягой, что и в выборе профессии было, пожалуй, решающим. А первый, по настоящему, свой дом у меня появился только на Чукотке.

Дашь Северо-Восток!

А, началось все, как в жизни чаще всего и бывает, совершенно случайно. При распределении на работу, по окончании Университета, я стремился попасть куда-нибудь подальше и по экзотичнее – на Камчатку, к вулканам и гейзерам, или, на худой конец, на романтическую для меня, по рассказам отца, основную свою родину – в Приморье. Но мест вакантных в этих геологических управлениях для нас не оказалось и мне предложили поехать в Магадан, в Северо-Восточное геологическое управление. Мне не очень хотелось ехать в жуткие места бывшей лагерной Колымы, о которой было прочитано и услышано уже множество леденящих кровь историй, напрочь выбивающих из души любые намеки на какую-либо романтику. Но деваться было уже некуда, как говорится, сам напросился!

Но, здесь, как всегда, совершенно неожиданно для меня, вмешался мой отец. Он попросил помочь мне своего близкого друга, большого ученого-оловянщика (специалиста по оловянным месторождениям) С.И.Гурвича, работавшего в главном нашем рудном НИИ – ВИМСе. И это был первый и, пожалуй, единственный случай, когда я, с готовностью и благодарностью, согласился на подобную помощь, хотя и испытывал все-таки некоторое внутреннее стеснение. Помощь заключалась в том, что Семен Ильич (Самуил Израилевич) дал мне несколько рекомендательных писем.

Одно из них было адресовано главному геологу Северо-Восточного геологического управления А.В.Бабкину и содержало просьбу направить меня на работу в Чаунское РайГРУ на Чукотке. Еще два письма я вез уже на Чукотку – главному геологу Чаунского РайГРУ Л.К.Хрузову и руководителю оловянной темы, на которой, по расчетам Гурвича, мне предстояло работать, Володе Терентьеву. Задумка была гениальная – я работаю на Чукотке, обязательные по распределению, 3 года, готовлю за это время, с помощью Гурвича и Терентьева, кандидатскую диссертацию по чукотскому олову и перехожу на работу в ВИМС. Однако, жизнь, но главным образом, мой крайне независимый и самолюбивый характер, внесли в проект существенные поправки. Диссертацию я защитил, только не по олову, а по золоту, и не через 3, а только через 15 лет, когда Семена Ильича уже не было в живых, и оказался, в результате, не в ВИМСе, а в другом головном НИИ – золотом ЦНИГРИ. Но зато, все, от первой до последней буквы, в моей работе было сделано собственными руками и головой. Ну, а тогда я, ликуя, что все проблемы решены, устремился, с легким сердцем, в неведомое. Как бы провожая меня в нелегкий, но славный путь, правительство сделало мне личный подарок. Моя профессиональная жизнь начиналась с только что утвержденного профессионального праздника – Дня геолога. Накануне, в Университете,

все мы получили билеты для проезда к месту работы и солидные подъемные. У меня в кармане лежал билет на самолет до Магадана на понедельник 2 апреля 1967 года. И, естественно, День Геолога, в воскресенье, да еще и в День Дурака – 1 апреля, отметить было необходимо, как и фундаментальный, как минимум на 3 года, отъезд из Москвы и, соответственно, начало совсем новой и полностью самостоятельной жизни. Отметить решили узким мужским кругом, в таком же совсем новом, открытом накануне, в здании гостиницы «Центральная», на улице Горького, ресторане «Русская кухня». Ресторан был шикарный, сверкал хрусталем и крахмальными скатертями. По залу бесшумно сновали элегантные парни-официанты, сияя серебряными подносами и белоснежными салфетками. За соседним столиком расположилась компания колымских старателей, которые пили дорогой коньяк фужерами и громко разговаривали на почти непонятном нам жаргоне. В какой-то момент, один из них, уже в хорошем подпитии, подозвал официанта и потребовал «чифирия». Мы, по слухам, знали, что это такое. Чифирий страшной крепости напиток – 50-граммовая пачка чая высыпалась в кружку воды и кипятилась на костре. Черный, как деготь, горчайший кипяток был полярным и зековским наркотиком. Вышибал моментально из головы любой хмель, а из организма любую хворь. Правда, как любой наркотик ненадолго. А разрушал организм чифириста очень быстро. Особенно, сердце садил, которое после каждого глотка пыталось буквально выскочить из груди. Мы, с интересом, наблюдали за происходящим. Официант вежливо поклонился и исчез. Застолье продолжалось и все, благополучно, забыли о просьбе старателя, посчитав это пьяной шуткой. Каково же было наше удивление, когда официант вновь появился возле соседнего столика с серебряным своим подносиком, на котором что-то стояло, прикрытое белоснежной салфеткой. Жестом фокусника, сорвав салфетку с подноса, официант учтиво протянул его старателю. На сверкающем серебре стояла закопченная алюминиевая кружка, прикрытая грязной прожженной рукавицей-верхонкой. Все в восторге! Старатели пустили кружку по кругу, прихватывая ее верхонкой. Официанта наградили огромными чаевыми. Мы же, с восхищением, взирали на соседей. Вечер удался. Утром меня разбудил Колька Пахомов, который пришел со своей мамой, Александрой Васильевной, чтобы меня проводить в аэропорт. И тут вдруг обнаружилось, что у меня совсем не собраны вещи, необходимые мне в дальних краях. Пока я приводил себя в порядок, Николай с мамой начали меня срочно собирать. Были раскрыты чемоданы и рюкзаки, в которые кое-как засовывалось всё, что попадалось под руку. Слышались только возгласы – Это ты берешь? На что я, неизменно, отзывался, не раздумывая, – «Складывай!» В результате, через полчаса, все было кое-как уложено и рассовано, и Колька побежал ловить такси. Мы засунули все в машину, успели добраться до Внукова и я улетел в неведомое, в полном благодушии. Битком набитый Ил-18, трясясь от натуги и тяжело завывая моторами, казалось, с огромным трудом, тащил меня на восток. За окошком потух солнечный московский день и на востоке небо уже вновь погелубело, а мы все гудели и тряслись в жуткой тесноте. Только через 7-8 часов сели, наконец, в Якутске. На улице нас встретил жестокий мороз – градусов 35-40. После почти летней московской благодати контраст был особенно резким. В сером утреннем сумраке на краю заснеженного летного поля желтел окнами небольшой двухэтажный деревянный дом, на крыше которого большими буквами было написано – Якутск. В маленьком зале ожидания было не протолкнуться. В клубах пара, который врывался в помещение из постоянно открываемых дверей, рассмотреть что-либо в тусклом освещении было, практически, невозможно. Я начал шарить по

углам в поисках туалета. Ничего подходящего не обнаружив, обратился за помощью к круглолицему черноглазому человеку явно местного происхождения. Он отправил меня на улицу. Однако, на заснеженной привокзальной площади я тоже ничего не нашел. Пришлось вновь обращаться за помощью. Заиндевевший мохнатый человек, непонятного пола, возраста и национальности, молча махнул рукой куда то в сторону. Присмотревшись, я увидел на краю площади большой рыжий холм. Подойдя поближе, я понял, что это и есть туалет, только он полностью завален огромной кучей дерьма. Лишь в одном месте из желто-бурого вулканического конуса торчал угол крыши небольшого деревянного сооружения. Как люди сумели сотворить такое чудо посреди людной городской площади мне до сих пор не совсем понятно. Хотя, как говорится, против природы не попрешь, нужда заставит. Тем более что люди вокруг в своих бесформенных меховых одеждах, на самом деле, лишены каких либо видимых половых признаков. Да и нравы в местных условиях предельно упрощены. Для меня это было первым знакомством с настоящим русским севером. До Магадана от Якутска мы долетели сравнительно быстро – всего за 1.5 часа. Магадан встретил нас ярким солнечным днем с легким (после Якутска) морозцем. В длинном бараке аэровокзала я получил свой багаж и только тут обнаружил, что у меня для него не хватает рук – целых семь мест. В Москве при регистрации и прощании с Колькой (с обязательным в таких случаях «посошком» на дорогу), я на количество вещей просто не обратил внимания. Здесь же мне предстояло ехать 56 км до города на автобусе, потом искать геологическое управление, представляться там и искать место для ночлега. И все это с целой горой чемоданов, рюкзаков и сумок. Мало того, что это сложно технически, но еще и стыдно – я ж геолог, а не какой-нибудь презренный турист-любитель! Пришлось мелкими перебежками, чтобы не оставлять вещи без присмотра, тащить их через всю привокзальную площадь в вагончик камеры хранения. Лишь на следующий день я, в два приема, перевез их в гостиницу и там перебрал все содержимое. В результате гора моих вещей превратилась всего в 2 аккуратных чемодана и большой черный портфель с документами и умывальными принадлежностями. Дорога от аэропорта до города – широкое, вполне приличное грейдерное шоссе пролегалo среди заснеженных сопok. Сопки были покрыты непривычно редкой щетиной лиственничного леса. При этом целые деревья были видны лишь на самых вершинах, а на склонах была именно щетина из высоких 1-1.5-метровых пней. Так заключенные, строители этой знаменитой Колымской трассы, обеспечивали себя дровами. От Солженицына и из «Колымских рассказов» Шаламова, мы уже знали, что зеки, экономя силы, срубали деревья на уровне снежного покрова. Мне об этом рассказывал и дед, который тоже строил эту дорогу с 37 по 42 год. Примерно на половине пути, слева от дороги в широкой долине реки открылось еще одно летное поле с рядами самолетов. «23-й километр» сказала кондуктор. Так я узнал, что в Магадане, оказывается два аэропорта – старый и новый. И оба они называются, как и очень многие населенные пункты в этом краю не привычными географическими названиями, как всюду в мире, а километрами проложенных зеками трасс. Старый аэропорт – 23-й км, новый – 56-й. Вскоре и для меня стали привычными названия - 4-й, 5-й, 47-й и т.д. Магадан, по контрасту с убогими аэропортами и унылым колымским пейзажем, которые я видел по дороге, мне очень понравился. Большой людной город, с массивными, сталинской архитектуры, 3-4 этажными домами. В одном из них, рядом с помпезным зданием обкома партии, размещалось Северо-Восточное геологическое управление (СВГУ). Без длительной волокиты, меня отправили на второй этаж, где в огромном кабинете, на стенах которого были большие

геологические карты СССР и Магаданской области, меня принял плотный круглолицый человек – главный геолог управления Александр Васильевич Бабкин, доктор наук и личность почти легендарная. К Бабкину у меня было сопроводительное письмо от Гурвича, с просьбой направить меня на Чукотку. Однако, использовать письмо мне не пришлось. Разговор сразу принял для меня вполне благоприятное направление. Узнав, что я хотел бы заниматься оловом и желательнее в Певеке, Бабкин, с готовностью, согласился и предложил мне отправиться, для начала, горным мастером в Биллингскую ГРП Чаунского РайГРУ. Я, естественно, принял предложение с энтузиазмом. Явно мною довольный, Бабкин подписал мои бумаги и проводил до дверей кабинета, поздравив на прощанье с хорошим началом самостоятельной работы и пожелав мне успехов и доброго пути на Чукотку. Лишь позже, уже в Певеке, я понял истинную причину такого ласкового ко мне отношения в Магадане. В управленческой гостинице – двухэтажном бараке на окраине города, я мелко порвал письмо Гурвича к Бабкину и выбросил его в туалет. Я был очень горд собой – работа начиналась вполне успешно и, главное, без чьей-нибудь поддержки и помощи. Я сам вполне мог решать свои проблемы и ни от кого не зависеть. А для меня это с детства было одним из наиболее болезненных вопросов. После того, как меня в 8 лет, оторвав от матери, увезли в Казахстан, я начал яростно сражаться за независимость, категорически отрицать всякое насилие над собой и с трудом терпел необходимую опеку старших, стараясь её максимально ограничить. Уже в 12-13 лет отстоял практически полную свою самостоятельность. Даже в университете я оказался чисто из чувства противоречия. Отец предложил мне помощь через своих знакомых для поступления во МГРИ, куда я и собирался подавать документы. И я тут же, втайне от него, отправился в Университет. Отец был обижен, долго на меня сердился и около года даже разговаривать со мной не хотел. Дело в том, что университетское образование более академично и не дает диплома инженера. Но, оно оказалось более соответствующим моему аналитическому складу ума, и впоследствии, очень способствовало увлечению теоретическими построениями и, соответственно, переходу на научную работу. Так что недаром говорят в народе, что худа без добра не бывает. А отсутствие инженерного диплома в совсем скором времени должно было сыграть, может быть решающую, положительную роль в моей жизни.

В гостинице соседом моим по комнате оказался парень, лет 30-ти, с каким-то серым, неприятным лицом. Был он крайне амбициозен и желчен в своих суждениях. Даже фамилия у него была соответствующей – Брызжатый. По специальности он был гидрогеологом и, несмотря на свои еще молодые годы, умудрился объездить уже всю Колыму и Чукотку, поработав понемножку во многих магаданских экспедициях. Даже на Камчатке успел побывать, откуда в это время и возвратился обратно в Магадан. И обо всех местах, где успел поработать, он отзывался крайне раздраженно, как об условиях жизни и работы, так и о людях, с которыми общался. В Певеке, по его словам, он уже тоже работал, все и всех там знает и сейчас направлен туда на усиление гидрогеологической службы в Чаунской экспедиции, поскольку ни одного сколько-нибудь стоящего специалиста у них нет. Мне, конечно, сильно повезло, что мы летим вместе - с ним не пропадешь, но, в принципе я, конечно дурак, что забираюсь в такую дыру, мог бы и в Москве остаться. Особенно он развеселился, когда узнал, что я собираюсь работать на Биллингсе. Оказывается это самое гиблое место на Чукотке, куда по доброй воле работать никто не едет. По сути дела, это экспедиционный штрафбат, куда отправляют только алкоголиков и тунеядцев, которые больше ни на что не годятся. Я внимательно и с интересом слушал рассказы, мотал на ус, но разговоры с

соседом настроения, конечно, не повышали. Как позже выяснилось, это был обыкновенный «летун» в поисках легкой беспечной жизни. Специалистом он был весьма посредственным, а характером - крайне скандальным и, главное, фантастическим лентяем. Поэтому, он и в этот заезд в Певеке не задержался, уже через 2-3 месяца отбив в какие-то более приятные для себя места. Рейсовые самолеты из Магадана в Певек летали два раза в неделю, поэтому в своей гостинице нам пришлось прожить с соседом целых два дня. На третий день, пузатый Ан-10 повез нас на север. Мне думалось, что полет будет не долгим, рейс то местный, в пределах области. Но мы летели и летели, дважды садились в маленьких аэропортах и только поздно вечером, уже в темноте приземлились, наконец, в Апапельхино, аэропорту Певека. На улице было морозно и мела сильная пурга. Непонятно было даже, как, в такой снежной круговерти, летуны сумели посадить самолет. На промороженном городском автобусе нас подвезли к небольшому, наполовину занесенному снегом, одноэтажному дому, над высоким крыльцом которого висела синяя вывеска «Певек». Напротив входа, на площади, урчал двигателем небольшой «пазик». Все мои спутники наперегонки кинулись к нему и мне, в очередной раз, пришлось проклинать свои громоздкие чемоданы. Но в автобусе, поскольку я был одним из последних, мне пришлось сидеть как раз на своих чемоданах посреди салона. Окна в автобусе были покрыты толстым слоем инея и лишь в лобовое стекло водительской кабины была видна узкая снежная траншея дороги в густых клубках метели. Машина с трудом ползла по глубокой колее, тяжело переваливаясь на ухабах. Через каждые 10-15 минут мы застревали в очередном перемете, приходилось выходить на улицу и дружно толкать автобус сзади. 20 км до Певека мы ехали, таким образом, больше двух часов и уже глухой ночью остановились, наконец, среди беспорядочно стоящих темных 2-3-этажных домов. Над небольшой площадью на столбе болталась под ветром лишь маленькая желтая лампочка, которая освещала, практически, лишь сам столб, на котором висела. Брызжатый уверенно повел меня куда-то в темноту, и мы сразу же наткнулись на огромный длинный сугроб. Он был набит ветром до каменной твердости и залезть на него по крутому скользкому боку в темноте, да еще и с тяжелыми чемоданами было проблематично. Лишь больно хлопнувшись пару раз, я был вынужден обратиться к своему спутнику и, только с его помощью, сопровождаемый отъявленной руганью, преодолел, наконец, первый чукотский барьер. Скатившись с противоположного скользкого бока, мы оказались перед приоткрытой дверью, казалось ярко освещенного тамбура, наполовину забитого снегом. За следующей дверью оказалась крутая деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Поднявшись по ней, мы очутились в небольшой комнате, перегородженной узкой решетчатой стойкой. За столиком сидела пожилая женщина с заспанными глазами и недовольно смотрела на нас. Это была местная ведомственная гостиница, только не геологическая, а горная, принадлежащая ЧЧГПУ, т.е. Чаун-Чукотскому горно-промышленному управлению и, соответственно, нас, геологов, селить в ней были не обязаны, о чем нам дежурная и поведала, посетовав при этом, что мест то все равно нет. Но до нашей гостиницы идти надо было очень далеко, темно и холодно. Для усиления ее сострадательного к нам отношения мне пришлось достать одну из привезенных с собой московских бутылок коньяка. И нам было разрешено расположиться в маленькой хозяйственной комнатке, в которой был узенький диванчик. Мне же рядом была поставлена раскладушка. После чего мы втроем с удовольствием отметили свое благополучное прибытие на Чукотку.

Первый день в Певеке

Утром, поблагодарив нашу хозяйку, мы отправились в свое Чаунское РайГРУ. Оно располагалось в соседнем неказистом двухэтажном доме. Некоторую элегантность ему придавали круглые деревянные колонны у входа, поддерживающие на втором этаже игривый резной балкончик, который выполнял явно чисто декоративную функцию. В большом тамбуре, с застекленной выгородкой для вахтеров, толпилось и сидело вдоль стены на длинной лавке множество, подозрительного вида, мятых и лохматых мужиков. Спутник мой, сказав: «Я щас!» - моментально исчез в недрах здания и больше я его в этот день не видел. Поглядывая на гомонящих мужиков, я засомневался, когда вахтер предложил мне оставить свои чемоданы в углу, прежде чем отправиться в отдел кадров для оформления. Позже я узнал, что на Чукотке мои опасения были совершенно беспочвенны, личных вещей здесь традиционно не воровали. Это было совершенно бессмысленно и очень опасно – обнаружить вора в маленьком поселке труда не составляло, а разбирались с ними, как правило, без помощи милиции, т.е. по старым лагерным дальстроевским законам. В узком темноватом коридоре первого этажа было такое же столпотворение, как и в тамбуре. Все мужики, весело переругиваясь, толпились у двери отдела кадров. Шел набор сезонных рабочих в полевые партии и вся эта буйная неопрятная братия была местными «бичами». Это были убежденные профессиональные бродяги, большей частью запойные алкоголики, которые могли сколько-нибудь продуктивно работать только в достаточном удалении от минимальной цивилизации, которая для них ассоциировалась, главным образом, с винным магазином. Среди них были очень умные и высокообразованные люди, большие профессионалы самого широкого спектра от парикмахеров и дантистов, до авиаторов и шоферов 1 класса. Были и бывшие партийно-государственные чиновники, комсомольские активисты, были и бывшие научные работники с учеными степенями, были, естественно, и геологи. Поэтому их позаимствованное из английского сленга самоназвание «бич», означающее моряка оставшегося на берегу (на пляже), местными остроумцами переводилось по русской традиции аббревиатурой – бывший интеллигентный человек (БИЧ). Однако основная масса бичей представляла собой бывших заключенных, часть из которых была освобождена из местных лагерей при ликвидации системы «Дальстроя» без права выезда в центральные районы страны. Были они, соответственно, абсолютно бесправны, долгую холодную зиму кучковались по чердакам и коробам центрального отопления или в самодельных лачугах на окраине поселка. Летом работали в тундре у геологов или на горных полигонах, осенью быстро пропивали заработанное и вновь «уходили на бич». Чем они питались несколько зимних месяцев неведомо, но воровства или грабежей в поселке, практически, не было. Первые годы на Чукотке мне много пришлось работать и общаться с бичами. Это были во многом удивительные люди, своеобразное добровольное сообщество или непризнанная властями социальная категория, не имеющая, кстати, ничего общего с появившимися позже «бомжами». В отличие от последних, бичи обладали высоким чувством собственного достоинства, не опускались, как правило, до жульничества или попрошайничества и никогда не гнушались любой, самой тяжелой и низкооплачиваемой работой. Когда у них были деньги, они были безрассудно щедры, когда денег не было они, по-видимому, голодали. Зимой они бродили тощими и грязными, но всегда веселыми и добродушными, кажется полностью довольными своей жизнью. За все

время нашего общения, я ни разу не видел серьезно ссорящихся, а тем более дерущихся бичей. Сами себя они делили на бедных и богатых. Богатым числился бич, у которого была газетка, которую он мог подстелить под себя, укладываясь спать, у бедного – не было и этого. Бичи, как явление бывшей советской действительности, почему-то до сих пор, практически, не описаны в литературе, хотя более чем многие другие категории населения, страдавшего от режима, заслуживают этого. Это было, фактически, общество в обществе, о котором до сих пор, практически, никто не знает. Не нашлось для советских бичей своего Горького. Бичей в бомжей советская власть превратила в середине 70-х, когда был резко ужесточен паспортный режим в пограничных регионах, к которым относилось почти полстраны. Весь север, северо-восток и восток стали режимными и бичей вывезли в центральные районы, где они и стали современными бомжами. Быстро научились воровать и побираться и совсем разучились работать. У нас же северных геологов и горняков образовался жесткий и постоянный дефицит сезонных рабочих. Нашим хозяйственникам в конце зимы приходилось ехать куда-нибудь в Новосибирск и нанимать там случайных бродяг на сезонные работы. Но это были уже не те, проверенные и на все руки мастеровитые, бичи, а, главным образом, никчемные бездельники и пьяницы, коллективно требующие себе максимальной оплаты за минимальную работу, о качестве которой и говорить было не принято. «Бич занесен в Красную книгу!» – печально пошутил как-то наш главный экспедиционный завхоз – Б.И.Белан, вернувшись из очередной командировки с завербованными сезонниками. И это было на самом деле очень печально!

Но, я отвлекся. Толпящиеся в коридоре бичи вежливо расступились, кто-то предупредительно показал – «Вам, наверное, сюда», и я оказался перед дверью начальника отдела кадров. Встретил меня коренастый, какой-то мягко округлый, радушно улыбающийся человек – Валерий Иванович Светликов. Создавалось ощущение, что он давно меня ждал и страшно рад моему, наконец, появлению. Потом я узнал, что это было его обычное отношение к людям. Причем, в его сердечном радушии не было и тени фальши, он мог быть при этом крайне принципиальным, за что его все и любили. Года через полтора, я, поссорившись с начальством, пришел к нему и заявил, что увольняюсь из экспедиции. Он добродушно улыбнулся и, мягко картавя, сказал:

- А «Тудовую» - то мы тебе не дадим.

- Не нужна мне трудовая, - взъярился я – Все равно уеду!

Он улыбнулся еще шире и весело выдал:

- Пгидется объявлять тебя во всесоюзный гозыск! По закону мы обязаны тегпеть друг друга целых тти года!

Особенно удивительным было его лучезарное отношение к людям и жизни после его тяжелейшей, буквально драматической чукотской судьбы. По профессии он был горным мастером – одна из труднейших и ответственных в геологоразведке специальностей. Особенно, при работе с заключенными в системе «Дальстрой» Горняки замеряли горную выработку, а у зеков нормы были очень жесткими. Если горняк попадался несообразительный, а еще хуже несговорчивый, ему устраивали несчастный случай, чаще всего со смертельным исходом. Людей тогда ни считать, ни, тем более, жалеть было не принято. В аналогичную ситуацию попал и Светликов. Он зимой сорвался в шурф, который документировал, сильно разбился, несколько часов пролежал, скрючившись, на дне 20-метрового колодца, поломал и обморозил обе ноги. Нашли и достали из шурфа его сами зеки. Он чудом выжил, но стал, практически, инвалидом – ноги хоть и срослись, но сильно болели. Иногда он почти не мог ходить. Пришлось ему сменить геологический молоток и рулетку на кресло

начальника отдела кадров. Позже к нему пришла и всесоюзная слава. О. Куваев в своем романе «Территория» с большой симпатией описал его в лице кадровика по кличке «Богода», хотя бороду, как раз, Светликов никогда не носил!

Радушно поздравив с прибытием и забрав мои документы, Валерий Иванович, отправил меня на второй этаж для обязательного представления начальнику РайГРУ Ф.Э.Стружкову! И мне опять крупно повезло – у дверей генеральской Приемной мой неуверенно-ищущий взгляд привлек внимание небольшого русоволосого парня с умными насмешливыми глазами.

- Новенький?! – поинтересовался он, сходу, - Откуда?! Как зовут?!

Это оказался еще один Валерий Иванович, - Валера Тимохин, на все последующие годы, вплоть до своей безвременной кончины, мой ближайший друг!! Все-таки, поистине, счастливый для меня был день – 6 апреля 1967 года!! Не зря, как потом выяснилось, именно в этот день Певеку, официально, присвоили статус города!! Как мы потом шутили – именно, в честь моего приезда!!

Валера, как всегда, быстро оценив мою ситуацию, категорически отсоветовал соглашаться на место горного мастера на Биллингс, тоже охарактеризовав это самой безнадежной «дырой» на Чукотке!

- Ты же университетчик, - резонно заметил он, - а, соответственно, не можешь быть горным мастером, поскольку не инженер!! На том и стой!! И я отправился..... к Генералу!!

Феликс Эмилиевич тоже встретил меня очень радушно, будто только меня и ждал в этот день – вышел из-за стола и крепко пожал руку, приобняв за плечи – я был смущен! И сходу, без предисловий, предложил мне отправиться на Биллингс – самое перспективное место для молодого специалиста!! А когда я возразил и, по совету Тимохина, напомнил, что у меня нет инженерного образования – он, задумчиво, вернулся в свое кресло и внимательно меня оглядел!

- У нас есть два варианта геологической карьеры молодого специалиста! – сказал он раздумчиво, после некоторой паузы, - Первый – мы назначаем Вас техником-геологом и Вы через 3 года, может быть, становитесь начальником партии! – Второй – мы сразу назначаем Вас начальником партии, но.... при срыве работ, переводим в вечные техники-геологи – выбирайте, что Вам предпочтительнее!!

Я, естественно, предпочел вариант первый, классический!! И был отправлен к главному геологу Л.К.Хрузову, за конкретным назначением! Тут уж я и о письмах С.И.Гурвича вспомнил, хотя... и не без внутренних сомнений!! Потому, прежде чем идти за назначением к Хрузову, решил познакомиться с В.Б.Терентьевым, как своим возможным непосредственным начальником!! Володя, с благодарно-стью, принял от меня две бутылки коньяка, прочел письмо Гурвича и, с сожалением, сообщил, что тема еще не утверждена и мне придется 2-3 месяца перебиться.... на другом месте!! С чем я и отправился на прием к главному геологу!!

Лев Константинович Хрузов был в РайГРУ личностью, поистине, харизматической, но тогда я еще этого, естественно, не знал и воспринимал его как местный аналог самого А.В.Бабкина!! Позже Хрузов стал для меня в экспедиции самым заклятым недругом, но, тогда он меня встретил самым радужным образом, а, получив письмо Гурвича, вообще, вспылал ко мне самыми высокими чувствами! - Гурвич был для него, все-таки, абсолют из неведомых высей, как я потом понял – он через Терентьева курировал диссертацию САМОГО «генерала» Стружкова! Ну и я, соответственно, представлялся ему, уже как потенци-альный «небожитель»!! Поэтому, естественно, самое малое, что он мог мне

предложить - «блатное» место на золотой теме Г.Я.Белика, которая уже близилась к завершению!! И я «пошел в науку»!!

Но, работа была потом – сначала мне надо было устроиться с жильем!! Лев Константинович распорядился по телефону, Валерий Иванович Светликов, лично, отвел меня к Лазарю Яковлевичу Рахманчику, в его маленькую, вечно кишашую народом, комендантскую клетушку за вахтой и сам, знаменитый на весь Певек, Рахманчик, повез меня, с моими чемоданами, в гостиницу своего имени – знамени-тую «Рахмановку»!! Это был классический советский двухэтажный барак, довольно далеко от РайГРУ, на окраине поселка, почти на въезде в него из аэропорта!! Рядом была и знаменитая геологическая улица Полевииков!! А сам барак, был, по сути, как тогда говорили, «малосемейным общежитием»!! Под гостиницу было отведено лишь одно крыло первого этажа из 6 комнат!! Единственным и полно-властным хозяином этих хором был Лазарь Яковлевич, отчего они и звались в народе «Рахмановкой»! Было, правда, и еще одно народное название – «Дом без крыши» - как память о давнем строительном казусе – изначально бараку запроектировали плоскую крышу, чтобы, дескать, «южаком» не снесло, но..... быстро поняли, что дожди-снега для дома куда опаснее «южаков» - крышу нормальную сделали, а название осталась!!

После дальней дороги надо было привести себя в порядок, да и вид соответствующий представительский приобрести для знакомства с новыми, уже настоящими своими коллегами, с которыми предстояло работать многие годы! В гостинице же кроме будки-туалета, в конце коридора, с классической дыркой на приступочке и рукомыльника на стене в комнате, никаких условий для этого, к сожалению, я не обнаружил! И пошел я в баню!

По дороге познакомился, наконец, среди бела дня, и с новым своим местом обитания, самым северным городом Мира – Певеком! Правда, тогда мне и в голову не приходи-ло, в какое... уникальное место я попал!! Надо было, просто, обжиться на новом месте, что для меня, впрочем, было достаточно уже и давно привычным!! Певек меня не расстроил и не удивил, а черные трубы Чека с черными столбами дыма до небес на фоне дальних белых крутых берегов о-ва. Бол.Роутан и вереница вмерзших в лед судов вдоль берега, вполне вдохновляли на романтические подвиги! Дополняли все непривычная кромешная зима в апреле и темно-серые снежно-ледяные наддувы между домами до 2 этажа, в которых были прорублены проходы для пешеходов!! Сразу вспомнилось ночное преодоление препятствий, по прибытии!! Одним словом – было, что героически осваивать – это вдохновляло!

Баню я нашел в центре поселка, недалеко от морпор-та, благо, она была типовой – точно такая же баня была и в моем любимом Кораблино, - и видна была издали, как некий храм чистоты и удовольствий!! Я с удовольствием попарился в шикарной парной кем-то оставленными колючими вениками и, в полном душевном и физическом благо-лепии, расположился на широкой скамье в моечном зале. На соседней скамье неспешно тер себя мочалкой плотный темноволосый мужичок с очень знакомой круглой физиономией! Он весело поглядывал на меня черными маслинами глаз и приветливо улыбался, как старому знакомому. А потом, так же запросто, повернулся ко мне спиной и попросил ее потереть!! Я был в шоке – как у меня появился знакомый в Певеке в первый же день по приезду?!! А мужичок начал, по-свойски, расспрашивать, как я устроился и что собираюсь делать? И лишь, когда мы вместе вышли в предбанник и начали одеваться, я его, наконец, к ужасу своему, узнал – это был САМ Стружков, начальник РайГРУ, мой новый «генерал»!! Потому я его и не узнал сразу, что мне и в голову не могло прийти, что «генералы» тоже

моются в бане, да еще и в рабочее время!!! А в бане, как известно – все равны!!

Так и закончился мой первый день на Чукотке!!

«Военная» партия» – первый сезон.

Работа с Георгием Яковлевичем Беликом у нас не получилась! Он уже, практически, закончил свою золотую тему и уезжал с ней в Магадан, в СВКНИИ. Мы даже познакомиться с ним толком не успели, как мне вновь пришлось искать себе место работы. Валера Тимохин, с которым мы быстро подружались, усердно уговаривал меня поехать в поле к ним, на 200-ку, в партию Желтовского, где он был старшим геологом!! Партия работала в самом экзотическом месте, в районе знаменитого озера Эльгыгытгын. Аргументы Валеры, кроме прочих романтических соблазнов, были, вроде бы, совершенно не биты – съемщик начинается с регионалки, чтобы сразу ознакомиться с территорией по максимуму!! Но, у меня был другой упертый аргумент – я не только съемщик, но еще и поисковик, а настоящие поиски, по существу, начинаются только с масштаба 1:50 000, который, кстати, был мной освоен еще на практике в Казах-стане!! С тем я, в конце концов, и отправился.... по начальству, но не к Хрузову, который отправлял меня на «темы», а к начальнику геолого-съемочной экспедиции Якову Севастьяновичу Ларионову!! И тот меня моментально определил старшим техником-геологом в Вачваатапскую ГСП под началом Романчука. Так и закончилась моя первая «научная» карьера, хотя Владимир Борисович (тогда еще просто Володя) Терентьев еще долго числил меня потенци-альным своим сотрудником, пока я, официально, не отказался от участия в теме и не передал свое место Боре Кулешову, который, в результате, и стал, вместо меня, через 3 года кандидатом наук, сразу же сбежав в Магадан! А я, всерьез и надолго, занялся золотом!! Чем, крепко и окончательно обидел милейшего Семена Ильича Гурвича – моего небрежения к его активной помощи и его любимому олову, он мне так и не простил до самой своей кончины, к сожалению!

Мне, наверное, в очередной раз, повезло – в первые же годы своей самостоятельной профессиональной жизни, я на себе испытал весь спектр экстремальных производственных отношений в реальной геологии – это меня и закалило и определило, как личность – сделало из пацана профессионалом!! Так у меня и остались в памяти мои первые чукотские полевые партии – «военная», «военизированная», «дачная» и «бардачная»! Дальше уже, начиная с 71-го года, я сам делал СВОИ партии и отряды!! Но, первая партия – «Военная» - была, наверное, все-таки, определяющей!!

С Романчуком меня тоже познакомил Валера, мы даже выпили за знакомство в единственном тогда, а потому и знаменитом кафе, которое, по-видимому, по причине особой популярности у геологов-полевилов, тоже прозывалось «Рахмановка»! Но, это знакомство и выпивка оказались роковыми, как для самого Романчука, так и для всей нашей партии в целом, к сожалению! И, именно, Тимохина потом обвиняли, что он «споил» Романчука и загубил нашу партию! А, Владимир Григорьевич Романчук был мужиком умным – это я отметил сразу при знакомстве. И очень неплохим геологом, по свидетельству Валеры Тимохина! Но..... бич всех мыслящих людей в то время и в тех экстремальных условиях – алкоголизм! И.... на нашем знакомстве он сорвался! Все пошло прахом – пропил и партию, и работу, и семью, и всю свою жизнь – так через год и сгинул в неизвестности!!

А пили тогда в нашей конторе, действительно, «по- черному»! Даже я, достаточно закаленный студенческой жизнью, с многочисленными бурными застольями, бывал в изумлении и растерянности. Святым в конторе был «час волка» - 11 утра, когда в магазине начинали продавать спиртное, а я, как салага-новобранец, обязан был бежать... за "питанием"!! Дальше «радость» продолжалась уже до следующего утра, а я должен был следить, чтобы источник «радости» не иссякал!! И утром к нам в комнату, помню, заходил взлохмаченный сосед, Саша Волохин, который, даже не поздоровавшись, молча лез через меня за кушетку, где у меня обязательно стояла «резервная» бутылка водки – наливал полный тонкий стакан на столе и выпивал его залпом, как воду!!

- Вот!!! Теперь можно и на работу идти!! – удовлетворенно говорил он, утирая губы кулаком!! Я только поражался – целый стакан, без закуски и даже не поморщившись!! Но.... потом навидался чудес и похлеще, однако!! А главное, что меня удивляло и восхищало – разговор при любой пьянке шел, исключительно, "по работе», иногда накаляясь и до мордобоя!! «По морде» можно было получить за любую халтуру и, главное, невзирая ни на лица, ни на звания!! Но, все это было потом!! А пока - на следующий день, в конторе, я познакомился и с геологом партии Наташей Нечаевой, тоже выпускницей нашего факультета, только 3-мя годами раньше!! Я ее даже смутно вспоминал среди наших старшекурсников! И, уже в конце апреля, через 2 недели после приезда, я был «в поле», на строящейся базе партии, на р. Геркувеем, в 30 км от Паляваама!! А «в поле» у нас везде и всегда был «сухой закон»! Старшим на «весновке» был горный мастер Володя Дуров. Я был совершенно не сведущ в строительстве, потому больше путался под ногами и озирал окрестности!! А посмотреть было на что! Междуречье Паляваама и Пегтымеля, наверное, самое красивое место на Чукотке!! И, самое богатое разной горнолазающей живностью, в первую очередь, знаменитыми горными баранами!! Буквально, первый же мой выход за территорию базы, по долине Геркувеема, оказался удачным – я подстрелил крупного рогаля, который попытался покрасоваться передо мной на вершине скального уступа!! Ребята на базе были в полном восторге – добыть козла считалось, оказывается, великой удачей, значит.... великий охотник на Чукотку приехал!! И, я.... хоть никогда и не был охотником, возрос в собственных глазах!! Хотя, удовольствия от убийства козла я никакого не получил и даже на праздничном застолье, по случаю удачной охоты, поедал его.... с трудом!! Кстати, на этом же праздничном застолье я, вдруг, обнаружил, что никакого «сухого закона» в партии, оказывается, нет – рабочие дружно пили «бражку», а завхоз Валера с Дуровым, вообще, соорудили нормальный самогонный аппарат и угощались отменным первачом, как на настоящей большой охоте и положено!! Но, мои охотничьи подвиги на этом не закончились!!

На базу начали завозить аммонит для взрывных работ на шурфах и канавах. Маленький зеленый Ми-4 каждые полчаса присаживался возле большой складской палатки за пределами базы, рабочие неспешно его разгружали и он улетал на Паляваам за новой партией ящиков. Но, в очередной прилет, вертолет повел себя странно – быстро, слету, без обязательного посадочного круга и зависания, он плюхнулся возле склада, летуны сами, не дожидаясь рабочих, выкинули из него ящики и он, лишь слегка приподнявшись, хвостом вперед быстро переместился в центр базы!! Из него выскочил борттехник и, с воплем «Медведь!!!» - кинулся ко мне – «Карабин давай!!!» Я схватил в палатке карабин, запрыгнул в вертолет и мы взлетели. Медведя мы нашли быстро – в белой, еще заснеженной, тундре спрятаться ему, бурому, было негде! И началась «охота»! Беру в кавычки, поскольку в более мерзком «мероприятии» мне участвовать больше никогда не приходилось! Тогда я впервые

непосредственно пообщался с медведем в природе и проникся к этому зверю огромным уважением, и тем омерзительнее было его подлое и зверское убийство, оставшееся на всю жизнь грязным пятном в моей душе!! Медведь уходил от нас по тундре махом – оказывается они, косолапые, умеют бегать достаточно быстро! Но, когда вертолет догонял его и пристраивался сбоку для стрельбы из открытой двери, мишка резко тормозил всеми четырьмя лапами и, кувырнувшись через голову, закатывался ему под безопасное брюхо! Меня эта мудрость зверя тогда поразила – откатывался он не ОТ вертолета, как, вроде бы, толкал его естественный инстинкт, а под него – он СООБРАЖАЛ, что там безопаснее!! И стрелять в такого умницу у меня уже рука не поднималась - стрелять начал бортмеханик! Но, медведь оказался слишком шустрым и попасть в него нашему горе-охотнику никак не получалось!! Я уже, всей душой, болел за него и считал патроны в карабине! И именно последним выстрелом механик, все-таки, попал – было видно, как полетела шерсть и кровавые хлопья и правая задняя лапа замахала крылом – пуля перебила бедренную кость!! Медведь сел, ощерившись в нашу сторону, но..... патроны кончились!! И тут начался самый омерзительный акт этой «охот-трагедии»! Летуны, посоветовавшись, начали давить зверя колесами – с высоты 3-5 метров бросать на него машину!! Медведь ловко уворачивался и, в конце концов, на одной задней лапе сам прыгнул на вертолет – он чудом не зацепился передними лапами за порожек его двери и только поцарапал обшивку, но..... нас всех прошибло холодным потом – думаю, сумеет он зацепиться – "охотникам», вместе с техникой, была бы полная «хана»!! И мы..... отступили!!! Было решено лететь на базу за патронами!! Карабин, естественно, я у механика отобрал! Но, когда, вновь вооруженные, мы вернулись на место трагедии, медведя там не нашли! Его обнаружили, по кровавому следу, в полукилометре ... среди мелкого кустарника в пойме ручья!! Я, с карабином в руках, увидел его в 5-7 метрах – он повернулся в мою сторону и заревел – я выстрелил, навскидку, почти не целясь и услышал, как пуля с визгом срикошетировала! Оказывается, я попал ему точно в лоб, но.... пуля череп не пробила, а, с визгом, улетела в сторону – броня у мишки в голове не уступает танку!! Но,.... я его оглушил и добил уже в упор, в ухо!! Тогда я понял, что такое русский мишка косолапый и что с ним лучше не воевать – в честном поединке убить его почти невозможно, большое искусство, хитрость или..... подлость требуются!! И, еще я понял, что я, совсем не охотник – убивать кого-то, без крайней на то нужды, не моя стихия!! Через пару дней на базу прилетел весь основной состав партии – сам Романчук, старший геолог Александр Сергеевич (Саша) Сидоров, с которым я еще не был знаком, Наталья Петровна (Наташа) Нечаева и с ней, маленькая плотненькая студенточка Танечка из Ростовского университета!! Романчук был уже хорошо «навеселе» - «отмечать» отъезд в поле было традицией – дальше, до осени, предполагался «сухой закон»! Саша и девчонки были абсолютно трезвы – первый, оказывается, вообще, очень заботился о своем здоровье и вел трезвый образ жизни, ну, а женщинам у нас пить было по штату не положено – они обязаны были мужиков и хозяйство блюсти!! Веселый Романчук сразу же заметил в тамбуре нашей, «командирской», палатки свежую медвежью шкуру, довольно заурчал и велел завхозу навести эмалированное ведро жидкого кислого теста для ее выделки!! Я, в этом деле был абсолютно не сведущ и, с интересом, наблюдал за активными манипуляциями начальника! Тесто, оказывается, должно было скиснуть и перебродить, на что требовалось какое-то время. А, чтобы проверить, насколько оно готово, похмельный шеф постоянно его «пробовал» на вкус. В результате, когда пришло время мазать им шкуру, в ведре, практически, ничего не осталось!! Было поставлено еще одно ведро, с тем же

результатом!! И после третьего ведра, хозяин приказал завхозу муку больше не переводить, а ставить просто «бражку» и ушел в глухой запой на весь оставшийся сезон! А, шкура так и сгнила, не выделанная, и я остался без своего главного охотничьего трофея, да еще и с виной на душе за то, что, фактически, «споил» первого же своего чукотского полевого командира!!

Сезон был сорван, практически, не начавшись! Начальник глухо сидел в своей палатке. Саша Сидоров оказался крайне ленивым и совершенно безинициативным, да к тому же, еще и весьма слабым геологом. Он был назначен старшим, исключительно, из-за дефицита кадров и в надежде на умницу Романчука. А, фактически, съёмочными маршрутными работами занималась одна Наташа. Саша же, крупный рыжий круглолицый мужик с бледно-голубыми глазами, занимался, в основном, физическими упражнениями и пустым пошлым трёпом, типа – «Девочки, давайте поговорим о девочках!!»

Горнорабочие-шурфовщики дружно и весело пили бражку, Володя Дуров с завхозом... - аристократический самогон, шурфы стояли затопленные... Но, апофеозом наших горных работ стали канавы! Ребята просто вытащили оставшийся на складе аммонит на ближайшую сопку, разложили ящики цепочкой и подорвали их массовым взрывом! А Дуров провел «документацию-описание» канавы, по трем обломкам, принесенным из «выработки» самими рабочими! Мне же, позже, зимой, на камералке, при составлении отчета, пришлось долго разбираться и много фантазировать с этим «фактматом»!

От Дурова же, с его «орлами», пошло и прилепившееся к нашей партии ее «историческое» название – «Военная»! И получилось это случайно – с моей подачи. Уже в середине лета я, в очередной раз, пришел на базу из маршрутов за продуктами и, обнаружив уже привычную обстановку, поинтересовался у подвыпившего Дурова, когда же они собираются, наконец, закончить шурфовку?!

- Да, хоть сегодня! – весело ответил Володя.

- Да, брось! - усомнился я, - Твои, небось, привычно лежат вокруг бачка с бражкой!

- Пойдем! – решительно поднялся горняк.

В большой рабочей палатке царил привычная полусонная обстановка.

- Подъём! – рявкнул Дуров, - На работу пора!!

Рабочие зашевелились и, собрав по углам свои инструменты, потянулись из палатки на улицу. Мы с Дуровым возглавляли этот исход. Но, дойдя до нашей с завхозом палатки на окраине базы, он решительно завернул в неё, кивнув рабочим – «Ждите!», дескать! В палатке он сел за стол, плеснул в кружку самогонки и продолжил неспешную беседу, прерванную нашим походом к рабочим.

- Вы, же, вроде, на работу пошли! - напомнил я через несколько минут!

- Ах, да! – спохватился он.

Рабочие сидели рядом на краю речной террасы у палатки и курили, уныло переговариваясь.

- Шабаш на сегодня – отдыхайте пока! - тем же командирским рыком поднял их на ноги Вовка и, вернувшись в палатку, сказал мне назидательно, - Запомни, пацан - у нас в поле дисциплина... военная - приказ начальника – закон для подчиненных!!!

Но, военная дисциплина закончилась в августе!! И инициатором оказался сам начальник партии! У него, просто, однажды, вдруг закончилась выпивка и он отправился на поиски завхоза. Забрел в палатку к рабочим и обнаружил посреди нее открытый бачок с бражкой! Не раздумывая, он сразу же, по-хозяйски, попытался поправить свое здоровье. Но, пьяная братва, вдруг, возмутилась – они уж и забыли, как выглядит их начальник,

и приняли его за случайного заблудившегося ханыгу! Романчука просто выставили вон и он, взбешённый, сразу же вышел на радиосвязь по аварийному каналу с пьяным воплем – «Всем! Всем! Всем!! Бунт на корабле!!!» Рабочие, быстро отрезвленные Дуровым, кучей кинулись извиняться перед хозяином и, наперебой угощая его, быстро утомонили и уложили почивать, но..... было уже поздно!! Уже через час, на базе был борт из Певека, с представительной командой, во главе с самим Яковом Севастьяновичем Ларионовым - начальником ГСЭ РайГРУ!

Меня во время массовой «эxecуции» на базе не было, и многие ее детали знаю лишь по рассказам очевидцев!! Я лишь, находясь в маршруте, с удивлением, отметил оживленную суету вертолетов над районом нашей базы!! Ту же суету заметил и Саша Сидоров, но, в отличие от меня, бросив маршрут, тут же кинулся на базу!! Там он застал самый финал трагикомедии, под названием «Военная партия» - весь ее наличный состав, за исключением завхоза, был вывезен в Певек и уволен без выходного пособия!! А Саша был официально назначен «и.о.начальника» на время эвакуации имущества и оставшихся сотрудников, т.е. нас с Натальей! Но и таким, буквально, свалившимся с неба, повышением он был горд необычайно и, когда я, через несколько дней, завершив работу, появился на базе, первым делом, заявил мне официальным тоном, что теперь именно ОН, Александр Сергеевич Сидоров, теперь начальник и полный хозяин в партии!!!

Благо, что в подчинении у него, практически, оставался только я – за Наташей самолично прилетел Валера Тимохин и, прямо из тундры, увез ее с собой в Певек – они, оказывается, отправлялись в отпуск!! Тогда же я, с удивлением, узнал, что они, - семейная пара!! А, я за ней так вдохновенно ухаживал все лето!!!

* * *

Роман наш был, правда, в основном, романтично-платоническим – для натурального интима на базе совершенно не было условий!! Жить Наталья, вместе со студенткой, вынуждены были в самой благоустроенной палатке Дурова, а я, вначале, жил с глухо запившим Романчуком!! Уединиться можно было разве что.... в тундре!! Гуляли часами, любясь, как тундра освобождается из-под снега и начинает зеленеть!! С ней же и баранов впервые обнаружили, одного из которых, я и добыл, так удачно!! Сближали нас, прежде всего, конечно, родные Москва и геолфак МГУ – оказывается, она меня заметила еще там, хотя старшекурсники младших замечали, обычно, редко – мы, тоже, мало знали ребят даже из следующего за нами курса. Ну и, конечно же, страсть всех романтиков-шестидесятников – поэзия – Есенин, Еvtушенко, Рождественский, Ахмадулина.... Ну, и, не в последнюю очередь, нам обоим очень не нравился откровенный пьяный бардак в партии и хотелось поскорее уйти в тундру, на работу!! Ну, а летом, когда мы вынуждены были работать порознь, я иногда срывался после рабочего дня, оставлял своих промывальщиков и отправлялся за многие километры искать съемщиков! Они работали в две пары – Сидоров с рабочим и Наташа со студенткой. И стояли у них обычно рядом две маленькие палатки-маршрутки. Я приходил, часа 2-3 сидел с ними, а потом отправлялся обратно, чтобы с утра вновь выйти в свой шлиховой маршрут! Такой вот был.... роман!! А дружба потом осталась на 30 лет! Но, о том памятном лете у меня остался на полке, подаренный тогда Наташей, томик Еvtушенко, как напоминание, что «самые лучшие книги они в рюкзаках хранят!»

* * *

Романчук, в первые дни нашего общения, мне даже понравился - под легким хмелем он подробно рассказал мне о территории, на которой предстояло работать и о моих обязанностях, как ответственного за шлиховую съемку!! Положение осложнялось тем, что я никогда не держал в руках промывочного лотка – нас в университете, почему-то, этому не учили! Но, он меня успокоил – специально подобрал мне опытного техника по промывке и старого, известного на всю Чукотку, промывальщика, который удостоился чести даже стать одним из персонажей только что вышедшей тогда «Территории» О.Куваева. Меня это обстоятельство так вдохновило, что я, не дожидаясь, когда тундра освободится от снега, устремился с новыми подчиненными в первый пробный маршрут вверх по основному руслу по-весеннему бурлящего Геркувеема! Уже изрядно хмельной начальник, по возвращении, высмеял мой энтузиазм и потерял ко мне всякий интерес, погрузившись в пьяное самосозерцание, исподволь прерываемое лишь резким стуком кулаками по столу и невнятным хрипом сквозь стиснутые зубы: - «У...У...У..., СУСЛИКИ!!!!» И я пошел строить себе отдельную палатку!! Первую свою чукотскую полевую каркасную палатку я соорудил быстро, хотя и достаточно топорно, из остатков материала, оставшегося от строительства базы! В палатке не было даже дощатого пола, но, была железная печка и нары, а, главное, я был в ней полным хозяином!! Позже, когда я ушел в маршруты, палатку облюбовал и завхоз наш, Валера, которого привлекло ее положение на отшибе от базы, на самом уступе береговой террасы. Там они с горняком, в мое отсутствие, и самогонку начали варить! А, вначале, моему сооружению, кроме меня, больше всего обрадовались наши девчата! Дело в том, что наши «военнообязанные» строители забыли построить на базе баню, и моя палатка была для них истинным спасением. На печку ставился бак с водой и, когда она нагревалась, меня выгоняли в тундру погулять, на что я, конечно, ничуть не обижался, хотя, естественно, далеко уходить от обнаженных красавиц совсем не хотелось! Но, «весновка» закончилась, снег в тундре сошел, она зазеленела и мы с геологами отправились в маршруты – они по горам, а я, со своими «орлами», по руслам ручьев и речек. Для меня шлиховая съемка была делом новым, почти неизвестным, и я, естественно, сразу начал делать массу ошибок. Главная из них заключалась в том, что я начал сразу же сильно сгущать детальность отбора проб, боялся пропустить месторождение! Тем более, что я, достаточно быстро овладел лотком и, когда впервые увидел в нем намытое золото, мною овладела эйфория, знакомая, наверное, многим «золотарям» - я брал пробу за пробой и не мог остановиться, несмотря на подтрунивание моих более искушенных в этом деле спутников! С первым своим золотом, я, воодушевленный, сразу прибежал к геологам! Но, Саша Сидоров только ухмыльнулся – «Это золото на Холодном Левом еще Копытин нашел 10 лет назад!» – сказал он и посоветовал мне.... не суетиться попусту и больше доверять моим опытным промывальщикам. Но, мне уже трудно было остановиться, и, к середине сезона, план отбора проб, по количеству, был выполнен, а площадь съемки была закрыта лишь наполовину! Тогда я, малость поостыл, и решил последовать совету Сидорова, тем более, что он, в связи с отсутствием на работе Романчука, обязал меня провести еще и часть его геологических съемочных маршрутов. Мои ребята приняли новую расстановку сил с воодушевлением – одним им было проще и привычнее работать! Но, как оказалось, совсем без меня обойтись они все-таки не могли. Хотя, как позже выяснилось, это был, практически, уникальный случай, когда мы, на шлиховой съемке, работали втроем – обычно работали вдвоем – техник и рабочий-промывальщик, а иногда приходилось ходить и в одиночку, с лотком в рюкзаке!! Именно такую,

классическую, шлиховую маршрутную пару и представляли собой мои помощники, специально подобранные, мне, зеленому салаге еще трезвым Романчуком! А, обойтись без меня ребята не могли по классической для советских работяг причине – они не могли работать без халтуры – им обязательно требовался контролер-наблюдатель! В этом я убедился в первый же день их «самостоятельной» работы. Я дал им задание отмыть один из ближайших ручьев и отправился с лошадками на базу партии за продуктами и материалами для геологических маршрутов. Но, через пару часов вынужден был вернуться к нашей палатке, по какой-то нужде, и, с удивлением, обнаружил в ней своих работяг! Рядом с палаткой на мешковине аккуратно сушились шлиховые капсюля – ровно намеченная дневная норма – 18 штук! Они намыли их из одной ямы с ближайшей косы. Я, конечно, осверепел и, грозя им всеми небесными карами, пообещал больше не выпускать их, в течение рабочего дня, из виду. Позже так и старался ходить маршрутами по водоразделам и бортам долин, постоянно наблюдая за подчиненными в бинокль. А, ребята у меня были великолепные, как, собственно, и большинство северян-работяг, в чем я достаточно скоро убедился. Старший, Владимир Григорьевич, кряжистый, спокойный и рассудительный, 50-ти, с лишним, лет, бывший зек, освобожденный без права выезда в центральные районы страны, как и большинство политических. Он пользовался неоспоримым авторитетом и даже начальство обращалось к нему, исключительно, по имени-отчеству. Второй – типичный бич, Валера, по прозвищу «Рипудин», по названию средства от комаров, которое нам выдавалось в маршруты, а им употреблялось по иному, более, на его взгляд, приятному назначению. Мелкий, суетливо-говорливый, будто вечно хмельной, он был полной противоположностью неспешно-спокойному Григорьевичу и вместе они составляли весьма колоритную пару. Валера был настолько известен среди чаунских геологов, что стал даже одним из персонажей знаменитой повести Олега Куваева «Территория», который, правда, дал ему в своей повести более благозвучное прозвище – «Кефир»! Различным было и их отношение ко мне, молодому, неискушенному в тундровых делах и неопытному в работе, специалисту. Григорьевич, подчеркнуто вежливо, хотя и не без снисходительной иронии, обращался ко мне только по отчеству. Валера же, как и положено старому тундровому бичу, на работе именовал меня только начальником, а в быту, благодушествуя, иногда, снисходительно переходил и на имя. Однажды, в яркий солнечный день на пике лета, мы, как обычно, собрались на работу. Но, выбравшись из палатки, я обнаружил, что Валера «принимает ванну» - сидит голым в маленьком тундровом ручье, уютно облокотившись на его зелёные травянистые борта и урча от удовольствия под потоками воды, переливающимися через его плечи! На работу он явно не собирался, о чем я его, с удивлением, и спросил.

- Начальник! – блаженствуя, снисходительно, ответил он мне, - Ты забыл, куда приехал?! Это ж - Чукотка!! Здесь такая погода раз в 100 лет бывает – какая может быть работа?!!

Я онемел от подобной наглости, но... ответить не успел – вмешался Григорьевич,-

- Пойдем вдвоём, Львович, - от него, все равно, сегодня толку мало! – сказал он и, уже иным, приказным тоном, обратился к Валере – Не груби начальству, сморчок! И, чтобы, к нашему приходу, была грибная жарёха с харьюзами!

Мы отправились в долину соседнего ручья и, по дороге, мой спутник неожиданно заметил: - Львович, а нам не стоит сегодня далеко от дома уходить – снег будет, однако! Я с удивлением на него воззрился – погода была, действительно, на редкость хороша – на небе ни облачка, солнце

сияет, как на юге, на ходу даже жарко становится!! Решил, что дед просто позавидовал, вдруг, оставшемся у палатки Валере. Но, ближе к обеду, с севера вдруг дунул пронзительно холодный ветерок и с ближайшего плоского перевала в долину, низко над тундрой, как серые всадники, устремились мелкие рваные облачка! Они быстро затянули все небо, солнце скрылось и пошел мелкий дождь, а затем и, действительно, снег! Работу пришлось свернуть – к палатке мы подходили уже, разгребая снег ногами. Я не мог не поинтересоваться у Григорьяча – как же он догадался о такой быстрой и радикальной смене погоды? Тот, только пожал плечами,

- Чукотка, однако, и сегодня 20 июля – каждый год такое бывает!

Позже, для нас было уже нормой, в последней декаде июля пережить летнюю пургу на базе партии. Но, бывало, приходилось и по несколько дней лежать в маршрутной палатке, занесенной снегом, как в бурном 73-ем, на Пыркатагыне, с Геней Загородним. А, Владимир Григорьевич, окончательно стал для меня, как знаменитый Дерсу Узала для Арсеньева! Жаль лишь, что он, как и, практически, все остальные сотрудники нашей, ставшей тоже знаменитой, «военной» партии, больше на моем производственном и жизненном пути не встречался. Возможно, он, все-таки, сумел выбраться, наконец, с Чукотки на «материк». Спектакль закончился и актеры разбежались, оставшись, лишь, легендой, в памяти народной.

Ну, а пока я впитывал Чукотку, как губка и очень благодарен моим учителям, независимо от ранга и социального положения. И в первую очередь, конечно, таким, как Григорьяч и Валера.

А, учился я достаточно быстро. Особенно, когда начал в одиночку ходить в съёмочные маршруты, наблюдая за работой своих промывальщиков со стороны. Но, однажды, увиденное заставило меня остановиться и забыть о маршруте! С борта долины я увидел, что навстречу моим ребятам, с остановками для отбора проб, пробирающимся по руслу ручья, по противоположной речной террасе, неспешно ковыряясь в тундре, двигается крупный медведь. Возможно, они, занимаясь каждый своим делом, так бы и разминулись, не заметив друг друга за прибрежным кустарником, но..... медведю, вдруг, приспичило перейти через ручей и именно в том месте, где мои мужики отбирали очередную пробу! Со стороны, как в кино, встреча гляделась очень забавно и поучительно – реакция медведя и Валеры была одинаковой – они бросились бежать в разные стороны – медведь по своему следу на противоположный борт долины и быстро скрылся за соседним увалом, а Валера быстро, не оглядываясь, карабкался ко мне! Больше всего меня поразило поведение Владимира Григорьевича – он, как ни в чем не бывало, спокойно промыл очередную пробу, собрал инструмент и, так же неспешно, как и ранее, в одиночку пошел вдоль русла к очередной точке опробования.

- Медведь!!! - истошно завопил Валера, увидев меня. - Вижу! - отвечивал я, - Вернее.... уже давно не вижу - убежал твой медведь. Валера присел рядом со мной, отдышался, пробурчал,

- Карабин надо с собой таскать, начальник! - и побрел обратно, к своему старшему товарищу, который уже начал отбирать очередную пробу для промывки. А, карабин у нас лежал в палатке – мне было лень таскать его с собой в маршруты. Но, совсем скоро, буквально, через пару дней, я понял, что Валера был прав! В тот день, мы, впервые расстались с ребятами. Я пошел маршрутом по отрогам знаменитой золотой сопки Рудная, открытой однофамильцем нашего старшего геолога А.И. Сидоровым, еще в конце 50-х. А промывальщики отправились планомерно опробовать ручей Находка, золото на котором тоже было давно известно, почему он так, собственно, и назывался.

Продвигаясь вдоль скального отрога и постукивая молотком, я вдруг увидел, как прямо у меня на пути, из-за скального выступа, появился.... медведь! Он был достаточно далеко, метрах в 200-х и агрессии не проявлял – просто стоял и смотрел на меня. Обходить его по кочковатой пустой тундре мне не хотелось, идти на него в лоб – тем более! И я решил подождать, когда он уйдет сам, памятуя, что медведи всегда отступают перед человеком. Но, медведь упорно оставался на месте. Я сел, достал пикетажку, поставил на карте и описал точку наблюдения – медведь, будто передразнивая, тоже присел, наблюдая за мной. Тогда я достал термос и решил.... пообедать. Медведь упорно оставался на месте. И я, с сожалением, понял, что его придется, все-таки, обходить по голой тундре! Но, стоило мне подняться и закинуть рюкзак за плечи, мишка тоже встал на ноги и неспешно скрылся за выступом скалы. И я, вздохнув, наконец, свободно, отправился дальше по своему маршруту, постукивая молотком и, по-привычке, мурлыкая, про себя, какую-то любимую мелодию. Дойдя до приметной скалы в конце отрога, я понял, почему медведь не хотел уходить с моего пути – плотно утрамбованная площадка, прикрытая сверху отвесным скальным выступом, была его домом! И, с любопытством оглядывая площадку, я, вдруг, затылком и всей спиной, почувствовал на себе чей-то тяжелый взгляд! Повернув голову, я увидел огромного медведя, с пышными седыми бакенбардами, прямо у себя над головой, на скальном выступе, нависающем над площадкой – он буквально сверлил меня своими злющими красными маленькими глазками!! Нельзя сказать, что я испугался, - скорее, внутренне, замер и, в голове, вспыхнула главная мысль – «Только, не бежать!!! Догонит!!!» И вот, в этот момент я пожалел, что карабин оставил в палатке, а единственным оружием у меня, хотя, конечно, и очень серьезным, были.... молоток и охотничий нож на поясе!! Хотя, объективно говоря, в моей ситуации, я и карабин не успел бы скинуть с плеча. Но, мишка агрессии, слава Богу, не проявил – он был просто любопытен. И, я сделал то, что единственное и мог сделать – на негнущихся ногах пошел дальше по своему маршруту, чисто механически продолжая мурлыкать, привязавшуюся мелодию! А, в голове молотком стучала одна мысль – «Только не бежать!!!» Отойдя метров на сто, я осторожно оглянулся – медведь стоял на той же скале, глядя мне вслед. У меня отлегло от души – конфликт, вроде бы, был исчерпан. Но, когда я оглянулся еще раз, меня обуял ужас – косолапый спустился со скалы, обнюхал свою лежку и неспешно, принохиваясь, отправился вслед за мной!! И тут я понял главную свою ошибку – уходить надо было в сторону палатки с карабином, а теперь он меня от неё окончательно отрезал!! И я, стараясь не поддаваться паническому ужасу и твердя про себя, как заклинание – «Только не бежать!!», начал забираться в сторону, с тем, чтобы постепенно развернуться к спасительной палатке!! Медведь так и продолжал неспешно следовать за мной, постепенно даже отставая – как я потом выяснил по карте – я, «неспешным шагом», прошел тогда по тундре более 10 км за полчаса! И, когда, я, наконец, достиг своей вожденной палатки и с карабином залег под кочку – «Ну теперь подходи, зараза!!!» - медведь был от меня уже метрах в 500-ах. Он задумчиво посмотрел на палатку, минуту-другую потоптался на месте и, по-прежнему, не торопясь, отправился по своим делам, в сопку. А я больше уже никогда не выходил в маршрут без оружия. Первые годы ходил с карабином, а потом получил персональный «ревнаган», который 15 лет и таскал постоянно в правом кармане своей любимой куртки «брезентухи». Из него, помнится, даже гусей и зайцев исхитрялся добывать! Но, охотником я так и не стал, хотя зверья вокруг было множество, и стрелять мне приходилось достаточно часто! Даже «краснокнижные» бараны бродили обильными стадами по склонам, едва ли не каждой красивой сопки. Но, стрелять в них мне даже в

голову больше ни разу не приходило. И, тогда я понял, почему одна из главных рек Западной Чукотки – Раучуа, как и главный приисковый поселок на ней, получили полуофициальное название – Бараниха. А, бараны, почему-то, сами исчезли уже через несколько лет. И в середине 70-х экспедицию облетела крылатая фраза Леонида Петровича Карася, сказанная им Володе Гуту, после их многочасовых скитаний, в поисках добычи, по тем же паляваамским сопкам, – «Здесь, Володя, на всю тундру, по-моему, осталось только два барана – это мы с тобой!!»

Хотя, с охотой были связаны и комические моменты, конечно! Однажды, придя в гости к съемщикам, я, с удовольствием, обнаружил, что они на большой сковородке жарят, свежую оленину – Саша с рабочим в маршруте постарались, подстрелили олешку! Хотя оленей в тундре стрелять было запрещено – они все считались домашними, - мы всегда позволяли себе это тихое браконьерство – кушать-то всем хочется! В предвкушении вкусного ужина, за приятной беседой, я сидел у входа в маленькую маршрутную палатку Сидорова. И, вдруг, увидел спускающегося с сопки пастуха-чукчу!

- Ребята! Чукча идет! – сообщил я в палатку. Реакция была незамедлительной – девчонки подхватили с примуса шкворчащую сковороду с мясом и быстро спрятались с ней в своей маленькой палатке, зашнуровав ее изнутри! А на примус Саша сразу водрузил большой чайник. Чай – главное угощение для чукчей! И, когда, чукча, умотав нас разговорами и выпив весь чай, наконец, ушел, мы заскреблись в палатку к девчонкам! Но, они уже спали сном праведниц, а у входа в палатку лежала сковородка, вылизанная до блеска. Не суждено мне было в тот вечер отведать свежей оленинки! Но, полевой сезон, после скандала на базе и вынужденного отъезда большей части состава партии, во главе с начальником, был, практически, завершен. А, на меня была возложена, наверное, самая сложная часть эвакуации – отправка на конебазу наших лошадей! Их надо было вывести на посадочную площадку Паляваамской ГРП и загрузить в вертолет. Вообще, с лошадами я начал общаться еще на Кавказе, в юности, в первых своих, еще школьных, геологических «полях». Была у нас и учебная конная практика на Крымском полигоне МГУ под Бахчисараем. Интересная, все-таки, у нас была университетская программа на Геолфаке – шлиховую съемку мы, съемщики, изучали лишь теоретически, зато ездить верхом нас учили профессионально! Но, стройные резвые кавказские «кабардинки» совсем не были похожи на низкорослых лохматых полудиких и своенравных чукотских «якуток». Наши чукотские геологические лошади, конечно, заслуживают отдельного рассказа – мне пришлось работать с ними в поле еще почти 10 лет - до 76 года и историй, связанных с ними, и комических и трагических, могу вспомнить великое множество, даже из опыта личного общения. Это были наши главные помощники и лучшие друзья и, вообще, создания совершенно уникальные! А, в «военном» поле, лошадок у нас было две – уныло-меланхоличный гнедой мерин Васька и сильная молодая, норовистая, серая кобыла – Машка. В тундре, летом мы с ней вполне ладили, обычно, при нужде, я на ней и верхом ездил, используя Ваську, в основном, под вьюки. А вот, лететь на конебазу, она, вдруг, категорически отказалась, поставив меня в совершенно безвыходное положение. Мерина я, благополучно, отправил с первым же, пришедшим за лошадьми, бортом, а, Машка в тесное вертолетное чрево заходить отказалась наотрез, лягаясь всеми четырьмя копытами и свирепо кусаясь своими огромными желтыми зубами! Из тундры ребята из соседних окрестных полевых партий приводили все новых лошадей, сами тут же улетали в Певек... «за транспортом», а я оставался сторожить и кормить все разрастающийся табун. Я не мог оставить без призора «свою» Машку – она была

доверенным мне «имуществом партии», стоимостью 7 тыс. рублей – вдвое дороже «Москвича»! Это подтвердил и «и.о.начальника партии» А.С.Сидоров, который появился на Палявааме через несколько дней. Кстати, и само его «появление», как и все в нашей уникальной партии, стало настоящим событием для всей паляваамской округи! Саша любил комфорт и очень заботился о своем здоровье, поэтому у него был огромный личный полевой багаж. Помимо многого прочего, в нем было и несколько многопудовых гирь, а так же - тяжеловесная штанга с блинами, которые он, в течение сезона, так ни разу и не поднял, по крайней мере, у меня на глазах. Все это маломощный Ми-4 вывезти, конечно, не мог и Саше пришлось организовывать эвакуацию по земле. Но, трактор с волокушей, на которой было все его имущество, умудрился зарыться в болото на плоской террасе Паляваама прямо на окраине поселка. Начался всеобщий аврал по его вызволению! С ближайшего приискового участка «Промежуточный» были вызваны, один за другим, несколько тракторов и тягачей, но все они, в конечном итоге, оказались в той же зыбучей трясине. Эпопея закончилась только поздней ночью, когда уже с центрального поселка прииска «Комсомольский» прибыл огромный четырехосный тягач-ракетоносец, который, сначала, одного за другим выдернул из тундры все трактора, а потом освободил из топи и злосчастную сидоровскую волокушу с гирями! Картина была незабываемая – в густых сумерках, в свете фар и прожекторов, как на параде, в поселок вдвинулась грязная вереница грохочущей гусеничной техники, замыкала которую гигантская громада ракетоносца, на тресе волокущая огромную кучу грязи, в которой трудно было разглядеть знакомую нашу тракторную волокушу!

Саша на утро улетел, а я остался с его вещами, которые надо было отправить в Певек и табуном диких норовистых лошадей. Мне было выделено место для проживания в старом пустом балке на окраине поселка, где со мной перекантовывались ребята-полевики из соседних партий в ожидании вертолета. Вырываясь из тундры, они первым делом бежали в местный магазинчик в поисках спиртного. Но, в ГРП, как и везде в тундре, летом был сухой закон. И, все-таки, выход находился. Однажды я услышал странный звонкий стук на улице, у входа в балок – рабочий старательно долбил что-то в металлической ступе для дробления проб. Оказывается, ребята выпросили в магазине целую коробку пробных духов в крошечных стеклянных флакончиках и теперь долбили их в ступе!! После дробления, массу процедили через тряпку и каждому досталось по 30 грамм зверски душистого удовольствия – я хоть и не попробовал, но после этой процедуры, еще целую неделю благоухал, как жених на свадьбе.

Провозился я с лошадаками не менее 2 недель, каждый день загоняя их, по очереди, в вертолет, но сделать главное – загрузить свою упертую кобылу, у меня никак не получалось. Между тем, корм для лошадей закончился, да и сам я кормился уже, практически, подаянием. Погода портилась, вертолеты летали все реже, а у меня на попечении оставались еще три самых строптивых лошади, во главе с моей Машкой. И я решил, все-таки, лететь в Певек за помощью, понимая, что меня там ждет неминуемый нагоняй за невыполненное задание. И, не ошибся – нагоняй я, действительно, получил, - только совсем не за лошадей – про них, как оказалось, все, давно, практически, и забыли – а за отсутствие на рабочем месте, т.е. фактически,..... за прогулы!!! Сидоров, оказывается, доложил по инстанции, что я самовольно остался на Палявааме при лошадах – верхом люблю кататься, - потому он, оставшись в партии один, не сумел вовремя подготовить и представить полевой отчет. Так я получил свой первый производственный выговор, которых потом имел неисчислимое множество и, как правило, как и этот, в большинстве, совершенно, не

заслуженных – непосредственное начальство меня всегда не очень жаловало... за излишнюю самостоятельность и строптивость. Впрочем, я быстро научился относиться к подобным неприятностям вполне философски – не ошибается тот, кто ничего не делает! Но, тогда я был расстроен и обескуражен – не о таком начале своей производственной карьеры я мечтал, конечно.

А, лошадки мои так и остались беспризорно зимовать на базе Паляваамской ГРП, терроризируя население не только Паляваама, но и ближайшего приискового поселка «Промежуточный». В памяти народной они остались, как «Птица-Тройка» - народу в юморе не откажешь, однако. Голодные лошадки сторожили жителей у дверей домов и, особенно, у магазина, где женщины были вынуждены покупать для них лишнюю булку хлеба, чтобы отбросив ее в сторону на выходе, успеть добежать до ближайшего укрытия. В обоих поселках лошадками были, практически, уничтожены и съедены все бродячие собаки и помоечные коты. А, спасаясь от холода, они однажды ночью вышибли даже запертую дверь и забрались в контору партии, откуда их потом долго не могли выдворить обратно на улицу. Об этом, помнится, потом много рассказывал Володя (Владимир Николаевич) Чемоданов, который в ту зиму работал на Паляваама главным инженером. Исчезли лошади из поселка уже с потеплением, по первой травке – ушли в тундру, где и сгнули, став, скорее всего, добычей волков, А, я так и сохранил в душе на всю жизнь, горькую вину за гибель этих удивительных созданий.

И, вообще, первый мой самостоятельный год в реальной геологии и на Чукотке заканчивался достаточно горько. У меня, как-то, ничего пока не получалось, даже в общении с людьми. Это проявилось и в быту. – Меня, по приезде с «поля» переселили из «Рахмановки» в маленькую комнату-пенал в 6-й квартире на 2-м этаже дома №6 по, знаменитой в Певеке, ул. Полевиков. – Это было мое первое личное жилье на Чукотке. Но мой новый сосед по комнате – Володя Прудниченко, (среди своих коллег - «Прудон») - меня категорически не принял. Он, вполне законно, полагал, что за 5 лет работы в РайГРУ заслужил право на отдельную комнату. Парень он был, вместе с тем, совершенно чудесный, малость, закомплексованный и зажатый, но совершенно искренний и, главное, фанатически влюбленный в свой родной Ленинград, что и добавляло ему, традиционного питерского раздражения против меня – москвича. И я, как-то, в основном, оставался один, сам с собой. И особо тоскливо, помнится, было во время «южаков», которые в ту зиму срывались особенно часто, а может мне это и только казалось! Во время «южака» нередко отключался свет и вой ветра за окном, сопровождаемый, в кромешной тьме, сотрясением всего дома, как в вагоне идущего поезда – порождал в душе, поистине, панический ужас и глухую тоску.

Некоторой отдушиной был набор воды, который случался раз в неделю. К дому подходила водовозка и все мужское население высыпало к ней с ведрами. У нас большие металлические бочки для каждой квартиры стояли рядком между этажами, прикрытые деревянными крышками. Лестница была крутая, с узкими обледенелыми деревянными ступеньками и бегать по ним с полными ведрами, было сродни цирковому трюку, да еще и наперегонки, но очень весело. И, такой вкусной воды, как свежая, ледяная, привезенная с Большого Роутана, я, пожалуй, больше нигде и никогда не пивал!!

На работе тоже было достаточно уныло. Сидоров, по-прежнему, лучезарно улыбался, но общаться с ним, после его «подлянки», мы, практически, перестали. Тем более, что и на работе он появлялся, в основном, набегаями, занимаясь лишь подготовкой к городским соревнованиям по тяжелой атлетике. В конечном счете, к весне, он и занял

в них почетное 3 место.... из трех официальных участников! А, работа по составлению отчета свелась лишь к аккуратной выкладке на стеллажи собранного в поле каменного материала. Какую-то работу изображал лишь Толик Слободчиков, тихий, стеснительно улыбающийся пьяница, назначенный к нам в партию вместо уволенного Дурова. Он, по наитию, потихоньку рисовал разрезы по недобитым дуровским шурфам и фиктивным канавам. Я начинал серьезно разочаровываться в Чукотке.

Позже я понял, что на Чукотке, как и в любом экстриме, все предельно концентрировано. Нижайшая подлость здесь едва не сливается с самым самоотверженным героизмом! И то, для познания чего, «на материке» требуются годы и десятилетия, здесь познается за считанные недели и месяцы. Мне, просто, круто повезло, что строго по рекомендации нашего «генерала» Стружкова, при моем поступлении, я начал осваивать свою профессию и Чукотку с самого низа, с максимального негатива, без которого, к сожалению, ни одна профессия, как и сама жизнь, просто не существует.

А, пока, почти единственным светлым пятном в моей жизни, оказались..... деньги, которые ни до, ни после этого, меня особо никогда реально не занимали. Мой оклад старшего техника – 100 руб, из-за районного полярного коэффициента превратился в 169 руб «чистыми», а, осенью, когда я получил «полевые», разросся до невероятной для меня суммы – более 1000 руб, - которой я до этого и в руках никогда не держал!! И первое, что я сделал, оправившись от шока чрезмерного богатства, пошел в магазин и купил самые дорогие позолоченные часы «Полет», плоские, с автоподзаводом, последний шедевр советской часовой промышленности – в подарок к 50-ти-летнему юбилею отца, 8 ноября 1967 года. Но, и здесь мне не повезло – подарок не получился – почта к юбилею не только опоздала, но и умудрилась часы по дороге разбить - автоподзавод у них при получении уже не работал и ремонту они не поддавались! И отец на меня вновь обиделся.

Ну, задача у меня, практически, была одна – просмотр своих многочисленных шлихов под биноклем. И, обнаружилось, что и шлиховую минералогию я знаю достаточно слабо. Пришлось обложиться книгами. И я так увлекся, что начал даже изобретать автоматический определитель минералов с помощью, начавших тогда входить в моду, перфокарт. Вырезая на перфокартах различные, определяемые под микроскопом, свойства шлиховых зерен, я, вращая пачку перфокарт на спице, выбрасывал из неё карточку с искомым минералом. Но, приходилось, конечно, обращаться за консультациями и к минералам в химлабо-ротории, а, особенно часто, в соседний, 15-й кабинет, в знаменитую «женскую» Пээкенейскую разведочную партию, под руководством И.А.Раевской, которая работала прямо на сопке над городом. А, вечерами я взялся еще и английский язык осваивать, для чего записался на курсы в ДК. В общем, старался тоску одиночества преодолеть своим основным привычным средством – работой.

А, в нашем, 16-м, кабинете жизнь шла своим размеренным чередом. К Толику приходил друг – Саша Волохин, который оказался моим соседом по дому, и меня, как само-го молодого, с наступлением 11 часов (знаменитый среди алкашей всего Союза – «Час Волка») отправляли в магазин за «питанием». Контора наша, уже с осени, была занесена твердым сугробом почти до второго этажа, а к нашим форточкам, на первом, были пробиты узкие колодцы. Чтобы не нести сумку с бутылками через вахту, надо было опустить ее в свою форточку, и тут очень важно было..... не перепутать колодец – главная моя забота на обратном пути из магазина. Деньги на «питание» собирали, обычно, сообща, а, ежели не хватало, начинали перебирать образцы на стеллажах – Толик, во время

получки, имел привычку прятать от жены «зачапки» под камнями. Я во всех этих делах участвовал чисто номинально и мне сразу понравился царящий здесь «чукотский закон» - каждый наливает только себе и пьет сам, без общепринятого российского - «Ты меня уважаешь!?» Поэтому, компания в кабинете менялась, шум, постепенно, нарастал, а я сидел за своим биноклем или книжкой и никто на меня, практически, не обращал внимания.

Веселый хмельной шум раздавался и из-за большинства других дверей 1-го этажа, хотя здесь же, в маленьком кабинетике ТБ, сидели рядышком секретарь парторганизации управления Ю.М.Батраков и комсомольский секретарь Жора Перебейнос. Но, они пытались наводить некоторый, хотя бы видимый, порядок лишь в преддверии официальных торжественных мероприятий в находящемся здесь же «Красном уголке»! В будние дни в нем выставлялся стол для настольного тенниса, где, в обеденный перерыв (и не только) мы, с азартом, «резались» в «пинг-понг» на вылет. Абсолютным и непререкаемым лидером, однако, в этом занятии был крупный, постоянно угрюмовато-сосредоточенный и хмельной, Коля (Николай Савельевич) Поздняков. По слухам, он был мастером спорта по тяжелой атлетике и классической борьбе, дисквалифицированный именно за пьяный дебош, в результате чего и вынужден был уехать из родного Львова на Чукотку. В Певеке он тоже вел достаточно бурный образ жизни, но, вместе с тем, числился и главным нашим спортсменом, в частности, тренировал и нашего славного «многоборца» Сашу Сидорова.

А, мое угнетенное состояние первым заметил Яков Севастьянович Ларионов и сам предложил мне слетать на Новый год домой, в Москву! Для поднятия жизненного тонуса. И, 29 декабря я был уже в Черском, где предстояла пересадка на знакомый Ил-18, который зимой садился на временную полосу на льду Колымы. Я возвращался с Чукотки по другому уже, северному маршруту! Но, приключения ждали меня и здесь. И начались они с сообщения, что из-за плохой погоды по маршруту, самолета до 1 января ждать не приходится. А терять в маленьком полярном аэропорту несколько драгоценных дней дареного отпуска, а уж, тем более, встречать Новый год в зале ожидания, смертельно не хотелось. И мое неподдельное отчаяние было замечено. Под утро 31-го меня, одного из множества ожидающих вылета, разбудила дежурная и шепотом позвала на посадку в самолет. Оказывается, в Черском, случайно, сел военнотранспортный самолет с демобилизованными солдатами Шмидтовской авиабазы. И военных упростили взять меня до Москвы с собой. Самолет был именно транспортный, т.е. безо всяких удобств для пассажиров. Мне выделили откидной стульчик, непосредственно, у выходной двери, обросшей толстой ледяной коркой и мы..... «загудели» в Москву. Лютый холод превратил бы меня в «мамонтенка Диму», если бы полет продолжился еще хотя бы пару часов, но, мы, по-видимому, летели прямыми, «военными», маршрутами и к вечеру были уже во Внуково. Каково же было удивление моей тетушки и брата Кольки, когда я появился у них в гостях за час до Нового года!! Так и закончился мой первый год на Чукотке!

1968 год – «Военизированная партия»

По возвращении из нежданного отпуска, меня ожидало новое приятное событие – меня повысили в должности, назначив «начальником поискового отряда» в новой Пельвунтыкойненской «комсомольско-молодежной» поисково-съёмочной партии. Подоспело, как раз, такое партийно-государственное веяние – комсомольско-молодежные коллективы (КМК) – стране требовался трудовой энтузиазм, хотя и здесь

уже начал давить формализм, к сожалению! Впрочем, энтузиазма у нас тогда еще хватало с избытком и без партийного руководства. И я, с огромным энтузиазмом, ринулся на свершение новых великих задач, хотя и повышение мое было больше чисто формальным – оклад у меня повысился лишь на 10 руб, но должность была уже «геологическая», хотя главной моей обязанностью была все та же шлиховая съемка, в основе.

Главная приятность была, что собирались, вроде бы, свои ребята. Хотя, Иван и Ольга Депармы, которые учились на нашей же кафедре, всего лишь курсом старше меня, в Певеке меня, почему-то, демонстративно не замечали. Впрочем, они и на факультете особой общительностью не отличались и в наших многочисленных студенческих «тусовках», как правило, не участвовали. При этом, в семье у них, однозначно главной была именно высокомерно-категоричная Ольга, в то время, как Иван был иногда непрочь и покуролесить. Но, сейчас, начальником партии был назначен Иван Владимирович – молодой специалист на третьем году службы. Это сразу придало ему внутреннего веса и самоуверенности, которая, к сожалению, позже ему боком и вышла, однако. Командовала-то, по факту, все едино, Ольга Александровна, а Ивану оставалось только представлять, надувая щеки и отвечать за полученный результат!

Старшим геологом партии был назначен тоже молодой, на третьем году, выпускник Ленинградского Горного института, Гена (Геннадий Григорьевич) Загородний. Выпускники ЛГИ в РайГРУ составляли отдельное элитное сообщество, но Гена, как и я, по складу своего характера, толпы не любил, что нас сразу, неким образом, и сблизило. Ну, и завершал нашу профессиональную команду - чудный, веселый, внешне безалаберный, но, вместе с тем, как оказалось, очень ответственный парень – горный мастер Коля Суслов, по внутреннему, подпольному, прозвищу «Суслик»!

От предсезонной подготовки я был, практически, освобожден и первым же рейсом, уже в марте, отправлен в поле, на строительство базы. Партия очень энергично, по-комсомольски, раньше всех в сезоне начала полевые работы. А в тундре была еще глухая чукотская зима. Её я впервые и испытал, когда мы с рабочими выгрузились посреди белого безмолвия в 30-градусный мороз. Ребята, старые испытанные «бичи», быстренько растянули большую палатку, застелив снежный пол в ней листами фанеры и вздув все имеющиеся примуса. Зимний день быстро затух, мороз усилился, а в палатке, при свете десятка керосиновых ламп, стало особо тепло и уютно!! На ящиках выстроились открытые банки тушенки и рыбных консервов и полилась по кружкам жгучая влага из привезенных бутылок – открывать сезон положено было именно так!! Но, самое веселое, если, конечно, не терять чувства юмора, ожидало меня позже, когда пришло время укладываться спать!! Как бы ни было, казалось, светло, тепло и уютно в палатке, мороз за тонкими стенками крепчал и вылезать из шубы, а тем более, снимать новенькие собачьи унты, купленные накануне, чтобы нормально лечь спать, мне совсем не хотелось. Надо было залезать в олений мешок-кукуль, но он, вымороженный на складе, внутри хранил температуру зимнего чукотского воздуха – не менее -40!!! Туда и в унтах-то залезать было страшновато, а надо было, как утверждали старые тундровые «волки», нырять только нагишом, иначе замерзнешь!! Надо отметить – это занятие совсем не для слабонервных, но.... «дернув», для храбрости, лишнего «стопаря», я с задачей справился, чему потом и был крайне доволен – в оленьем кукуле, действительно, спать можно на любом морозе, главное иметь хорошую подстилку, чтобы от земли «не дуло».

С утра мы дружно начали ставить настоящие каркасные палатки с утеплением и печками и уже следующую ночь ночевали вполне комфортно. А через несколько дней прилетел и основной, как всегда, руководитель работ на «весновке» - горный мастер - Коля Суслик. И я, вновь, перешел на положение «наблюдателя».

Территория, на которой нам предстояло работать, заметно отличалась от предшествующей, паляваамской, с ее многочисленными, хаотично разбросанными скалистыми сопками и живописными четко проявленными долинами. Наша база располагалась на выходе р.Ольвергыргываам из крутого, угрюмого Пельвунтыкойненского гранитоидного массива на низменную прибрежную равнину Чаунской губы. На западе наша долина, резко сужаясь, уходила в скалистые теснины, а на востоке, расширяясь, как бы растворялась среди мягких плоских равнинных увалов. Эту-то площадь, размером 4.5 тыс. кв. км. мне и предстояло за лето опознать. И живность в тундре здесь была уже другая – резко преобладали разные пернатые, а четвероногие – в основном мелкие – песцы и зайцы. Первыми, по снегу, нас оккупировали, прямо на строительстве базы, белые полярные куропатки. Их уже даже и не стреляли, а пытались просто отпугивать от наших кормовых запасов, того же лошадиного овса, хотя бы. Но это не всегда получалось даже с помощью ракетниц - птицы плотным кольцом собирались вокруг шипящей на снегу ракеты, с огромным интересом наблюдая, как она догорает! Впрочем, охота, на этот раз, нас, действительно, интересовавала мало. Быстренько отстроив базу, мы взялись за шурфовку, благо, одна из намеченных линий через долину была в непосредственной близости, прямо за складом ВВ. Тут и я, наконец, посмотрел на Чукотку «изнутри», документируя шурфы непосредственно в процессе проходки по свежей стенке, вспоминая свой казахстанский опыт. Но, мрачные, заледенелые и очень глубокие (до 20 м) чукотские шурфы, конечно, совсем не были похожи на сухие и чистенькие шурфы казахстанские, для проходки которых хватало и одной лопаты! Здесь, болтаясь на тросике в ледяных сумерках, под градом мелких камней и ледяной капли, невольно вспоминался В.И.Светликов, с его искалеченными ногами, и становилось несколько жутковато. Поэтому, шурфы у нас обычно документировали и опробовали горняки по выложенным у устья «проходкам-сороковкам». А мой энтузиазм вызывал раздражение и у рабочих-проходчиков – я отнимал у них время, а, главное, непосредственно оценивал реальную категоричность грунтов, которые они проходили, т.е. мог влиять на их заработок. В результате, на этой почве, с одним из «спарков» - парой проходчиков, бьющих один или 2 соседних шурфа – у нас произошел конфликт – они отказались работать! К чести Коли Суслика, фактического руководителя работ, он отменил всякую демагогию и первым же рейсом отправил смутьянов в Певек, запросив по связи новых, менее привередливых. «Военную» дисциплину в поле еще никто не отменял. А когда я спросил у него, что же мы будем делать с брошенными недобитыми шурфами, только плечами пожал – «Сами добьем!! Какие проблемы??!» И мы с ним сами полезли в шурф... махать ломиками! Вот там я действительно понял, что это за труд... и что есть настоящая каторга. И почему работяги так болезненно реагируют, когда им расценки снижают. Хотя..... мы-то с Колькой вкалывали.... безо всяких расценок, а как в популярной песенке пелось – «за ту же зарплату»!!

Между тем, на базе появилась симпатичная женщина – Леночка, которую, редкостный случай, взяли в полевую партию завхозом. Она принялась печь хлеб, кормить нас обедами и кружить мужикам головы. Вскружила и мне, одинокому, и у нас завязался достаточно, бурный роман, который, естественно, далеко не всем нравился. Особенно, нашему каюру,

угрюмоватому пожилому мужику, который, вдруг заимел на неё какие-то свои серьезные виды. Дело дошло даже до стрельбы в тундре, по старым дальстроевским законам и с мужиком нам пришлось расстаться, а лошадки, вновь по моей вине, оказались у нас беспризорными.

Но, под прицелом, в тот злосчастный год, мне пришлось побывать и еще раз, когда в одиночку проводил металло-метрическое опробование в районе проходки наших канав. Наклонившись за очередной пробой, я был буквально отброшен в сторону – прямо у меня перед носом неожиданно взорвалась тундровая кочка! И тут же услышал выстрел. Оказывается, проходчики с канав приняли меня за медведя и решили... поохотиться. От души обматерив, я пригрозил конфисковать у них карабин. Но, таки, они и еще раз попытались меня угробить! Через несколько дней, проходя по участку поисковым маршрутом, я попал под массовый взрыв – сверху со свистом полетели камни, смачно шлепаясь вокруг в тундру, а я стоял, прикрыв голову полевой сумкой, и ждал – повезет-не повезет!!! А потом поднялся на канаву и, с огромным удовольствием, двинул взрывника в челюсть.... за вопиющее нарушение правил ТБ при взрывных работах.

К лету, когда сошел снег, и мы закончили промывку шурфов, в поле, наконец, как на дачу, приехало наше руководство. С Ольгой, как и положено для женской маршрутной пары, прилетела студентка из ЛГУ – Валя, симпатичная, но очень своенравная и избалованная, капризная девочка. А вот, мне, промывальщика для шлиховой съемки привезти, однако, забыли. Поэтому, девочку, в качестве компенсации прицепили ко мне, благо, что Ольга Александровна, как оказалось, в маршруты ходить и не собиралась. Она собиралась осенью в первый официальный отпуск и должна была заготовить к нему все возможные тундровые деликатесы в подарок, чем, благополучно, и занималась все лето, сидя на базе или прогуливаясь в ее ближайших окрестностях. Иван ей интенсивно помогал, бродя, как истинный мужик, с ружьем по более широкому кругу.

В одном из таких охотничьих походов на дальнем от базы, уже Раучуанском, склоне массива, они с рабочим обнаружили целый отбившийся косяк колхозного оленьего стада – 35 голов. Рабочий остался сторожить косяк, а Иван побежал мобилизовать партию и собрал на мясозаготовки всех, во главе с Суловым. В роли каюра пришлось в операции поучаствовать и мне – мясо грузили на лошадей и отвозили на шурфы – идеальные в тундре естественные морозильные камеры. Но, в самый разгар забоя, как, в принципе, и должно было быть, на месте нашего разбоя появились колхозные пастухи, разыскивающие отбившийся косяк. Подошел совхозный вездеход с зоотехником и бригадиром. Подсчитали – из 35 голов наши «охотники» успели убить 18 – по законам тогдашнего времени – «хищение собственности в особо крупных размерах», группой, с отягчающими - до «высшей меры»!!! Иван Владимирович бухнулся на колени!! И чукчи смягчились - геологи еще никогда перед ними на колени не падали!

Но, смягчились они очень нагло, как и положено неожиданно возвысившимся. Первое, что они потребовали отвезти к ним на центральную усадьбу совхоза, на о-в Айон, всех забитых оленей, включая шкуры, внутренности и рога с копытами. И ребята, несусветно матерясь, всем составом, в течение недели только этим и занимались. Затем чукчи с вездеходом заехали к нам на базу и ополовинили наши запасы консервов и спецодежды. А, потом повадились заходить и заезжать едва, не ежедневно, требуя все новых подаяний. А, продукты и вещи начальнику надо было на кого-то списывать – платить из собственного кармана жена, естественно, категорически, не позволяла, тем более перед отпуском – оставалось только расписывать на всех. И в партии начался глухой ропот, грозящий перейти в открытый бунт. «Военная» партия повторялась, но

была она, все-таки, лишь «военизированной», поскольку управлялась, «бабой», а, потому, обошлась без повальной пьянки! И начальство наше, чтобы прекратить, наконец, набег чукчей и предотвратить очередную пролетарскую революцию, сбежало за границу, т.е. в отпуск. Так, практически, бесславно, закончилось и мое второе чукотское поле.

А, ведь работалось, несмотря на все неурядицы, с огромным подъемом. Хотя, отношения с «начальством» у меня не складывались, особенно, с Ольгой, которую за «руководителя» я, естественно, принять никак не мог. Но, тут вмешалось дополнительное обстоятельство – студентка Валентина. Официальным руководителем её практики была назначена Ольга, но, поскольку, сама работать не собиралась, а я оказался без помощника, Валентину прицепили ко мне. И Ольга решила, что получила полное право и, даже, обязана контролировать и направлять мою работу. А студентка, соответственно, считать меня своим начальником уже отказывалась и большую часть времени проводила на базе, в палатке Ольги, помогая ей по хозяйству. А я работал, в основном, по-прежнему, один. Особо показательным был эпизод нашей работы, который привел к полному и окончательному разрыву наших «производственных» отношений в поисковом отряде. И на прощанье девчонка подарила мне страшенькую фотографию с памятной подписью – «Дорогому начальничку, «сэру» Казаринову от «серости божьей в лаптях» Валентины Николаевны!!!», которая хранится у меня и поныне среди особо дорогих, однако. А дело было так.

Мы работали на главном своем оловянном рудопроявлении в верховьях руч, Бурливого – правого верхнего притока Ольвергыргываама. Угрюмое закрытое ущелье в самом ядре Пельвунтыкойненского массива. На верхнем скальном уступе я обнаружил серию метасоматических зон и кварцевых жил, которые решил детально опробовать бороздовыми пробами. Девчонка должна была страховать меня снизу. Но ей быстро стало скучно, и я отпустил её на базу, пообещав вернуться через 3 дня. Но, объем работы оказался больше, чем я ожидал, да и колотить борозды в одиночку было крайне сложно и я провисел на вертикальной стенке 2-е суток, а потом еще сутки таскал отобранные пробы на верхнюю площадку, с которой их можно было бы забрать вертолетом. Завершил программу я 10-километро-вым поисковым маршрутом по левому борту основной долины, а когда, наконец, в изнеможении, спустился на базу и зашел в палатку к Леночке, чтобы испить чайку, как положено после маршрута, первое что услышал от неё – Валентина с рабочим и лошадьми отправились в тундру за пару часов до моего прихода.

Я кинулся в штабную палатку. Ольга, как добрая дачница, варила варенье, но, сразу же, совсем не по-доброму, начала мне выговаривать за нарушение рабочего графика, что вынудило её отправить студентку самостоятельно выставить подбазу на следующем участке работ. И участок она наметила в соседней долине, где я, как раз, работать пока совсем не собирался. Отматерив ее в полголоса, - на том участке следовало бы, согласно графику, отработать именно, ей самой, вместе со своей студенткой, - я, даже не переодевшись, едва не бегом, отправился напрямик, через хребет, на перехват сбежавшей от меня пары.

Успел я вовремя – ребята только успели поставить палатку. Излив на них все накипевшее по дороге, я приказал сворачиваться и двигаться на 7 км дальше, на следующий участок, на котором намечалось обнаружение нового ртутного рудопроявления. А, когда мы достигли, наконец, намеченной мною точки, я просто рухнул под ближайшую сухую кочку и мгновенно заснул – не спал до этого уже более 80 часов. Когда же ребята, поставив палатку и вскипятив чаю, меня разбудили, я отправил их с лошадьми на базу, а сам, зарывшись в кукуль, проспал еще едва не сутки.

Вернулся я на базу через 5 дней, но побриться-помыться мне, вновь, было не суждено – Ольга передала мне приказ начальника партии срочно выдвигаться с лошадьми на мясозаготовки. На мое крайнее удивление – в тундре и одного заблудшего оленю подстрелить может быть чревато, а уж незаметно «схавать» целый косяк, просто, не реально – был получен высокомерно-назидательный ответ, что начальству в поле перечить не положено – оно всегда и все лучше знает. В результате, получилось все, как получилось, а вспоминать детали этого, достаточно мерзкого, мероприятия, у меня особого желания нет, хотя многие из них и до се, как живые стоят перед глазами. Хотя, как оказалось, самое мерзкое нас ожидало еще впереди. После бегства руководящей элиты, нам предстояла еще эвакуация базы и мне, вновь, как уже опытному конево-ду, досталась обязанность перегона лошадей на конебазу. Слава Богу, с авиацией это было уже не связано – надо было просто перегнать лошадок за 120 км на Бараниху и сдать на приисковую конюшню под расписку. И это оказался у меня, наверное, один из самых красивых и запомнившихся маршрутов на Чукотке. Чистая осенняя голубизна в воздухе, желто-красное пестроцветье тундры, мягко-округлые увалы, кристально чистые прозрачные ручьи с рекламного облика игрушечными водопадами и все это не под болотными сапогами, а с высоты плавно покачивающегося верхового седла. Удивляло только почти полное отсутствие живности в тундре – лишь раз, за целый день пути, вдали мелькнул рыжий лисий хвост. А, к вечеру мы вышли на базу соседней партии Левы Мазенина. И в огромной, как дворец, шестиместной мазе-нинской палатке я, в тот вечер, за обильным мазенинским столом, познакомился с главной будущей элитой будущей ЧКГРЭ. Прежде всего, это был только что сбежавший на Чукотку преподаватель Томского Универса Леша Шапоров. Вторым был первогодок из МГРИ Серега Григоров, третьим – таинственно-улыбчивый студент дипломник Ленинградского горного – Геша Сутугин. И, наконец, маленькая, чернявая и остроглазая студенточка-третьекурсница Ленинградского университета Томочка – уже через год Тамара Шапорева. Поистине, уникальный был коллектив у Мазенина в 1968 году. И все были молодые, веселые, красивые, холостые и... неопределенно-амбициозные.

После базы Мазенина пейзаж заметно изменился – мы, по сути, спустились в обширную долину р. Раучуа (Баранихи). Пошли плоские увалы, иссеченные тракторными и грейдерными дорогами, чувствовалось, что это уже обжитая тундра, поле деятельности прииска им XXII съезда КПСС, в обиходе, той же Баранихи. Поселок, раскинувшийся на берегу реки, после голой тундры, как всегда, показался нам огромным и красивым – настоящий город. Но, мы быстро нашли конюшню и рядом с ней, у крылечка маленького домика, нас встретила огненно-рыжая шустрая девчонка лет семи. Она тут же скрылась в доме, а на пороге появился сам хозяин – огромный мужик, конюх-татарин, с, буквально, красными взлохмаченными волосами и круглым красным лицом, явно спросонья. Он пригласил меня в дом. В углу прихожей, на табуретке стоял большой стиральный бачок с ковшиком на крышке – обычный для питьевой воды. Хозяин, приподняв крышку, быстренько напился – он был явно «с похмелья». Второй ковш он протянул мне, хотя пить мне не хотелось, о чем я и сказал, поблагодарив. Но, он настойчиво приказал – «Пей!!» В бачке оказалась.... «бражка» и очень даже приятная на вкус – хозяин, чувствовалось, был мастером своего дела. Ковш, однако, был довольно большой и я, отхлебнув дозу, протянул оставшееся ему назад, но он возмутился, - «Кто ж после тебя допивать должен?!» Пришлось мне вылить в себя весь литр живительной влаги и утереться рукавом. Сразу стало хорошо и весело – сухой закон, а вместе с ним и «поле» для меня закончились.

Формальности по передаче лошадей и подписанию бумаг закончились быстро. Конюх только, с состраданием, оглядывал наших, вроде бы, вполне бравых, даже после тяжелого перехода, лошадок и качал головой, - «Совсем заморили животных – кожа да кости, однако!!!» И мы отправились на аэродром, в надежде попутным рейсом добраться до Певека. Нам повезло – на вертолетной площадке суеилось множество нашего полевого люда – шла массовая эвакуация ближайших полевых партий. И первый, кого я, к радости своей, встретил, оказался Валера Тимохин, с которым мы не виделись ровно год – когда я весной улетал в поле, они с Наташей были еще в отпуске. Но, Валера даже не удивился, будто расстались мы с ним лишь накануне. И, первое же, что он мне сказал при встрече, - «Сними это!! У нас не принято!!» - и указал на университетский «поплавок» на моем геологическом костюме, который я прицепил, получив, наконец, геологическую должность, и протаскал весь сезон, уже и забыв о нем. Я, несколько удивился, но послушно отвинтил значок и спрятал в карман. А потом достаточно долго приглядывался к другим и, действительно, больше ни у кого и никогда ни в РайГРУ, ни в ЧКГРЭ подобных отличий на груди не наблюдал. В Управлении нас встретили со странным повышенным вниманием. Всех почему-то очень интересовали малейшие детали нашей полевой жизни и, прежде всего, отношения в коллективе. Оказывается, накануне, Депарма, перед отъездом в отпуск, как и положено начальнику партии, доклады-вал Техсовету предварительные результаты полевых работ. Свои, весьма скромные материалы, Иван объяснил саботажем сотрудников партии, которые все работали крайне плохо, за исключением Ольги, о которой он ничего сказать не может, поскольку она.... его жена! Именно, последнее заявление и развеселило нашу геологическую общественность и на нас начали смотреть с повышенным интересом – редко встретишь и в наше время дружный коллектив саботажников, а в те времена это было настоящим ЧП. Впрочем, об инциденте, как и положено, достаточно быстро забыли, хотя, как оказалось, напрасно закончился он, со временем, все таки, весьма плачевно, как для всей партии, так и для каждого из нас лично. А, пока, на официальном уровне, было сделано только два знаковых вывода. Первое и основное - идея КМК в наших условиях была признана неэффективной и приказала долго жить. А, во-вторых, - был введен негласный запрет на совместную работу в поле семейных пар, особенно, если муж является начальником партии. Что было, поистине, эпохально и, практически неукоснительно, соблюдалось, по крайней мере, до середины 80-х. А жизнь моя в эту, вторую мою зиму в Певеке стала значительно веселее и насыщеннее. Прежде всего, через Тимохина я близко познакомился с большинством управленческих «стариков» и, прежде всего, с «питерской» элитой – его однокашниками - Колей Саморуковым, Вадиком Коровкиным, Иосиком Тибилковым, Мишей Федяевым, близко сошелся с Генной Журавлевым. Геннадий Федорович тренировал нашу команду хоккеистов «Геолог», а Миша был первым и незаменимым вратарем, поэтому мы, по вечерам, часто проводили время на городской хоккейной площадке, бурно болея за своих, а это, как известно, сближает. Но, основная жизнь у нас, все-таки, бурлила на втором «аристократическом» этаже конторы. Здесь тоже ежедневно пили, но это уже не было так заметно, как в мой предшествующий год, на первом этаже, или я, просто, уже перестал на это обращать внимания. Дело в том, что пили ребята.... интеллигентно, как бы, между делом. У Коровкина, к примеру, в кабинете стоял старый радиоприемник «Урал», внутри которого, вместо радионачинки располагался минибар, в котором мог «причаститься» любой желающий. Желающих было, достаточно много, но..... пили, как я заметил, все же, далеко не все. И тут до меня дошел смысл знаменитого

чукотского застольного закона – многие уже прошли через алкогольную зависимость и... заставляя их пить было просто непорядочно! А, народ у нас был, все-таки, в основном, высокоинтеллигентный! Значит, наливал каждый только сам себе и ни к кому не приставал с тостами. Вне, создавалось впечатление, что ребята вообще не работают, но, стоило только вникнуть в смысл, вроде бы, хмельного веселого «трёпа», брасалось в глаза, что, практически, все разговоры и бурные, даже шутливо-юморные, полемики шли исключительно по работе. Запомнилась, к примеру, бурная баталия вокруг среднего триаса, который, почему-то, никак не хотел картироваться у нас, на Чукотке. И там я, между делом, узнал о стратиграфии мезозоя и о тонкостях его картирования значительно больше, чем за 31 весь университетский курс! На этих импровизированных стихийных научно-производственных конференциях собирались все активно-работающие геологи Управления. Так я познакомился и с вдумчиво-рассудительным Азатом Хайруловичем Габбасовым, и с, импульсивно размахивающим руками, Равилем Бинеевым, и с застенчивым Борей Бубенниковым и со спокойно-самоуверенным Леонидом Петровичем Карасем. Азат, помнится, при знакомстве, хмельно-радостно распахнул руки с восклицанием, - «Ах, ты наш «ртутень» дорогой!!!» Этим он и меня поздравил с открытием нового ртутного рудопроявления и иронично насмехнулся над обвинениями Депармы в нашем полевом тунеядстве. Среди зимы в нашей компании начал появляться уныло-стеснительный Лев Константинович Хрузов – его из Магадана лишили должности главного геолога за некомпетентность и он пребывал в депрессии. Меня несколько удивило небрежно-снисходительное отношение к нему со стороны ребят. Объяснил все сам Хрузов, стеснительным ответом на чью-то, обращенную к нему профессиональную реплику,

- «Ребята!! Да, я ж только в 54-м году молоток в руках держал – уж и не помню ничего! Вы, уж извините!!» Такой вот был, оказывается, в РайГРУ главный геолог, который и мою судьбу как-то решал. И тут, как по заказу, произошло еще одно эпохальное событие! Феликс Эмилиевич Стружков, проходя по коридору, услышал из-за двери кабинета начальника ГСЭ Ларионова мощный храп! Он немедленно вызвал коменданта Рахманчика, дверь вскрыли – Яков Севастьяныч спокойно спал на своем столе для заседаний с телефоном под головой! На следующий же день Ларионов был уже среди нас, в должности старшего техника-геолога, а Лев Константиныч вновь обрел персональный кабинет, в котором и просидел, обильно потея, еще многие последующие годы. А, вот, Яков Севастьянович, был едва ли не счастлив случившимся. Больше всего его потешало снижение ему оклада на 60 руб – на фоне его, еще дальстроевских «замороженных», 1300 – это было, действительно смешно!

Вспоминается и еще один колоритный персонаж в нашем сообществе, который, впрочем, к геологии имел самое неопределенное отношение – Виталий Афанасьевич Литовченко. Всегда стеснительно-улыбающийся с мягко-округлой, типично еврейской наружностью, он пользовался, однако, всеобщим уважением, хоть и с примесью шутливой иронии. Только вечный балагур Вадим Коровкин позволял себе звать его Витей и постоянно над ним по-дружески, подтрунивать, давая потешные прозвища и клички. Секрет Вити, оказался прост он был азартным картежником, а в городе было два подпольных покерных клуба. В главном из них, именовавшемся «Большой мельницей», играли только избранные и очень «по-крупному». Туда был вхож только Виталий Афанасьевич. Во втором, «мельнице малой», бывали и многие из наших, и, в первую очередь, Вадим Александрович, откуда и были их ближайшие дружеские отношения с Литовченко. А, картежный азарт Вадима и я на себе испытал

следующим же летом, уже в нашей совместной, тоже знаменитой, «дачной» партии.

В быту у меня тоже жизнь пошла веселее. Вернувшись с поля, я обнаружил в квартире незнакомую напористую девицу. Это оказалась подруга нашей завхозихи Леночки – Тамара. Они, оказывается, весной прилетели на пару из Донецка, в поисках богатых женихов на Чукотке. О их способностях и твердости намерений говорило уже то, что пролетели они через всю страну без билетов, в кабине пилотов. Причем, старшей у них была, именно, Тамара – Леночка была проще и непосредственнее. Тамара тоже устроилась завхозом в полевую партию, где и соблазнила тоскующего по ласке Прудона – потому и оказалась в нашей квартире. Но, при моем появлении, на всякий случай, поинтересовалась – кто из нас старший в комнате, а убедившись, что именно Володя, без обиняков, предложила мне съехать. И я вновь оказался в «Рахмановке». А, через несколько дней, я вновь жил в том же б доме по ул.Полевилов, но этажом ниже, в маленькой угловой комнате на первом этаже. И новым моим соседом по комнате оказался Витя Жуков, в скором времени уже Виктор Андреевич, только что приехавший откуда-то из Сибири, где он что-то преподавал. Кроме чудесных ореховых глаз и обаятельной улыбки, главным его достоинством было звание кандидата в мастера по шахматам. Я, в юности, тоже пережил «шахматную лихорадку», как и многие у нас в эпоху Ботвинника, Фишера и Карпова, поэтому воспринял нового соседа с восторгом. Но, он быстро поставил меня на место, легко обыгрывая «в слепую», причем, на любом заданном ходу. И, особой дружбы у нас с Витей не получилось. Тем более, в дело вновь вмешалась женщина, на этот раз, наша «родная» топограф-картограф Лариса Дубкова, с которой, как оказалось, мы прилетели в Певек из Магадана, в 1967 году, одним самолетом.

Ореховые Витины глаза быстро сделали свое дело и девчонка, буквально, потеряла голову. А он, получив желаемое, начал ею откровенно тяготиться. Помню, как она, даже среди ночи, приходила к нам и настойчиво пыталась поднять Жукова из постели, а он, со стенаниями и кряхтением, жаловался на многочисленные свои откровенно мнимые немочи. И мне приходилось вмешиваться в тягостную сцену и вежливо выпроваживать Ларису восвояси. Закончилось все, как и должно было закончиться, в принципе – следующим летом Лариса родила дочку, а Жуков в поле сошелся с молодой, но деловой, специалисткой Аней Абрамовой и женился на ней. А, Лариса Петровна, осталась одна и, возненавидев мужиков, стала их откровенно использовать, заработав себе репутацию самой свободной, но независимой, «стервочки» Певека. Ну, а о репутации Виктора Андреевича говорить уже и не хочется, во всяком случае, к особой дружбе, по крайней мере, с моей стороны, она уже никогда не располагала.

У меня же на любовном фронте была полная тишина – достойных претенденток не было, тем более на фоне общего крайнего дефицита свободных женщин в Управлении. И я жил, в основном, «по переписке» со своими старыми «материковскими» подругами, пытаюсь их соблазнить чукотской экзотикой. А, здесь мне оставалось только следовать, при случае, за веселой компанией Коли Сулова. Он, по хозяйски, врывался, в наш геологический дом на Пугачева, с кличем – «Быки – Буйволы, выходи – тореадор пришел!!!» В квартире жили три единственные наши молодые девчонки-геологини и все, как по заказу, со «звериными» фамилиями, да еще и на одну букву, – Быкова, Буйволова и Белкина. Девчонки были чудеснейшие и никаких громких грехов за ними не числилось, но, неофициально, они, все равно, получили общее прозвище «три Б» и уже через год из экспедиции разбежались.

Но, главным занятием моим было, естественно, составление первого своего чукотского геологического отчета. Неторопливо-педантичный мой начальник и единственный напарник Гена Загородний ужасно страдал из-за недостатка собственных материалов по съемке. Хотя, в процессе полевых работ, он, практически, не вылезал из маршрутов – мы с ним и на базе, в результате, почти не встречались, - один покрыть всю площадь с необходимой детальностью, он, естественно, не мог. Отчасти помогали мои поисковые маршруты, которые я проводил с максимальной тщательностью, но основной материал пришлось добывать из наших фондов, из отчетов предшественников. А, ковыряться в библиотечных фондах и архивах было и моим любимейшим занятием. И, я быстро близко познакомился с нашей главной фондохранительницей - милейшей Дозей Григорьевной Логачевой и из наших фондов почти не вылезал. В результате, к марту, мы, героическими усилиями, все-таки, практически, написали вполне достойный, на наш взгляд, отчет. И моя доля в нем была весьма значительной, если не основной. Помимо моего обязательного раздела «Полезные ископаемые», мною были написаны главы «Магматизм», «Тектоника», «Геоморфология» и раздел «Кайнозой» в главе «Стратиграфия». Особенно тяжело мне далась кайнозой и геоморфология. Я еще в поле обратил внимание на высокие эрозионные и аккумулятивные уровни в долинах, а так же на очевидную разновозрастность морен в долинах ледниковых. Но, опыта работы с рыхлыми отложениями у меня не было, как и не было поставленной задачи их картирования. И в предшествующих отчетах картировались лишь позднечетвертичные и голоценовые отложения. Поэтому мне пришлось достаточно попотеть с доказательной базой существования более древних и высоких уровней. Существенную помощь в этом мне оказал Евгений Николаевич Лобанов старший геолог Ревизионно-Геоморфологической партии, очень интеллигентный и деликатный человек, являвший собой полную противоположность своему непосредственному начальнику, надменно категоричному и амбициозно-высокомерному Виктору Васильевичу Краскову. Красков сразу категорично выступил против моих контактов с Лобановым и наших совместных геоморфологических построений. Оказывается, между ними шла уже давняя непримиримая война за лидерство в группе, что не помешало Краскову, в недалеком последующем будущем, использовать материалы Лобанова для защиты своей кандидатской диссертации, а потом и, вообще, изгнать его из экспедиции. Тогда я еще не знал, что и мне предстоит многолетняя жестокая война с Виктором Васильевичем и, уж, тем более, что принимая помощь Лобанова, я эту войну уже сам, практически, и начал. И первый бой уже проиграл. Но, пока, я строил планы на следующие полевые работы, когда все свои теоретические построения мог проверить и фактологически утвердить. А, планам этим не суждено было сбыться – события получили самый неожиданный и даже трагический для нас оборот.

В марте из отпуска вернулась чета Депарма. И, Иван Владимирович, даже не пообщавшись с нами, написал руководству, как официальный руководитель и ответственный исполнитель, обширный рапорт о необходимости снять наш отчет с защиты из-за необходимости его коренной переработки. И началась какая-то подпольная кулуарная возня, до которой, однако, меня, практически, почему-то, не допускали. Это было, тем более, странно, поскольку, одним из основных спорных пунктов в отчете были именно мои высокие террасы и древние морены, коих раньше в нашем районе никто не выделял. Депарму активно поддержали Хрузов и Красков. И то, что вопрос замыкался, в основном, на кайнозой и геоморфологию, явно свидетельствовало, что главным инициатором

скандала являлся, именно, Виктор Васильевич. Но, мне тогда это и в голову не приходило - главный недруг был, исключительно, Депарма, традиционно, подзуживаемый женой!! А с Красковым у нас сохранялись вполне лояльные отношения. Более того, я пытался достаточно эмоционально искать в нем союзника, естественно, без особого успеха. Реально отношения у нас испортились лишь через несколько лет, когда он стал кандидатом, а я успел приобрести уже собственный голос. После его очередного неудачного выступления на Техсовете экспедиции, где я, уже традиционно, оказался его основным оппонентом – он, вдруг, в ярости, спросил меня, когда мы остались тэт-а-тэт,

- Да, КТО ты такой???

- Я???! – удивился я, - Казаринов Сергей Львович, старший геолог!

- А, Я – КАНДИДАТ НАУК!!!!

- Ну, - беспечно заметил я, - у нас, к сожалению, любой дурак может стать КАНДИДАТОМ!

Он этот инцидент хорошо запомнил и ответил мне еще через несколько лет, когда и я, наконец, защитил свою ученую степень –

- Ну и что, Витенька, - язвительно спросил я, при встрече, - теперь делать-то будем?! – Теперь и Я – КАНДИДАТ!!

- Ну, ты же сам говорил, что у нас, к сожалению, любой дурак может стать кандидатом!! ответил он со своей классической высокомерно-саркастической улыбкой.

И я четко..... утер нос!! Оно и верно у нас, как я уже, к тому времени убедился, и среди академиков, если и не совсем дураков, то полных профессиональных импотентов и откровенных «деляг», было более, чем достаточно. Но, тогда мне было совсем не до академиков. Мне требовалось объективное разбирательство возникшего конфликта. Но, мне объяснили, что Стружкову сейчас совсем не до внутренних разборок – решалась судьба РайГРУ и его самого в ближайшем будущем. Феликс Эмилиевич уже несколько лет вел жестокую борьбу с начальником магаданского Управления Драбкиным за отделение Чаунского РайГРУ и создание на его базе Чукотского территориального Управления, по примеру Камчатского ГУ, которое тоже накануне отделилось от Магадана. Но, у Стружкова не было напора и авторитета его знаменитого предшественника «Будды» - Николая Ильича Чемоданова. И, Драбкин его все-таки одолел – РайГРУ уже тем же летом было понижено рангом до ЧКГРЭ и даже разделено на две экспедиции (на всякий случай). А сам Стружков, тоже, на всякий случай, был переведен на Центральную Колыму начальником новой Карамкенской экспедиции. Так что, в марте, нашему руководству было, действительно, не до мелкого производственного конфликта вокруг высоких террас.

И наш вопрос решился вполне кулуарно, совсем без нашего с Загородним участия. Приказом Хрузова, за срыв отчета, Гена был понижен в должности, а я, хоть и без формального понижения, был переведен на шлиховое опробование в самую бесперспективную, равнинную, Нижне-Ичувеевскую партию «балабола» Вадика Коровкина. Отчет же наш был передан Ольге Александровне Депарма для доработки, чем она усердно и занималась последующие 3 года, пока он не был, странным образом, списан в утиль. Так я лишился своего первого чукотского отчета, как и предшествующим летом, шкуры своего первого чукотского медведя. И я, буквально, освирепел и побежал к милейшему Валерию Ивановичу Светликову с заявлением о своем отъезде, о чем вспоминал уже выше. Но, Светликов мой пыл быстро охладил - «По закону мы обязаны теппеть друг друга три года!!» - сказал он и я пошел восвояси. И тут, по иронии судьбы, вновь случился наш профессиональный праздник, День Геолога, с которого и начиналась моя

профессиональная Чукотка. Но, настроение, на этот раз у меня было совсем не возвышенно-романтическое, как 2 года назад. Внутри клокотала буря, которая должна была вырваться наружу.

Праздник был устроен в новом кафе «Северянка». В большом зале было шумно и весело, а у меня на душе праздника не было. И, быстро дойдя до нужной кондиции, я угрюмо пошел по залу искать Ивана Депарму, чтобы высказать ему все, что о нем думаю. Но, Иван, чуя мои агрессивные намерения, начал бегать от меня по всему залу, а под руку мне попался слишком разухабисто жестикулирующий Равиль Бинеев. С ним мы и сцепились. Но, реально подраться нам не дали, быстро растащив в стороны. И я, добавив еще пару рюмок, отправился на улицу, перекурить. На ступеньках у входа собралась достаточно большая компания, оживленно обсуждающая нашу стычку с Бинеевым и ее причины. Тут были и Леша Шапорев с только что приехавшим на работу молодым специалистом - Гешей Сутугиным. «Миротворец» Геша и подступил ко мне, эмоционально доказывая, что я не прав. Его энергичная жестикуляция, как и у Бинеева, вызвала у меня чисто рефлекторную реакцию, освобождающую внутренний протест и я, молча, поддел его кулаком снизу в челюсть. И он, удивленно крикнув, опрокинулся с крылечка в ближайший сугроб. Меня, естественно, тут же скрутили и отвезли домой, где я, благополучно, и проспал до утра в своей родной постели.

Наутро меня вызвал к себе главный геолог ГСЭ Тойво Петрович Хюппенен и прямо с порога спросил,

- Сергей Львович, вы помните, что Вы вчера вечером натворили??!

- Не помню, Тойво Петрович – пьян был, извините!! – отвечал я виновато.

Тойва сдернул с носа черные очки и обнаружилось, что у него огромный синяк на оба глаза и свирепо глянув на меня, что для него, сугубого интеллигента, вообще, было не свойственно, рявкнул,

- Если Вы не сделаете для себя соответствующих выводов, мы более не будем приглашать Вас на наши коллективные мероприятия!!

Это было тем более удивительно, ибо на вечере его не было. Не было на вечере и Коли Позднякова, которого я встретил чуть позже за привычным теннисным столом, за которым он, как всегда царствовал, несмотря на левую руку на марлевой перевязи. Меня он встретил ворчливым сожалением, что я не попался ему на глаза накануне вечером. Синяки, очки и повязки наблюдались и на многих других участниках предшествующего «мероприятия». И лишь я, главный его организатор и зачинщик, был абсолютно цел и здоров – даже голова с похмелья не болела. Более того, в организме чувствовались легкость и подъем – будто камень с души свалился – пары спустил, как говорится. Оказывается, накануне, случайно заведенный мною Равиль, после моего исчезновения, не на шутку разбушевался и драка, как это нередко бывало и раньше, быстро переросла во всеобщее побоище. И, когда его, как и меня, в конце концов, с большим трудом эвакуировали домой, он продолжал буянить и сопротивляться. А, жил он, по иронии судьбы на Полевиках в нашем же доме, в маленькой угловой комнате на втором этаже. По соседству жил и Хюппенен, который, естественно, вышел, пытаясь утихомирить буяна своим авторитетом. Рядом, оказывается, отмечал праздник с друзьями и Коля Поздняков. Коля и решил применить свой привычный способ умиротворения Бинеева – отправить его в легкий нокаут, но, удар, почему-то пришелся ... Тойве, ровно между глаз, наградив его, абсолютно трезвого и примерного в быту человека, уже известным огромным синяком. А, взъярившийся от подобного конфуза, Поздняков схватил Равиля поперек тела и воткнул его головой в закрытую дверь комнаты. Дверная фанера

лопнула и голова Равиля застряла в открывшейся щели – все сразу протрезвели и начали его спасать из новой беды. Я, в это время, спал сном праведника в своей постели и о бурной сцене на втором этаже узнал уже позже, от ее участников и свидетелей. Даже 3 года спустя, когда в бывшей комнате Бинеевых пришлось жить уже мне с семьей, Равиль заходил к нам в гости, чтобы полюбоваться на знаменитую дверь, в которой торчала его голова. А Коля Поздняков, перевозбужденный случившимся, прямо от Бинеева, отправился тогда выяснять отношения с ребятами из общежития СУ-6, где и сорвался в пролет лестницы со второго этажа, повредив себе руку, почему и ходил на следующий день с повязкой.

Так и закончился мой второй год на Чукотке и вторая экстремальная партия. В первой я близко познал в концентрированном виде физические человеческие пороки. Во второй, в том же концентрированном виде, столкнулся с пороками моральными – ленью, извращенными амбициями, хитростью и, главное, откровенной подлостью. Для меня подобная концентрация негатива, не смотря даже на уже достаточно богатый жизненный опыт, показалась настолько чрезмерной, что я даже малодушно попытался сбежать. И до сих пор чрезвычайно благодарен Валерию Ивановичу Светликову, который удержал меня от этого. Я еще далеко не все узнал о Чукотке и уже следующий, тоже легендарный сезон, познакомив меня уже с экстремальной природой Чукотки, тоже едва не стал для меня последним.

Горячий 69-й – «Дачная партия»

Настроение моё перед третьим чукотским полевым сезоном было, естественно, самым отвратительным – больше всего мне хотелось, чтобы он скорее закончился, я мог бы уехать в свой законный отпуск и больше не возвращаться на столь не гостеприимную, для меня, Чукотку. Но, судьба, все-таки, дала мне некоторую компенсацию в лице нового начальника партии. С Вадимом Александровичем Коровкиным мы уже достаточно хорошо познакомились за предшествующую зиму. Он, своим трезво-философским отношением к жизни, со значительной долей иронии и даже циничного сарказма, сильно напоминал мне моего первого полевого командира на Кавказе и крестного отца в геологии Лёву (Льва Залмановича) Быховского, близкого младшего друга и коллегу моего отца. Именно от него я впервые узнал, что для геолога главное не крепкие ноги, а голова, потому и «умный в гору не пойдет!!» Первой полевой шуткой Вадика, которая, впрочем, оказалась для него, в конечном итоге, фатальной, был чудесный лохматый щенок, которого он привез с собой на базу партии, подобрав его по дороге, на прииске «Красноармейский». На Красноармейском, в местной Штокверк-вой ГРП, появился новый главный инженер – Виктор Иванович Лаштабег, - с которым Вадик, несмотря на всю свою интеллигентность и чувство юмора, умудрился крепко поссориться. Как он сам потом объяснял нам, исключительно, из-за его чрезмерных амбиций и высокомерного отношения к «полевикам». И Вадик, в отместку, окрестил красноармейского пса кличкой Лаштабег. Пес пробегал все лето по базе, а осенью очутился на складах 4-го км, которые стали уже экспедиционными. А начальником экспедиции, по иронии судьбы, стал именно В.И. Лаштабег. Естественно, первым из экспедиции исчез пес, а вслед за ним и В.А.Коровкин вынужден был отбыть в родной город Ленинград. База наша располагалась на достаточно живописном берегу спокойной омутистой речки Тихая, нижнего левого притока р. Ичувеем. Вокруг был низкий мягкоувалистый пейзаж приморской равнины. Лишь на юге, уже за пределами нашей территории, круто возвышался Палянский гранитоидный массив. Там, в истоках нашей

тихой речки, разведывалось Западно-Палянское ртутное месторождение и был поселок одноименной ГРП, где главным геологом работал близкий друг и сокурсник нашего начальника – Володя Кузмин. Пользуясь этим новым знакомством и ностальгируя по горам, я частенько навещался на Палян, любопытствуя, лазил там по штольням и даже оставил памятный каменный тур на вершине массива. Там же, в местном магазине мы затаривались продуктовым дефицитом, включая, спиртное, доступным только руководящему составу ГРП! Володя, кстати, тоже не пережил ликвидацию РайГРУ и, вместе с Коровкиным, уехал в Ленинград, где работал в НИИ «СевМорГео» по всему арктическому побережью и островам, стал доктором наук, но мы продолжали с ним достаточно тесно общаться вплоть до конца 90-х! А, вот, с Вадиком мы растерялись, хотя через несколько лет я получил неожиданное известие от отца, который еще работал на Кольском, близко пересекся там с Вадимом Александровичем по работе и был очень удивлен, что мы с ним тоже работали вместе и, соответственно, близко знакомы! Вот уж, истинно, – мир тесен, даже такой, как наша Арктика.

А, наш аномальный полевой сезон и начался аномально и, поистине, символически, о чем мы тогда, естественно, еще не подозревали. Собравшись всем составом за обеденным столом у завхоза Валеры, мы вдруг услышали с улицы легкий непонятный треск. Выскочив из палатки были поражены – в яркий солнечный день, на фоне ослепительно сияющей заснеженной тундры, без дыма и пламени, легко потрескивая, горела соседняя палатка, в которую только что заселились наш горняк Ваня (Иван Афанасьевич) Игнатьев и геолог Гриша Кульметов. Все было настолько неожиданно и невероятно, что мы даже не сразу бросились ее тушить, тем более, что снег вокруг был уже вытоптан, а воду из проруби таскать было далековато. В результате, спасти удалось лишь обгоревший каркас и большую часть личных вещей погорельцев. Но, какого-то особого уныния в коллективе это трагическое событие не вызвало – тон, все-таки, задавал начальник партии своим философским шутливо-ироническим отношением к любым неприятностям. И мы чумазые и лохматые просто отправились заканчивать прерванный обед. И у нас начался веселый полевой сезон. С утра мы собирались в палатке Вадима, где он жил, как и положено начальнику, со студенткой-практиканткой из Питера Надей, симпатичной, но малообщительной особой. Слушали утреннюю радиосвязь с «Сопкой» (Певеком), в которую Вадик обязательно выдавал какой-нибудь каламбур, на потеху публике. Так, однажды, к примеру, он ввязался в достаточно занудные переговоры вечно незадачливого Бори Бубенникова с Леонидом Петровичем Карасем. Боря просил запасливого Караса помочь ему с недостающим снаряжением и Леонид Петрович, с открытой душой, подробно перечислял, чем он может поделиться. И Вадик, в конце концов, не удержался и закричал в эфир,

- Карась!!! А, у тебя карась в сметане есть??!

- В сметане нет – есть только в собственном соку!! - незамедлительно ответил Леонид Петрович.

- ЕКЕ – не засоряйте эфир!!! Я – «Сопка»!! – тут же, строгим голосом, одернула их Люда Полевода с головной радиостанции. А после эфира мы садились расписывать очередную «пулю» в преферанс. Играли «под забор» и весьма азартно, прерываясь только на обед или для легкого «променажа» на соседнюю шурфовочную линию, где шурфы великолепно проходились и без нашего участия. И у меня, в отличие от предшествующего сезона, даже мысли больше не возникало в них спускаться и что-то там.... документировать. Частенько, к нам на вездеходе приезжали гости с соседнего Паляна, во главе с Кузминым, с обязательным горячительным угощением, тогда праздник получался

совсем уж на славу. И заканчивался нередко боксерским поединком Гриши с Иваном, хотя они и были явно в разных весовых категориях. Кульметов был мелким, очень темпераментным и задиристым «азербайджанским турком», как он сам себя определял, а Игнатьев – крупным медлительно-рассудительным якутом. И в паре они смотрелись достаточно потешно, как «Пат и Патошён», тем более, что поединки их никогда не были дракой, а, именно, соревнованием – кто кого первым с ног свалит. На потеху публике. А, лето, между тем бурно и быстро разгоралось. И уже 18 мая, на 3 недели раньше обычного, на нашей тихой речке вздулся бурный паводок. Шурфы наши моментально затопило и работы пришлось, практически, прекратить. А тундра вокруг сразу расцвела и ожила, наполнилась огромным количеством крылатой живности. Особенно много прилетело гусей и уже вскорости на каждой речушке, в каждой заводюшке, можно было встретить по 2-3 гусиных выводка. Выводок гусят появился и у нас на базе, они неотступно следовали за завхозом, который их кормил, а потом, уже взрослыми, плавали по всей нашей речке, пока их не отловил какой-то заблудившийся в тундре шоферюга. Но, особенно, бурно расплодились комары. Такого комари-ного буйства мне никогда больше испытывать не приходи-лось – из-под накомарника невозможно было высунуться не потому, что комары кусали, а уже потому, что они моментально забивали дыхание. А под накомарником было жарко и душно, тем более, что погода стояла поистине тропическая. Энтузиазма к работе это никак не добавляло. Впрочем, особого энтузиазма ни у кого из нас не было изначально. Площадь была заведомо бесперспективна. Мы, с промывальщиком Толиком, терпеливым меланхоличным мужичком средних лет, быстро облазили и опробовали все окрестные долинки и ручьи. За аномальными пробами я больше не гонялся, хотя золото в шлихах встречалось часто. Но, я уже научился достаточно уверенно определять содержания его на глаз и перестал возбуждаться только от одного его вида. Приятно было держать лоток в руках только в верхней части нашей речки Тихая, где в каждой пробе было изобилие киновари из близкого Западно-Палянского месторождения. Ярко-красный обильный шлик, с мелкими золотыми крупинками, завораживал глаз. А лето раскалялось все больше. В июле от жары и суши исчезли и комары. А вместо традиционного снежного циклона в конце месяца, из тундры отчетливо потянуло дымом. Вначале мы, практически, не обратили на это внимания – тундра летом часто горит по небрежности отдыхающих тружеников. Но, уже вначале августа, когда мы возвращались на базу после опробования р.Попутной, правого нижнего притока р.Ичувеем, мы с Толиком раздели-лись – он отправился с лошадьми прямо на базу, до которой оставалось не более 5 км, а я решил отобрать несколько проб на левом борту основной долины Ичувеема. И, поднявшись на увал, был потрясен – на открывшейся мне всхолмленной равнине поднималась стена открытого огня и черного дыма, которая быстро двигалась в мою сторону. И вскоре все пространство вокруг затянуло плотной едкой дымной пеленой, стало трудно дышать. Я кинулся в сторону базы. Но, в какой-то момент, в плотном дыму, решил уточнить направление и, глянув на компас, с удивлением обнаружил, что направляюсь в прямо противоположную от базы сторону. Далее я компас уже из рук не выпускал и шел строго по азимуту, хотя твердое внутреннее ощущение, что иду неверно, долго меня не отпускало. И это было тем удивительнее, что я, от природы, абсолютно инстинктивно ориентируюсь в пространстве, как кошка – даром, что из породы кошачьих, как еще отец шутил. Однако, самое неприятное ожидало меня впереди! Добравшись до базы, я с удивлением обнаружил, что Толик с лошадьми там не появлялся. И я кинулся ему навстречу, к месту, на котором мы расстались. Но, увы, он

исчез. Тут уж, даже Коровкину изменило его обычное философское спокойствие нам с ним грозило реальное уголовное дело за потерю человека в экстремальных условиях. Он вышел на экстренную связь с Певеком и началась бурная поисково-спасательная операция. Тундру на нашей площади начали прочесывать команды спасателей со всех ближайших приисковых участков с вездеходами, в небе загудели вертолеты. Но, единственным результатом массовой спасательной операции явилось лишь определение истинных масштабов стихийного бедствия, охватившего тундру. И началась паника, с перепахиванием её траншеями до мерзлоты и эвакуацией производств и населения. Паника охватила и, ближайший к нам, Палян. Там, больше всего, опасались за свой обширный склад ВВ. И только о нашей базе и партии, почему-то, никто не вспоминал – мы все были заняты только одним – искали Толика. И я, едва не сутками, бродил по тундре в сплошном дыму, решая неразрешимую загадку куда мог исчезнуть опытный тундровик из узкого треугольника между Ичувеемом и Тихой, которые он знал, как свои 5 пальцев, и основным пожарищем, куда его, даже в кромешном дыму, опытные наши, очень чуткие к опасности, якутские лошадки близко бы не подпустили. Но, на пятый день, уже безнадежных поисков, свершилось чудо! Именно, на том самом месте, где мы расстались, я сквозь густую дымку, разглядел, вдруг, знакомые силуэты наших лошадок. Толик был жив и здоров, разве что малость исхудал, но взаимному нашему счастью, буквально, не было предела. Оказывается он, как и я, в дыму, отвлекшись на лошадок, пошел с ними прямо в противоположную от базы сторону, вниз по Ичувеему и, незаметив, перейдя через него, почти пересохший, ушел в сторону Певека до самого устья Млелювеема. Там, в рыбачьей избушке, он и просидел три дня, размышляя, куда идти дальше. А потом принял единственно правильное решение сел верхом на одну из лошадок и отпустил поводья. Лошадка и привезла его, по собственным следам, к месту, на котором мы с ним расстались! Мудрые были у нас лошадки, всё-таки – вечно должны бы мы, тундровики-геологи, им кланяться, однако! И памятник поставить! Счастливое появление, сгинувшего было, Толика, подняло моральный дух коллектива на небывалую высоту и мы, уже с огромным энтузиазмом, и, даже с саркастическим юмором, по-коровкински, держали круговую оборону от пожара, который подступил к нам вплотную. Эвакуировались, постепенно отступая, с помощью техники Палянской ГРП и к концу августа выбрались, наконец, в Певек, где меня ожидало, уже традиционное наказание. Новый начальник новой экспедиции – В.И.Лаштабег - одним из первых же своих приказов понизил меня в должности до техника-геолога за нарушение правил ТБ при проведении полевых работ. Утешил меня Вадик своим классическим философским сарказмом – «Привыкай, Серега – это по-нашенски! Бросил в тундре одного рабочего – понизили – бросил на пожаре целую полевую партию – повысили!!!» И у меня было чудесное настроение – предстоял законный плановый отпуск и.... окончание всех моих чукотских мытарств и неприятностей, вместе с незаслуженными наказаниями. Но.... мытари мои не успокаивались, однако. Мое приподнятое настроение сразу же осадил Лев Константинович Хрузов, когда я появился перед ним с заявлением о предоставлении мне отпуска. Он повертел его в руках и раздумчиво сказал,

- А, Вы, ведь, понижены в должности, Сергей Львович, и должны отбыть свое наказание! А, потому, я не могу сейчас подписать Ваше заявление на отпуск. Я был ошарашен и забормотал в растерянности,

- Но,..... есть же график... все согласовано.... утверждено Стружковым...

- Ну, Стружкова уже у нас нет, - небрежно констатировал Хрузов, а, график.... 1-е или 30-е, все едино сентябрь мы его соблюдем!! А, Вы, пока,

соберите материалы и составьте нам проект на новую полевую партию – как составите, так сразу же и в отпуск... законный, с чистой душой и легким сердцем! Совершенно обескураженный, я вышел из кабинета Хрузова и, по счастью, тут же в коридоре встретил Якова Севастьяновича Ларионова, который был уже назначен главным геологом экспедиции. По иронии судьбы они с Хрузовым в новой системе поменялись кабинетами. Яков сразу заметил мое состояние и пригласил меня к себе. А там, выслушав мой скулеж, только покачал головой, посетовав, - «Везет тебе, Сергей Львович, вечно у тебя – не понос, так золотуха!!!», и.... подписал мое заявление на отпуск, да еще и с припиской о немедленном исполнении. Горячо поблагодарив милейшего Якова Севастьяновича, уже второй раз отпускавшего меня в Москву, вопреки мнению остального начальства, я, буквально, «свалился» на первый этаж в отдел кадров и бухгалтерию за соответствующими отпускными документами и деньгами. И уже через полчаса отходил от кассы с пачкой денег, не веря своему счастью. Но, на выходе, нос к носу, вновь столкнулся с суетливо-озабоченным Хрузовым, который небрежно, на ходу, но с откровенной издевкой, поинтересовался - начал ли я подбирать материалы для проекта.

- Да, нет, Лев Константиныч – уезжаю я, уже и отпускные получил!! – с торжеством ответствовал я, потрясая у него перед носом пачкой денег. Хрузов даже забыл, куда и зачем шел. Он некоторое время, с огромным удивлением, смотрел на меня и на деньги в моей руке, а потом, придя в себя, только пробормотал, - «Ну, я сейчас разберусь!!!» - и, резко развернувшись, кинулся вверх по лестнице на второй этаж. А, я, подальше от греха, так же поспешая, устремился к заветному выходу из проклятой экспедиции. И почти в полной уверенности, что в последний раз.

Так и закончился мой трехлетний чукотский «курс молодого бойца»! И я, как натуральный «дембель», летел на «материк» на натуральных крыльях, в предвкушении всех прелестей свободной жизни... на «гражданке»! Но в Москве, встретившись со своими друзьями-сокурсниками, я, вдруг, почувствовал себя бывалым фронтовиком среди пацанов-тыловиков, не нюхавших пороха. Первым стандартным вопросом при любой встрече было – «Ну и как там Америка поживает?!» Сразу вспоминались первые строчки из книжки Д.Гранина об Австралии - «Месяц вверх ногами» - «Ну, и как там кенгуру?!» Приходилось терпеливо объяснять московским геологам, что от Певека до Аляски подальше будет, чем от Москвы до Турции или Скандинавии. И тут я осознал, что у меня уже сформировался другой формат и масштаб мироощущения. И дело даже не в том, что я мог спокойно, залихватски, потратить в день сумму, равную их месячной зарплате, что некоторых, особенно женщин, приводило в полный шок – мне было, просто, не о чем поговорить в большой дружной компании, кроме экзотических рассказов о своих тундровых приключениях. Обсуждались, в основном, бытовые и практические вопросы женщины о дачных огородах, а, мужики – об автозапчастях, и, все вместе, – о карьерном росте, зарплатах, премиях и что где можно «достать»! На фоне наших бурных, вплоть до мордобоя, экспедиционных геологических дебатов, вокруг среднего триаса или верхних террас это было ужасно скучно. И все мои чукотские неприятности показались, вдруг, крайне мелкими и даже смешными, чисто, по-коровкински! Я уже тоже становился философом. И я уже не мог не вернуться на Чукотку. Но, подоспело время жениться, а все мои записные невесты, которых я, по очереди, посетил в разных городах, ехать в неизведанную даль со мной, почему-то, отказались. И лишь в последний момент, накануне моего отъезда, пара моя сама нашлась, в самом неожиданном месте и совсем рядом! Но, история моей феерической женитьбы и последующего нашего неординарного, уже семейного,

путешествия из Москвы в Певек – тема для отдельного повествования. Здесь же речь пока – только о Чукотке.

Первый самостоятельный – 70-й – «Бардачная партия»

Моего появления в экспедиции, похоже, никто не ожидал. Неожиданности и приключения ожидали нас, с молодой женой, буквально, на пороге. Из аэропорта я привез жену в свою комнату, в которой, вроде бы, перед отъездом в отпуск, проживал уже один – бывший сосед мой, Витя Жуков, женившись, получил квартиру. Но, открыв собственную дверь, я увидел за ней незнакомую молодую женщину. Оказывается, в мое отсутствие, ко мне подселили молодого специалиста – Витю Мезенцева, с которым, естественно, мы не успели даже познакомиться, и он, буквально, за пару дней до моего приезда, тоже успел привезти жену – Тоню, с которой мы и встретились!! Это был полный шок для нас – по нашим неписанным правилам, семейная пара имела преимущество на жилплощади, а, Мезенцевы заняли нашу совместную комнату на 2 дня раньше, соответственно, я свою молодую жену привез, оказывается,.... в никуда мы оказались, буквально, на зимней заполярной улице!! Спасли нас Тимохины, которым накануне выделили целых 2 смежных комнаты в новом, 10-м, доме!! Мебелью они обзавестись не успели и мы с Клавой расположились на двух надувных матрасиках в большой их, проходной, комнате!! Наш «медовый» месяц с «половой жизнью» на раздвижных матрасиках и явился, по сути, основой нашей последующей 40-летней семейной жизни. Наташа же Нечаева (Тимохина), первая моя чукотская полевая подруга, стала и первой подругой-наперстницей моей жены в Певеке – после нашего с Валерой отъезда «в поле», они на пару учили ходить младшую тимохинскую дочку Аннушку. И, вообще, искреннее северное чистосердечие и взаимовыручка проявились в этот, первый месяц нашей жизни в Певеке, в полной мере. Первым, на несколько дней, предложил нам свою комнату, с шикарным двухместным семейным диваном, сосед Тимохиных по квартире – Алик Рисс – Альберт де-Рисс, как он сам рекомендовался – симпатичный круглолицый латыш-геофизик, с которым до того мы даже знакомы не были. Предлагал мне свою убогую холостяцкую берлогу в старом бараке, рядом с памятником-ярангой в центре города, и Сергей Федорович Бегунов, с которым мы еще раньше сошлись на почве общего увлечения фотографией. Но, берлога была настолько, действительно, убога, что даже мало избалованная моя жена отказалась в неё селиться! Официальное же руководство экспедиции, вместе с профсоюзной и комсомольской организациями, озаботились моим семейным бытом совсем не сразу, и лишь через месяц наших мытарств по гостям и кабинетам, нам была выделена, наконец, комната-пенал в 4-м доме на Полевиков, в квартире для временного проживания сезонников. Осложняли нашу житейскую ситуацию и проблемы с трудоустройством Клавдии Гавриловны – её специфическое высшее партийное образование вдруг из преимущества превратилось в помеху – чиновничья клановость в партийно-государственных структурах всегда у нас была на высоте, а на севере особенно. Отчасти, в этом была и моя вина – я окончательно рассорился с Хрузовым, а он имел определенный авторитет в райкоме партии. Тем более, что и поссорились мы, на этот раз, на чисто идеологической почве, которая для Льва Константиныча была полнейшим абсолют. А, началось все с пресловутого «ленинского зачета», который комсомол обязался сдать к 100-летию Вождя мирового пролетариата. Как человек обязательный, я подошел за разъяснениями к нашему комсомольскому вожаку Жоре Перебейносу и он, покопавшись в своих

бумажках, с трудом выговорил, что зачет надо сдавать по работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»! При этом «критицизм» в его устах превратился в «империокретинизм», что меня не столько позабавило, сколько вывело из себя. И я заявил, что этот самый «кретинизм» устал сдавать ещё в университетские годы, сейчас же, мне этим заниматься недосуг и, вообще, мой комсомольский возраст подошел к концу, как и моё пребывание в этой достойной организации. Бедный Жора даже не нашелся, что ответить на мою бурную тираду, и сразу побежал за помощью к первичному партсекретарю Хрузову. Тот, тут же, вызвал меня «на ковер» и начал «прорабатывать». Но, меня уже «понесло»! Я повторил все, что сказал до этого Перебейносу и добавил, что, вслед за Лениным, тоже категорический противник махрового формализма и, потому, не собираюсь отчитываться перед экзаменаторами, которые сами, из всего ленинского наследия, знают лишь одну крылатую фразу – «Учиться, учиться и, еще раз, учиться!»

- Ну, Вы, Сергей Львович, об этом еще пожалеете!!! – только и нашелся ответить Лев Константинович и моя ауедиенция на этом закончилась. А через пару дней у меня случился первый семейный скандал. Жене моей было официально заявлено, что она плохой политработник, поскольку даже собственного мужа не может наставить на путь истинный, а, соответственно, на достойную работу не может рассчитывать! И, единственное, что ей смогли предложить – место библиотекаря в техбиблиотеке ЧЧГПУ. И она заявила мне, что уезжает обратно..... «к маме»! Я, однако, принципиально, только пожал плечами – уехать из Певека на материк зимой событие, даже при наличии денег и летней погоды. А мы, после отпуска, жили пока, практически, милостью друзей и знакомых. Скандал закончился через пару часов, когда остывшая женщина, после блуждания по зимнему ночному городу, вернулась, наконец, к семейному очагу. И я вспомнил, как точно так же, в отчаянии, метался по Певеку в свою первую зиму. Но, теперь я был уже совсем другим три минувших года, все-таки, крепко меня закалили. Мое идеологическое воспитание, однако, на этом не закончилось. Через полгода, уже осенью, на меня вдруг вышел наш новый комсомольский секретарь Серега Григоров. Он уже не путал «критицизм» с «кретинизмом», но ошарашил меня еще больше, сообщив, что комсомольская организация экспедиции, по рекомендации парторганизации, выдала мне коллективную рекомендацию для вступления в партию!!! Но, я не только не подавал заявления на вступление в партию, но еще и, буквально накануне, с громким скандалом покинул комсомольские ряды, соответственно, и взносы членские платить перестал, о чем и уведомил бойкого комсомольского секретаря.

- Вы же нарушаете все собственные регламенты и уставы!!! – с изумлением возгласил я.

- Это инициатива нашей парторганизации, согласован-ная с райкомом! с нажимом отвечивал Григоров,

- А, взносы – это мелочь, копейки – погасишь задолженность, не разоришься!! Тут меня вновь прорвало! Я, вдруг отчетливо понял, кому и зачем потребовалось надевать на меня партийный колпак! И я заявил открытым текстом, не стесняясь в выражениях, что первым вступлю в партию, как по Ленинскому призыву, сразу после того, как из неё будут удалены все местные «инициаторы» и райкомовские «согласователи» в полном составе! А пока.... хотя бы на членских взносах сэкономлю!

От более суровых «разборок» меня спас крупный общественно-политический скандал в экспедиции, случившийся, по иронии судьбы, тоже с моей непосредственной, хотя и непреднамеренной подачи. В

преддверии очередной годовщины Октября, нам, как было принято, раздали красочные бланки для принятия Социалистических обязательств. В связи, опять-таки, с чистым формализмом указанного «мероприятия», бланки оказались.... старыми, с красочным посвящением к 50-летию!! И я, не удержавшись, написал на одном из них «Принимайте Социалистические обязательства!! Принимайте будьте смелее!!! На 53 году Октября В честь 50-летнего Юбилея!!» Кто-то увидел у меня этот листок и он оказался в отделе сатиры и юмора праздничной стенгазеты «Геолог Заполярья». Скандал получился неимоверный – газету сдернул со стены лично В.И.Лаштабег. Под «замес» попали все – и Хрузов, и Григоров, и предпрофкома Овчинников. И только я не посвященный и в рядах не состоящий, оказался небитым. Больше меня, официально, никто никогда в экспедиции не трогал попусту – себе выходило дороже. Хотя, окончательную точку в отвоевании полной своей независимости, я поставил лишь 2-3 года спустя, непосредственно в конфликте с В.И.Лаштабегом. На весенней полевой организации я не смог отправить в тундру новый балок – завскладами Кушнир, вдруг, отказался выдать мне буксирный трос без личной подписи начальника экспедиции!! Едва владея собой, я, буквально, ворвался в генеральский кабинет и категорически заявил, что не покину его без необходимой подписи. - Мне некогда решать Ваши вопросы – приходите в приемные часы!! – резко осадил меня начальник.

- А, мне некогда ждать приема у генеральских дверей – РАБОТАТЬ надо! В тундре голодные-холодные люди сидят, пока мы тут в административные бирюльки играем! – я, с великим трудом, сдерживал себя.

-Простой техники, срыв начала полевых работ, люди в тундре на голом снегу ночуют, а я тут вынужден чиновничьи пороги обивать из-за 5 метров буксирного троса!!

Лаштабег, вдруг, глянул на меня с интересом и спросил неожиданно, -

- Сергей Львович, а как Вы думаете – почему я езжу на машине, а Вы пока ходите пешком??!

- У меня, Виктор Иванович, на моем рабочем месте – в тундре – даже персональная верховая лошадка есть, - отвечив я, с трудом улыбнувшись, - Но, в городе, я предпочитаю ходить пешком!

- Да, Сергей Львович, задумчиво, вдруг, резюмировал генерал, Мне нравится Ваша работа, но..... мне не нравится - КАК Вы работаете!!

- Все зависит от того, что Вам важнее – ФОРМА или СОДЕРЖАНИЕ, однако! философски констатировал я.

И, начальник, подняв трубку телефона, тут же дал указание Б.И.Белану немедленно обеспечить меня всем необходимым. И, Борис Илларионович обеспечил. Мало того, он мне персонально вручил уникальный пуховой спальный мешок, коих на экспедицию было выделено лишь 3 штуки – исключительно, для высшего руководства! А Кушнир после этого, все последующие годы, свободно допускал меня в самые заповедные уголки своих складов. После этого открыто нападать на меня в экспедиции позволял себе, разве что, Виктор Васильевич Красков, да и то лишь, в краткий период своего возвышения до должности главного геолога экспедиции. Но, и эти нападки были уже скорее фарсом и комедией, чем реальными неприятностями. Я, просто, стал уже, по-настоящему, взрослым!! Но, это было еще впереди. А мне предстояло, для завершения полного курса чукотских полевых наук, пережить еще один воспитательный полевой сезон. И начался он с того самого полевого проекта, от которого я сумел осенью сбежать в отпуск. Проект был большой, трехгодичный, на территорию низовьев р.Куэквунь, непосредственно примыкающую с юга к богатейшему Пильхинкуульскому

золотоносному узлу, на котором работал прииск «Полярный». Я увлекся и строил для себя богатейшие планы, совершенно упустив из виду существеннейшие, чисто организационные, обстоятельства – территория вскоре отходила новой экспедиции, которая организовывалась на Шмидте, окончательно довершая разгром слишком амбициозного Чаунского РайГРУ. Думаю, что кое у кого, была надежда, поручая мне проект, что я, вместе с ним, тоже уйду, в конечном итоге, в новую экспедицию. Но, я об этом, естественно, и не думал. Неприятности начались, когда я закончил проект и приступил к организации. Это совпало со скандалом по поводу «ленинского зачета» и, соответственно, обещанием Льва Константиныча, что я об этом пожалею. Он отказался, вдруг, назначать меня ответственным исполнителем собственного проекта, оставив в должности рядового геолога. Старшим же было предложено назначить Гешу Сутугина, который работал в это время в очень приятной питерской компании на Кувете, вместе с Саморуковым и Тибиловым. Я, естественно, возмутился, и бесконфликтный Геша, по совету старших товарищей, от назначения отказался. Но, на организацию базы я поехал, все-таки, всего лишь геологом. И организация вновь превратилась для меня в целую эпопею. На Шмидте, откуда мы должны были завезти на нашу полевую базу топливо, горючее и основные стройматериалы, административно работала уже новая экспедиция, которая, естественно, Певеку не подчинялась. И собственной техбазы у них, практически, не было – все располагалось в одном бараке, где жили и работали немногочисленные сотрудники. Большинство, к счастью, были бывшие наши, певекчане, во главе с Мишей Федяевым, массово разбежавшиеся из Певека, в знак протеста против реорганизации и развала любимого РайГРУ. С их помощью, хоть не без проблем, за несколько дней мы собрали санно-тракторный поезд из трех тракторов с санями и отправились к месту нашего будущего базирования. Первую сотню километров по зимней равнинной трассе на прииск «Полярный» мы прошли быстро и без проблем. Но, стоило нам сойти с трассы в снежную тундру в дельте Куэквуня, пришлось сначала оставить одни сани, чтобы тропить дорогу двойной тягой, а потом пришлось бросить и вторые. И тут случилось совсем невероятное. Многочасовое гудение трактора и белое слепящее однообразие по сторонам усыпляло – отвлекало только черное мельтешащее пятно головного трактора на длинном тресе. И вдруг он... исчез!! Он висел на том самом буксирном тресе, уткнувшись двигателем в рыхлый белый наполнитель некоей безразмерной тундровой западни. Лишь летом мы выяснили, что попали в поле гигантских полигональных трещин в тундре, глубиной и шириной до 10 м, занесенных снегом, преодолеть которое было и теоретически невозможно. Но, мы, невероятным чудом, выбрались и даже, практически, без потерь, не считая многих лишних часов и сверхчеловеческого нервного и физического изнеможения. Базу мы поставили дружно и быстро. И возник вопрос – что делать дальше? Главное, с внешним миром не было никакой связи – радиостанцией меня не обеспечили. Не было и транспорта - арендованные трактора я, естествен-но, отправил обратно на Шмидт. И я отправился пешком на трассу, а затем на прииск «Полярный» - 60 км, чтобы связаться с родной экспедицией. Но, с большим трудом, дозвонившись до приемной начальника, я с огромным удивлением, обнаружил, что о нашей партии все уже, практически, забыли! И тут я, невольно, вспомнил Вадима Александровича Коровкина – мне тоже захотелось завести полевого пса по кличке Лаштабег! Надо было лететь в Певек. Тем более, что там меня ждала и не очень устроенная молодая жена. Но, лететь я мог, как выяснилось, лишь официальным пассажирским рейсом из аэропорта Шмидт. Но, попасть на Шмидт, из-за ужесточения пограничного режима,

мог только сотрудник прииска, а я был «приблудный», а, соответственно, полностью бесправный. Пришлось пускать в ход все свое «обаяние», чтобы на перекладных, с оглядками и оговорками, за сутки добраться, наконец, до кассы «Аэрофлота». Родная жена, увидев меня в дверях квартиры, после трехнедельного отсутствия, с удивлением спросила – «Вам кого??!» Она еще никогда не видела меня по-настоящему... тундровым, грязным и заросшим. И, кстати, после этого стала относиться ко мне и моим друзьям-коллегам с большим пониманием. В экспедиции меня тоже встретили с удивлением, хотя и, с привычным уже, очередным выговором, за самовольный выезд с полевых работ, игнорируя, при этом, естественно, полное отсутствие у меня какой-либо связи с центром. И меня это уже, привычно, не волновало. Главное, что меня, опять-таки, по инициативе Якова Севастьяновича, утвердили, наконец, ответственным исполнителем по проекту. Хотя, стараниями Льва Констан-тиновича назначен я был лишь «исполняющим обязаннос-ти», с окладом ниже минимального для старшего геолога – 135 руб. Но, меня и это не волновало – главное, я приобрел самостоятельность и право решающего голоса. И я со всей энергией кинулся на запоздалую организацию уже, действительно, «своей» партии!! А энергии требовалось очень много, поскольку, я был, практически, один, не считая 4-х рабочих, которых оставил на базе. Не стало легче и когда мне, наконец, назначили начальника – Леву Мазенина, - мужика прижимистого, хозяйственного, но малоинициативного и, мягко говоря, нерасторопного. А, вот геологов мне больше не досталось – все успели разойтись по другим, уже во всю работающим, партиям. Вместо них мне предложили взять трех студентов – двух парней и девочку. Волновали меня и люди, оставшиеся без связи на базе, хотя им, вроде бы, ничего и не угрожало. Но, туда надо было лететь и завозить снаряжение, а с этим вдруг возникли новые непредвиденные сложности – в малой авиации, с которой мы работали, тоже началась реорганизация - Шмидтовский авиаотряд административно отделился от Певека и теперь нас, чаунцев, официально не обслуживал. Пришлось организовывать сложную схему транспортировки с перевалбазой на Полярном, куда «аннушками» перебрасывался весь груз и горючее для Ми-4, который затем и завершал транспортировку его на базу партии. Все получалось по классическим советским канонам – сами себе усердно создавали трудности, чтобы их затем героически преодолеть! А лето уже наступало. Ударил бурный паводок.

И на базе нашей разыгралась настоящая трагедия, о которой мы, в своей организационно-транспортной суматохе, из-за отсутствия связи даже не подозревали. Базу я поставил надежно, на бровке достаточно высокой ровной террасы, примыкающей к скалистому коренному борту долины. Но, из-за ледового затора в основном русле паводковый поток пошел вдоль скального уступа, пробил новую протоку и отрезал палатки от коренного берега – ребята остались на узком островке посреди реки, как мазаевы зайцы. До полного затопления не хватало 10-20 см и такое отчаянное, совершенно безвыходное положение сохранялось в течение нескольких дней. Когда я, с первым же вертолетом, через несколько дней после спада воды, наконец, сумел попасть на базу, у меня волосы наполовину поседели – так с тех пор и хожу – седой к 30 годам – очень модный тогда был цвет волос - пепельный. И ребята меня тогда едва не растерзали из-за пережитого ужаса, да я и сам готов был в прорубь головой сунуться, хотя, объективно, виноват в случившемся абсолютно не был. Просто новое руководство нашей экспедиции, вновь, как и в предшествующем сезоне, фактически, бросило своих людей в тундре, цинично ограничиваясь, общими бумажными резолюциями и частными взысканиями – только там был огонь, а здесь вода! А мне, просто,

«повезло» повторно оказаться, фактически, в эпицентре событий из огня, да в полымя, как говорится. И я окончательно понял, что в нашей системе, тем более, в тундре, реально рассчитывать можно только на себя и ближайшее окружение сплоченного коллектива. Так и рождается реальное братство геологов-полевиков, особенно, наше – северо-восточное! И осознание этого и было для меня, пожалуй, окончательным завершением моего чукотского полевого обучения – теперь мне уже и сам черт был не брат!! И проверить это мне удалось уже тем же летом, когда я, в свою очередь, нырнул, таки, в Куэквиунь вниз головой безо всякой надежды на спасение. Возвращаясь из маршрута, я переходил реку вброд по перекатам. Многочисленные протоки выматывали, я вымок по пояс и потерял бдительность – на последнем шаге, уже на родной сухой берег, ошибся – нога соскользнула с уступчика, и я нырнул, вниз головой, в бурный вдольбереговой слив. Да, так неудачно нырнул, что тяжелый рюкзак с образцами, вместе с курткой-брезентухой, перекинулись мне на голову и спутали руки. И я поплыл кверху задом на вздувшихся штанах, сам себя проклиная на все корки. За эти штаны меня и вытащили через пару минут ребята, наблюдавшие с базы за моей переправой. Я не успел даже воды нахлебаться и лишь материл сам себя всеми известными мне ругательствами, под дружный хохот моих спасителей.

Коллектив у нас, в результате всех перепетий, сложился, хоть разномастный, но достаточно дружный. Даже ребята-рабочие, пережившие паводок и имевшие, вроде бы, полное право на меня обижаться, оказались настоящими чукотскими бичами, великодушными и мастеровитыми на все руки. Но, основным нашим производственным ядром были студенты – веселый шустрый, типичный одессит, Володя и спокойно-увалистый ростовчанин Миша. Выбивалась из коллектива только однокурсница Миши Надя, крайне избалованная, капризная девица, в Мишу влюбленная и приехавшая на Чукотку, чтобы не оставлять его одного. Занималась она только своей внешностью, брезгуя даже свою миску помыть после обеда – в Ростове, как выяснилось, она жила одна в генеральских апартаментах с домашней прислугой. Более того – её папа – генерал-лейтенант – оказался командующим всего Дальневосточного пограничного округа, который и обеспечил их с Мишей приезд на Чукотку, что она считала, естественно, исключительно своей заслугой. Одним словом – типично бриллиантовая девочка... на нашу голову. К счастью, её влияние на Мишу было минимальным, парень был вдумчивым и старательным. Да, и расстались мы с девочкой достаточно быстро и, к сожалению, вновь со скандалом. В первом же нашем совместном рабочем маршруте, она у меня сбежала, молча, без предупреждения, пока я описывал очередную точку наблюдения. Я, бросил маршрут, кинулся её искать, предполагая самое ужасное и проклиная все на свете и свою несчастную судьбу, в частности – второй раз подряд теряю человека в тундре! Но, когда, я, наконец, вернулся к маршрутной подбазе, то, с огромным облегчением, обнаружил её спокойно пьющей чай в моей палатке! И она с милой улыбкой, даже с упреком, объяснила, что ей просто стало скучно – я слишком мало уделял ей внимания. Я пришел в бешенство и самыми грязными матюгами (впервые в жизни по отношению к женщине) выгнал её вон! После этого, официально, при Мазенине, снял её с маршрутов и перевел на камеральную обработку материалов на базе. А, через несколько дней на базе приземлился пограничный Ми-8, тогда еще, редкая птица в тундре, а в нашей, всеми забытой партии, тем более. Из него вышел самый настоящий важный генерал – Надин папа, собственной персоной. У неё, оказывается, был с ним запасной канал связи и он прилетел «разбираться» с нами, аж из Петропавловска-на-Камчатке. После краткого общения, он заявил мне,

что девочка у него одна и она «домашняя», а потому привыкла к более деликатному обращению, на что я ответил, что полевая геология, как и действующая армия, место не для девочек, тем более, «домашних», - в тундре расшаркиваться негде, да и некогда, бывает! И генерал забрал свою любимую дочурку с собой, пообещав самостоятельно уладить все необходимые формальности с нашим руководством. Надя потребовала, чтобы с ней улетел и Миша, даже устроив, при этом, небольшую истерику со слезами, но он, к его чести, категорически отказался. Генерал улетел, а, я почувствовал себя, наконец, «настоящим полковником». Я, впервые, сам формировал СВОИ рабочий коллектив!

И, с ребятами мы начали работать очень дружно. По примеру незабвенной Татьяны Владимировны Шутовой, обучавшей меня съемке на первой производственной практике в Казахстане, я, проведя с ребятами несколько ознакомительных рекогносцировочных маршрутов, предоставил им максимальную самостоятельность, хотя и под весьма жестким контролем, разумеется. Выяснилось, что более шустрый Володя владеет лотком – ему я поручил и выборочное шлиховое опробование. А, более обстоятельный и аккуратный Миша стал ответственным за составление разрезов и документацию шурфов. Самому же мне пришлось успевать везде. Даже, обычно достаточно индифферентный и неповоротливый Лева Мазенин, редко покидающий свою командирскую палатку, заразился нашим энтузиазмом и почти не вылезал из маршрутов. Осложняло работу только полное отсутствие производственного транспорта – нам не выделили лошадей, и вертолеты нашу базу аккуратно облетали стороной. Мне пришлось даже один из них прямо в тундре посадить с помощью красной ракеты и своего ярко-оранжевого свитера. Благо, летуны оказались знакомыми, только что переведенными на Шмидт из Певека. Они-то и стали залетать к нам изредка... «на чашку чая»!! Но, в основном, нам пришлось все необходимое перетаскивать по тундре и сопкам на собственных плечах. Занятие это, конечно, весьма трудоемкое и малоприятное. Не обходилось и без трагикомических моментов. Однажды, при очередной перебазировке, разумно-ленивый Лева, большой любитель вкусно поесть, привязал к клапану своего, и так перегружен-ного, рюкзака большую чугунную сковороду. На наши замечания, что он груз не потянет, он лишь небрежно махнул рукой – зато, все унесу одной ходкой – зачем по тундре лишний раз ходить? И, подсев под лямки рюкзака, попытался его поднять, но... ноги не выдержали и он плюхнулся задом обратно на кочку – сковорода на клапане откинулась и звонко грохнула Лёву по лысой голове! Он, в бешенстве, вскочил на ноги и, оторвав сковороду от рюкзака, вместе с клапаном, запустил её, как истинный дискобол, далеко в тундру. А мы, все присутствующие, дружно покатались в разные стороны от хохота. Но, в следующий раз, нам было уже не до смеха. Мы, с Володей, вышли на лабаз, с продуктами и палаткой, выброшенный ранее нашими друзьями-вертолетчиками. И обнаружили, что он полностью разгромлен медведем. В целости остался только ящик со стеклянными банками болгарского фаршированного перца, коим нам и пришлось, в основном, питаться несколько последующих дней. С тех пор я получил устойчивое отвращение к этому деликатесу на всю оставшуюся жизнь. А, мое общение с чукотскими мишками, таким образом, пополнилось очередным памятным эпизодом. Но, общаться в Куэквуньской тундре, тем памятным летом, нам пришлось не только с мишками. Лето задалось теплое и спокойное, и тундра бурно заселилась всякой живностью. Под ногами постоянно раздавался писк леммингов и едва не на каждой кочке, белыми свечками, торчали многочисленные полярные совы. Этот страшнейший крылатый зверь досаждал нам невероятно – оберегая свои гнезда, они постоянно на нас нападали,

шурша своими безразмерными крыльями и огромными распахнутыми когтями прямо перед лицом. Автоматически отмахнувшись от очередного такого нападения молотком, я перебил сове крыло и ужасно расстроился потом, когда её пришлось.... добивать. Так же случайно, чисто непроизвольно, автоматически махнув молотком, я, совершенно неумышленно, убил и рыжую лису, внезапно выскочившую из отнорка у меня под ногами – она тоже пыталась увести меня от своего гнезда-логова с лисятами. Тундра, все-таки, богата смертями, к сожалению. Там же, едва ли не в том же маршруте, я наблюдал и место естественной тундровой трагедии – разоренное гнездо с двумя мертвыми совятами и труп песца рядом, буквально растерзанный родителями-совами.

И, так же как в предшествующем сезоне, на Ичувееме, на равнинной тундре Валькарая было изобилие гусей и журавлей. Уже в конце июня мы обратили внимание на обилие тракторно-гусеничной техники на равнине – работники ближайшего к нам, Пильхинского золотого полигона гонялись по тундре за линялыми гусями. При общении с ними выяснилось, что они, просто, за 10 дней, из-за сверхвысоких содержаний золота, выполняют месячный план добычи и, чтобы его не повысили, в разгар сезона валяют дурака, болтаясь по тундре за гусями. Потом я выяснил, что на полигоне в отвал отправляли пески с содержаниями ниже 50 г/куб!! А мы искали промышленные объекты, с содержаниями от 5 г/куб. Это, конечно, служило огромной моральной поддержкой в нашей работе! Чтобы открывать объекты «на уровне» надо было быть.... сверхчеловеком! А, у нас подобных объектов, к сожалению, не намечалось. Да, и вообще, создавалось впечатление, что от нас никто ничего уже не ожидал. На связи с центром и наш позывной, практически, исчез из эфира никаких руководящих указаний в наш адрес не поступало и дежурных сводок о ходе работ не требовалось. Настроения это, конечно, не прибавляло, хотя на ходе работ, вроде, никак не отража-лось. Но, как-то, проходя маршрутом по вдольбереговому увалу я, вдруг, обратил внимание, насколько обильно заселена, традиционно, безлюдная тундра. В море проходил большой караван судов, вдоль берега гудели вертолеты, таскающие на подвеске даже тяжелую технику, а по равнине ползали вездеходы и трактора. Кроме меня, в обозримом пространстве усердно трудились одновременно, как минимум, несколько сотен человек. И только я, почему-то, никому, вроде бы, не был нужен. Сразу стало одиноко и тоскливо. В Певек мы вернулись 25 сентября. Дата запомнилась, поскольку ровно через 9 месяцев, 26 июня 1971 г, жена подарила мне дочку! А, в экспедиции нас, действительно, никто не ждал – обошлось даже без традиционных уже, для меня, взысканий и выговоров. С меня даже не потребовалось традиционного информационного отчета о результата-тах полевых работ – территория была передана, вместе со всеми фондовыми материалами Шмидтовской экспедиции. И отчитываться за свои материалы я уже должен был на Шмидте, оказывается, куда и весь полевой материал передать, по описи. Кое у кого, действительно, была большая надежда, что я на Шмидте и останусь, вместе со своим материалом и проектом. Особенно, после того, как резко отказался вступать в партию. Но,... в Певеке я уже «пророс» и начинать все сначала на новом месте, настроения у меня, действительно, не было. На Шмидте, куда мне, в итоге, пришлось пару раз слетать с материала-ми, мне действительно, предлагали остаться, но от моего проекта, фактически, отказались, отложив его реализацию на неопределенное время. У них, ко времени, случилось открытие знаменитого богатейшего Рывеевского месторождения и главным направлением дальнейших поисковых работ они определили бассейн верхнего течения р.Кувет – на стыке с нашей территорией – тянуло-таки бывших чаунцев в сторону родного дома. А я,

вновь, остался.... в дураках!! Мои четырехлетние чукотские тундровые университе-ы, наконец, действительно закончились. Но, единственным, реальным результатом их оказался только богатый опыт личного выживания в любом экстриме, как в тундре, так и в стенах родной конторы. За четыре года, ценой изматывающих трудов, буквально, пройдя огонь и воду, неоднократно рискуя жизнью, я не оставил даже строчки в официальном отчете – полный круглый НОЛЬ!!! Это была система, которая энтузиастов-романтиков, превращала в разочарованных бичей-алкашей, как, того же, моего первого полевого начальника, большого умницу, Владимира Григорьевича Романчука. Не зря он, в пьяном бреду, грохал кулаком по столу и скрипел зубами – «У..У..У.... – СУСЛИКИ!!!» Или, в лучшем случае, в реалистов-философов, как Вадик Коровкин, Коля Саморуков, Валера Тимохин или Иосик Тибиллов. И лелеяла таких, как Депармы и Хрузов. И надо было быть, просто, «холодным и упрямым» и ДЕЛАТЬ ДЕЛО!!!

Рубежный 71-й – Береговой отряд.

Следующий, 71-й действительно, стал рубежным. И не только для меня, как оказалось. О нем же, в сборнике «Геологи вспоминают», в №7 за 2002 год, написал и С.Ф. Бегунов – «Благополучное поле – 71». И для него это памятное поле оказалось последним. Но, когда он мне подарил свое творение, незадолго до своей кончины, я воскликнул, прочитав,

- Ну, не так же все было-то, Серёга!!!

- Напиши, как было! – отвечивал он философически.

Последним это поле в Чаунской экспедиции оказалось и для Валерия Ивановича Тимохина, который тоже работал в нашей знаменитой комплексной Усть-Кэвеевской партии под руководством Бегунова. Это поле оказалось для него «последней каплей» и они, с Наташей, уехали в Москву. Все-таки, зря я его поставил ранее в ряд реалистов-философов – «не вынесла душа поэта»! Он был, все-таки слишком честен, принципиален и категоричен для.... «философов», типа Коровкина и Тибилова. Об этом пишет и Бегунов в своем эссе. В результате, он не ужился затем и в «Центргеологии», в Москве, а затем и в Шмидтовской экспедиции, а затем и на прииске Полярном, где завершал свою чукотскую карьеру в должности главного геолога. Так и умер от инфаркта, не дожив даже до пенсии, к сожале-нию. Кстати, если бы не встреча с Наташей, его, скорее всего, ожидала бы судьба Романчука, максимум к тому же 71 году. Он фанатически любил жену и детишек – они его и спасли!! И, геологом был, поистине, «от бога», что с уважением признавали все, без исключения, даже не любившие его за невоздержанность и резкость. Но, и непосредственен был, как ребенок, насколько же и незлобив. Вспоминается знаменитая «драка» между ним и столь же импульсивным Равилем Бинеевым, на «мальчишнике» в его новой квартире на Полевиках. Валера, практически, никогда не дрался – он был, хоть и мелким, но очень резким, да к тому же, кандидатом в мастера спорта по боксу, в студенческие годы бывший юношеским чемпионом Ленинграда в наилегчайшем весе – «мухи»!! А, Равиль прижал его к стене и попытался «вмазать»! Оба были предельно пьяны – Тимохин просто профессионально «поднырнул» и от резкого движения не удержался на ногах, а, Бинеев – врезал кулаком в стену и рухнул рядом! Получилась боевая ничья, вошедшая потом в исторические анналы экспедиции. Особо показательной была его краткая московская эпопея, где его, с радостью, приняли ведущим специалистом в НПО «Центргеология». И сразу поручили крупную тему по золотоносности Центральных регионов. Тема проектировалась на 3 года, солидным коллективом, с 3-мя кандидатами наук в составе. Валера, ознакомившись с программой, выступил на первом

же НТС, и заявил, что выполнит тему самостоятельно, в течение одного года, если ему выделят в помощь всего двух сотрудников. Все вокруг только пальцами у виска покрутили и Валерий Иванович уже через полгода работал на Шмидте. А, в 76-м сидел у нас в гостях на кухне, на Обручева, и яростно убеждал Саморукова отстаивать первооткрывательство Майского, которое уже присвоил себе Григоров. Но, Колька, только отмахивался – «Я только камни собирал!» - и вскоре, вместе с новой женой Тонечкой, тоже убыл в родной Ленинград. Ну, а для меня, этот сезон, вообще, определил всю дальнейшую судьбу и своё место, как в геологии, так и в жизни, ну и в экспедиции, соответственно, привел и в науку, в конечном итоге. По сути, я, как специалист, начался, именно, с Аачима!! До него все было только учебой. Здесь я получил и свой персональный радиопозывной – ЕКЕ-58 и свой личный ревноган, который потом и протаскал в кармане куртки-брезентухи в течение 15 лет. Ну и, наконец, я стал полновесным папой, а, соответственно, главой собственного семейства. Ну, и личный план, конечно, был главным, потому и запомнился ярче всего. Перед отъездом в декретный отпуск, мы с женой договорились, что сына, которого я ждал, называем Антоном, ну, а дочку – Аннушкой, как мечтал мой отец. Но, когда я в поле, наконец, раскинул антенну и впервые вышел в эфир, первое, что я услышал, было,

- ЕКЕ-58! Примите радиограмму! ЕКЕ-58 – Казаринову! Поздравляем с рождением дочери Светланы!!!

- Это НЕ МНЕ!!! – завопил я в микрофон, - Это ошибка!!!

- ЕКЕ-58! – привычно нудным голосом повторила Люда Полевода, - ЕКЕ-58 - Казаринову! Поздравляем с рождением дочери Светланы!

- Сопка!!! Люда!!! Это не мне!! У меня не может быть Светланы!!

- Серега, брось дурить!! - раздался, вдруг, в наушниках близкий голос Валеры Тимохина,

- У тебя водка есть?! Или подвезти?!

И на меня со всех полевых точек посыпались поздравления даже, обычно строгая Людочка, никого не останавливала привычным требованием «Не засорять эфир!» Пришлось смириться... со Светланой! Оказывается – родилась она у нас совершенно беленькой и родственники хором решили, что имя Анна ей совершенно не подходит это натуральный Светик-Светлячок!! Таковой она и осталась Светлана Сергеевна Казаринова!

А, начинался для меня год сложно. После шмидтовской «конфузии», я пребывал в естественной депрессии и полной неопределенности. Спасали только дела семейные жена быстро... округлялась, и нам, наконец, выделили нормальную маленькую комнату в, родном для меня, 6 доме на Полевиках. Ту самую, «бинеевскую», в двери которой торчала голова Равиля Умаровича, двумя годами раньше. И в райкоме Клавдию Гавриловну, наконец, вспомнили и подыскали ей работу «по специальности», хотя и достаточно неожиданную, особенно, в её положении. Её назначили замполитом части вневедомственной военизированной охраны, где она до декретного отпуска не успела даже освоиться. А большой отрез серого шинельного сукна, выданный ей для пошива формы, так и хранится у нас, как реликвия и память о тех незабвенных временах! В экспедиции же, меня некоторое время продолжали просто не замечать. Лишь ближе к весне меня вызвал, наконец, Владимир Петрович Полэ, сменивший на посту главного геолога Якова Севастьяновича Ларионова. Он, еще в 50-х, первым обследовал территорию низовьев р. Пегтымель и питал к тем местам особую слабость. И он обратил внимание на крупную интенсивную геохимическую аномалию золота, выявленную накануне в донных отложениях шельфа, напротив устья реки, работами новообразованного в Риге института ВНИИМорГео. На шельфе экспедиция еще не работала, а про мои

студенческие увлечения морской геологией он знал – я, было дело, хвастался публикацией своей дипломной работы по донным отложениям Белого моря в Трудах Института Океанологии. Я и предложил детально обследовать и опробовать п-ов Аачим – максимально выдвинутую в море часть пегтымельской дельты, как мы полагали. Полэ поддержал, и я ринулся в работу, еще не догадываясь, какие сложности меня вновь ожидают впереди. Причем, сложности не только чисто профессио-нально-геологические, но, в большей степени, организа-ционно-технические и административные. И, главным источником их, уже традиционно, вновь выступил Лев Константиныч, который категорически выступил против организации самостоятельного отряда под моим руководством. И меня чисто административно подчинили С.Ф.Бегунову, начальнику Усть-Кэвеемской партии, работавшей в 50 км южнее Аачима, в междуречье Кэвеем-Пегтымеля. Сергей Фёдорович был чудесным мужиком, общительным и отзывчивым, широко эрудирован-ным, но геологом был чисто кабинетным, к тому же, крайне нерасторопным, что особенно сказывалось при организации полевых работ, когда начальнику партии приходится крутиться, как белке в колесе. Это выводило из себя и импульсивного Тимохина, а меня приводило в полное отчаяние – в итоге, мой отряд развернулся в поле лишь к концу июня! Ну, а о своих полевых рабочих навыках, он сам пишет в своих воспоминаниях, рассказывая, как впервые, тем летом, пытался отмыть лотком шлиховую пробу или умудрился заблудиться в маршруте с компасом и картой в руках. Даже абсолютно фантастическая по героизму и полной бессмысленности экспедиция по нашему мнимому спасению – 300 км по осенне-зимней непроходимой тундре, колесным транспортом, - могла прийти в голову только чисто бумажно-кабинетному руководителю, типа Хрузова, тундры, тем более зимней, даже близко не нюхавшему. А поручить её можно было только абсолютно бездумно-исполнительному Бегунову! И главным чудом в этом «безумно-героическом деянии» было - отсутствие реальных жертв, несмотря на многочисленные предпосылки к этому. И, Сергей Федорович тогда сразу стал живой легендой, потому и переместился на работу в музей, как самый ценный экспонат, и воспоминания об этом оставил, как положено! Потому я и воскликнул – «Ну, не так же ведь все было-то, Серега!!» Вот теперь, в своем месте, и напишу – КАК, действительно, все было!! А, было все изначально очень весело и интересно! Главное, я, впервые, чувствовал себя совершенно свободно - под незримым прикрытием В.П.Полэ, ни Хрузов, ни, тем более, Сережа Бегунов, помешать мне не могли. Я думал, КАК решить поставленную неординарную задачу – найти морскую россыпь.... с берега! Для решения нестандартной задачи нужны были и нестандартные методы. Я уже хорошо, по собственному, еще студенческому, опыту знал, что поверхностное обследование и опробование, даже активных внешних пляжей полуострова, малоэффективно – их надо опробовать на глубину. В море для этого используются пневмозабивные грунтовые трубки длиной до 10 м. И мне повезло! В экспедицию, по гос.программе внедрения в производство новой техники, была завезена новейшая установка поискового бурения – УПБ-25, с которой наши бравые поисковики-разведчики не знали что делать. Дело в том, что она была рассчитана на бурение твердых пород алмазными коронками, но.... с поверхности в трещиноватых породах алмазы быстро выкрашивались, а в подземных выработках аппарат слишком круто дымил своим двигателем от бензопилы «Дружба». А я, с первого взгляда, влюбился в установку – слишком она была похожа на памятную и вожделенную пневмотрубку те же две направляющие и сверху ... вместо пневмо-вибратора движок от бензопилы. Установку мне, с радостью, отдали. А, вместе с ней, дали и

бурового мастера, Олега, который её, вроде бы, осваивал. Я ему объяснил задачи, которые перед нами стоят и он потребовал себе помощника. И тут мне, действительно, повезло год, все-таки, был для меня, реально, неординарным. Среди бичей-сезонников в очереди у дверей ОК, я обратил внимание на крупного, мохнатого, угрюмоватого мужика, с очень умными карими глазами. Перекинувшись парой фраз, выяснил – с бурением знаком, мало того – профессиональный техник-буровик, хотя уже и без диплома, давно утерянного. Так я познакомился с Юрием Ильичом Назиным, чудесным человеком, с которым пришлось тесно поработать еще несколько лет. Это был тоже энтузиаст-романтик и мастер на все руки, так же загубленный системой. Он приехал на Север по «комсомольской путевке» на строительство первого на Чукотке золотого прииска «Комсомольский»

В 1958 году. Но, уже через несколько лет, по известным причинам, оказался «на биче»! У нас он воспрянул духом, почувствовал настоящее дело, и себя нужным человеком, но уже через 3 года, его новое дело опять замотали в формализме и превратили в фарс. В результате, еще через пару лет Юру нашли замерзшим на приисковом отвале. Я объяснил новому сотруднику основную задачу, которую нам предстояло решить. Потом я принял за правило, - детально разъяснять каждому, включая разнорабочих, главные задачи проводимых работ и конкретную роль каждого в общем деле – это и было основой коллектива, собранного в хороший рабочий кулак. У меня это почти получилось уже накануне, на Куэквуне, а, Береговой отряд, можно считать, вообще, образцом, тем более, что он был весьма компактным – не более 6-7 человек. И, ядром этого коллектива стал, именно, Юра Назин. А, задача была, изначально, вроде бы не очень сложная – надо было просто поменять буровой снаряд на установке – вместо коренного алмазного 36 мм, поставить россыпной твердосплавный хотя бы на 89!! Но, я был технически, все-таки, совсем безграмотен и не представлял себе всей сложности этой, казалось, совсем простой переделки. И это показали первые же пробные забурки, проведенные прямо во дворе наших мех-мастерских. Официальный мой бур-мастер Олег, после этого сразу махнул рукой, заявив, что задуманное нами не реально и нам пришлось расстаться. Юра же только загорелся еще больше, лишь попросил себе в помощь своего старого друга Петю Платоненко, чудесного улыбчивого парня, бывшего слесаря и бульдозериста. Так они у меня и проработали затем 3 года подряд, неразлучные, как сиамские близнецы. И, летом ребята отбурили мне, вместо намеченных 15-ти 10-метровых скважин – 52, не считая 3-х десятков аварийных. Причем, с максимальной глубиной до 40 м. В результате, намеченный план мы превысили втрое – больше 450 пог.м. Это была обычная норма для шурфовки на полевой сезон. И, особенно, удачно бурение пошло уже осенью, когда тундра подмерзла – это добавило нам энтузиазма, и мы отказались эвакуироваться вместе с основной базой Уть-Кэвеемской партии. И для этого пошли на хитрость – я, от имени коллектива отряда, отправил официальную радиограмму на имя профкома и парткома экспедиции с повышенными социалистическими обязательствами к очередной годовщине Октября – отбурить новейшей установкой УПБ-25 рекордные 500 пог.м. за сезон на поисках морских россыпей золота. Ответа мы так и не получили, но уже через несколько дней к нам «прилетел» на вездеходе С.Ф. Бегунов, привез мешок муки, ящик консервов и категорический приказ сворачивать базу и готовиться к эвакуации... наземным транспортом. И, через неделю началась наша знаменитая героическая «челюскинская эпопея», достойная, разве что, пера самого Джека Лондона. Везло мне все-таки, в первые годы, на аномальное поведение нашего начальства. Но, это было уже, наверное,

законной компенсацией за сезон, который получился у нас, поистине, чудесным, едва ли не лучшим из всех, проведенных мной на Чукотке. Великолепная база на высоком берегу большого пресного озера в центре полуострова была настолько удачна, что была мною использована и повторно, во 2-м Нижне-Пегтымельском, 6 лет спустя. В озере было полно рыбы – мальма хватала и на пустой крючок. Впрочем, с рыбой у нас проблем не могло быть по определению – в паре км от нас на внешнем берегу в избушке-зимовье обитал колхозный рыбак-охотник Илья. Он летом ловил гольца в море сетями и хранил его в леднике для зимней подкормки и приманивания песцов – основного своего промысла. Поэтому, у нас вскоре вся база оказалась увешенной гирляндами вяленой и сушеной рыбы, и к нам за ней зачастили гости со всей тундры, и в первую очередь – вертолетчики. Так что, с транспортом, в отличие от предшествующего сезона, у нас проблем не было. Даже для лошадок, пару которых нам тоже завезли, у нас, практически, не было работы и они, в основном, паслись возле базы. Кроме того, у нас появились и совсем неожиданные добровольные помощники. Лето 71-го случилось, на редкость, безоблачным, по южному, теплым и море до самого горизонта освободилось ото льда. А, где-то далеко полыхал очередной Суэцкий кризис и Москва предложила использовать вместо закрытого Суэцкого канала СевМорПуть, естественно, не бесплатно. Но, американцы заявили, что арктические океанские просторы Союзу не принадлежат и, в подтверждение этого, пригнали к мысу Биллингса свой крупнейший ледокол «Торос» и демонстративно встали там, на границе территориальных вод. В ответ, наши поставили напротив крупнейший линейный ледокол «Ленинград»! Так они простояли, перемигиваясь, все лето. А, вертолет ледовой разведки Ми-2 с «Ленинграда» стал частым гостем у нас, на Аачиме. Хотя, первый раз он появился у нас весьма криминальным образом – среди бела дня у меня украли студентку, которая документировала разрез берегового обрыва недалеко от базы. А, Надюха, практикантка-дипломница из Ленинградского ГУ, была моей единственной профессиональной помощницей в отряде. Умненькая, крайне независимая, симпатичная девочка – любимица всего отряда. Даже, по уши заросший, колхозник Илья, появился, однажды, на базе с тундровым букетом в руках, чистенький, едва не в галстук, и официально сделал ей предложение руки и сердца. А, тут, прямо у меня на глазах, на место её работы подсел неизвестный вертолет, и она исчезла, как сказал рабочий, который чистил ей разрез, - улетели в сторону моря. Однако, через пару часов вертолет-разбойник сел уже на нашей базе и из него выскочила смущенная, виноватая, но абсолютно счастливая Надюха. Ей, ленинградке, показали настоящий «Ленинград»! А машина вблизи и нас всех восхитила – по сравнению со стареньким уже и очень тесным Ми-1 – это был роскошный воздушный лимузин. Внешне – УАЗик-таблетка с двумя винтами, но с шикарными креслами внутри, панорамными окнами и объемным багажником в задней части салона. С него мы во всех деталях осмотрели наши владения и даже попытались опробовать некоторые, практически, недоступные по суше участки. Посетил я и ледокол, подивился на их комфортное и изобильное, как при коммунизме, житье-бытье, столь контрастно отличающееся от нашего. Но, их, почему-то, все равно, словно магнитом, тянуло на берег. Второй наш нежданный внешний помощник тоже объявился в криминальной ситуации. В тундре, в нашем Биллингском совхозе, пропал парнишка-чукча – об этом сразу же оповестили все наши ближайшие полевые точки! И, через несколько дней, у нас появился совхозный поисковый вездеход. Искал парня сам отец – пожилой, типичный тундровый оленевод, не очень даже, внешне, и опечаленный потерей сына, - «Потоп наверное, - турной был, однако!!!»

Чукчи, вообще, к смерти относятся чисто философски, а вода для них абсолютное табу – даже, если просто окунулся, считай, ушел «к верхним людям»! Парнишку тогда так и не нашли, а, вездеходчик – совхозный зоотехник Алексей, стал у нас достаточно частым гостем, благо рядом было официальное совхозное зимовье Ильи, т.е. местная промежуточная база снабжения для тундровиков. Со своим стареньким, но безотказным ГАЗ-47, он помог нам, в частности, запастись дровами, с которыми мы могли спокойно пережить и всю полярную зиму. Пляжи были достаточно обильно завалены плавником, но мореное дерево горит плохо и надо было иметь достаточный опыт, чтобы отобрать сухое и горючее – отбирали лесины мы с Ильей, который сам отапливался только дровами, а на базу отобранное нам перевозил уже Алексей. Так что холода мы осенью уж точно не боялись, хотя запасы угля наши, действительно, почти закончились уже к октябрю.

Устраивали мы и более дальние вояжи – ездили на основную базу партии. Надя скучала по своим подругам, работавшим у Бегунова, и мне хотелось сделать ей приятное, да и самому с друзьями, прежде всего, с Валерой Тимохиным, пообщаться не только по работе, если была такая возможность. Но, первый же такой маршрут едва не закончился для нас трагически. У нашего места, низменно-го песчано-водянистого полуострова, была интересная климатическая особенность – над ним всегда ярко светило солнце, а над коренным берегом, к которому он примыкал, постоянно стояла стена густого тумана. И, когда мы с Алексеем поднялись на плоское междуречье Кэвеем-Пегтымеля, то сразу оказались в густом молоке. Но, он уверенно вел машину, не снижая скорости и на мое удивление этим, только отмахнулся – «Здесь все следы мои – с закрытыми глазами могу ездить!!» И вдруг сквозь туманные просветы я отчетливо увидел прямо по курсу солнечный диск! Глянул на часы – 3 часа ночи – солнце на северо-востоке, а наш маршрут – юго-запад, на Кэвеем. «Стой, - кричу, - в Пегтымель едем!!» А там плоскогорье обрывается в реку 300-метровым скальным уступом. Алексей, неуверенно сбросил газ и, наконец, остановившись, вылез из машины. И пройдя вперед всего с десятков метров, даже не успев скрыться в тумане, вдруг, сломя голову, кинулся назад – впереди действительно был отвесный обрыв! «Как же ты догадался-то?» - восхищался он, - «Профессия такая», - отвечивал я скромно. После этого он ко мне проникся особым уважением, и мы, с обоюдным удовольствием, общались потом еще несколько лет, пока я работал на угодьях Биллингского совхоза.

Так я становился своим человеком в тундре.

Но, свой полуостров мы, с Надей, обследовали детально и самостоятельно маршрутами, тем более, что он был весьма сложно и интересно построен. Здесь были даже чудеса, вообще, неожиданные для Чукотки, а характерные больше для южных тропических берегов, типа зандровых полей. Внешний открытый пляж был шикарным, чисто курортным, особенно на фоне лазурного спокойного моря под ясным безоблачным небом. Но, с моря всегда тянул леденящий ветерок, и стоило зайти в манящую прозрачную воду, как ноги в сапогах зажимало ледяными тисками. Так что не приходило в голову даже куртку скинуть, не то, что купальный сезон открывать. Берег губы Нольде был плоским и заиленным, а вот берег со стороны устья Пегтымеля был сложным – внешняя, северная его часть была представлена береговыми обрывами, выработанными в едомном песчано-ледяном ядре полуострова. Здесь располагалось и зимовье Ильи с обширной пещерой-ледником, выбитым в береговом обрыве. А, южная, примыкающая к коренному

берегу, - типичными зандами. Это были разноразмерные округлые «лужи» с вертикальными грунтово-торфяными бортами высотой до метра заполненные жидким илом на неопределенную глубину – я пытался замерить глубину, но 5-м шеста мне для этого не хватило. Сверху ил был прикрыт тонким слоем морской воды и это была настоящая ловушка даже для морских птиц – взлететь с такого «озера» они уже не могли. Близкое общение с ними едва не привело к настоящей трагедии и нас при осенней эвакуации. Неприятные сюрпризы ожидали и в центральной части полуострова. Прежде всего, это были заболоченные аласы и термокарстовые воронки затянутые подвижными дюнами и песками-«зыбунами». После того как в одну из таких скрытых «ямок» при переходе по грудь провалилась одна из наших лошадок, мы и перестали их практически использовать. Спасать несчастное животное нам пришлось всем составом несколько часов. Сберегло ее лишь то, что под ледяной песчаной жижей оказалась твердая вечная мерзлота, но, провалившись по плечи, она не могла в ней даже пошевелиться, и смотреть в её огромные страдающие глаза было мучительно. А, всего лишь, накануне с этой же лошадкой случилось, весьма, комическое происшествие и тогда она выглядела куда веселее. Седлая ее для транспортировки, Юра Назин затягивал подпругу, а она, как всякой мудрой лошади и положено, надувала брюхо, мешая ему. Кончилось тем, что рука каюра, от напряжения, сорвалась с сыромятного ремня, и он крепко врезал сам себе кулаком точно в зубы, плюхнувшись на задницу, с очумелым взором. Все вокруг громко хохотали, и лошадь тоже, в восторге, щерила зубы, радостно сияя глазами. Трагичное с комичным по жизни всегда ходят рядом, особенно, в тундре. И мне на это также как-то особо везло в первые годы на Чукотке, как на циничную низость, так и на самодовольную глупость человеческую. Все-таки экстрим – он во всем ... экстрим. И больше всего мне везло, почему-то, с самыми героическими и терпеливыми, но и самыми безответными нашими полевыми помощницами – лошадками. С них, кстати, трагически началась и наша осенняя «героическая» эпопея. В сентябре, когда резко похолодало, мы закончили наши маршрутные работы, и я, с вездеходом Алексея, отправил Надю с двумя лишними рабочими на базу Бегунова. Мы остались вчетвером – компанию нам, с буровиками, составил завхоз и хлебопек – Володя Перов. Его весной брали в поле, как каюра, но я его переквалифицировал в завхозы и лично научил печь хлеб, хотя сам этого никогда не умел. Как, говорится – нужда заставила! Я просто напряг все свои, не очень богатые теоретические познания и наблюдения из предыдущих сезонов. Но, результат стараниями Володи, превзошел все ожидания – за хлебом к нам даже соседи летали, как и за рыбой. С тех пор, он оставался у меня, уже полноправным завхозом, вплоть до 77-го года, когда, на том же Аачиме, реанимировал нашу первую совместную хлебную печку, сделанную из бочки, врытой в береговой обрыв нашего любимого озера. А, здесь, главной заботой нашего коллектива стали лошадки, которых тоже надо было вывозить. Корм для них у нас давно закончился, а не очень богатая на песке и летом зеленая травка быстро перемерзла и ушла под снег. Их надо было тоже выгонять к Бегунову и далее на Кэвеем, где была постоянная транспортная связь с Певеком и стационарная авиа-площадка. Но, у меня гнать их было некому, и я попросил Сергея прислать мне, для этой цели, Сашу Немтинова, которому предстояло вывозить и своих лошадей. И был потрясен, когда через несколько дней Саша, действительно, появился у нас на базе, но.... вместе со своей парой коняшек, да еще и с жеребенком!! На мое крайнее удивление, зачем лошадей на зиму загонять в самое труднодоступное и голодное место на побережье, Саша, а затем и Сергей Федорович, поведали, что так решили в

Певеке – с Аачима их удобнее вывозить вертолетами. Кто так «решил» в Певеке, я уже не спрашивал – все и так было ясно. И, вертолет, действительно, вскоре пришел, но только один Ми-4 и забрал кобылу с жеребенком, с которыми улетел и Немтинов. А мы остались уже с 3-мя лошадами, вместо двух. Больше судьбой лошадей за пределами нашей базы уже никто больше не интересовался. Они быстро доели со склада наши остатки круп и макарон и завхоз начал их подкармливать остатками муки. Муку, однако, они раздували дыханием и ходили у нас с седыми потешными мордами, обнюхивая и облизывая друг друга. Володя начал делать им из муки болтушку и они несколько дней ходили с нарощенными на морозе белыми бородами, как деды морозы. Но, потеха закончилась вместе с продуктами, оголодавшие замерзшие лошади начали уже грызть даже мороженую рыбу. И однажды ночью, наконец, просто, ушли в тундру судя по следам... в сторону покинутой базы Бегунова. И, когда в экспедиции, по приезде, Лев Константинович, вдруг, с ухмылкой, заметил, что я стал уже крупным специалистом по потере людей и, особенно, лошадей в тундре, мне, почему-то, ужасно захотелось «вмазать» ему по его круглой, вечно потной, физиономии прямо за его большим начальничьим столом. С трудом сдержался, лишь вышел из кабинета, хлопнув дверью. Но, отношения наши обоюдно окончательно определились. После ухода лошадей мы все почувствовали даже облегчение – ежедневно наблюдать муки голодных замерзающих животных, которым не можешь ничем помочь, было совершенно невыносимо. И мы, коллективом, прикинув наши резервы, решили в Певек не спешить, отбурить еще несколько опорных скважин. Тем более, что золотом нас полуостров пока не очень баловал, т.е. основную поставленную задачу – найти морское золото – мы, формально, не выполняли. С питанием и топливом у нас был, в принципе, порядок, да и резервный склад Ильи был всегда под рукой. После чего я и дал в Певек знаменитую РД с повышенными сообразительностями, рассчитывая на то, что предельно идеологизированный Хрузов уже просто не посмеет нам помешать. Но, опять ошибся. Где-то на просторах Северо-Востока случилось очередное полевое ЧП и из Магадана пришло указание срочно свернуть все полевые партии. Естественно, наше руководство отреагировало оперативно, организовав образцово-показательную спасательную операцию, с привлечением всех сил и средств, а наш объект оказался для этого наиболее эффективным. А, для нашей полной эвакуации, даже в случае отсутствия летной погоды, было вполне достаточно одних тракторных саней с двумя тракторами Кэвеевской ГРП, тем более, что их буровые бригады работали относительно неподалеку. На это я, кстати, и рассчитывал, когда давал свои «повышенные сообразительности». Но, за нами пришла огромная колонна – 3 Урала и 2 ЗИЛа-167 в сопровождении двух новейших тягачей ГТТ. Когда я увидел эту рычащую армаду на своей скромной базе, пришел в полное замешательство. Нам, практически, нечего было грузить в их объемные кузова. Командовал парадом Сергей Федорович Бегунов, а за состоянием матчасти следил сам главный механик экспедиции Тузниченко, лично сидевший за рычагами командирского ГТТ. Здесь и начинаются наши основные не стыковки с Сережей в воспоминаниях. И главная из них в том, что он описывает, как грузили в крытые утепленные машины, со станками, уже отсутствующих, лошадей. Оно и понятно – спасали-то, вроде, в первую очередь, именно лошадей, а без них, вся героическая эпопея превращалась в классический административно-хозяйственный идиотизм, столь свойственный той эпохе и нашему привычному российскому менталитету, к сожалению. Кстати, зная уже, совершенный нами автомаршрут, можно вполне представить, что бы мы могли довести до Певека вместо замороженных лошадей в «утепленных» кузовах. Но,

гостям мы, конечно, были рады. Даже охотник Илья прибежал на лыжах из своей теплой избушки посмотреть на скопление столь редкостной, в его заповедных местах, техники. После тяжелейшего перехода водителям, конечно же, требовался отдых, и мы предложили гостям пообедать и переночевать. Но, Бегунов категорически воспротивился – на экспедицию ему было выделено всего 3 дня, последний из которых, как раз, и подходил к концу. И он дал нам 1.5 часа на сворачивание базы, свертывание палаток и погрузку, с тем, чтобы еще днем, по свету, отправиться в обратный путь. Основным грузом у нас были многочисленные пробы, но и они, компактно уместились в один ГТТ. А грузовики, к радости водителей, остались, практически, налегке – полупустыми – кроме буровой установки у нас было только 3 палатки, да несколько спальных кукулей с личными вещами. Ну и рыба, конечно, которой нас снабдил Илья - на прокорм и полевые гостинцы. По окончании погрузки, Сергей даже не подошел ко мне, чтобы обсудить наш предстоящий путь - он только крикнул – «Ну, поехали!!» - вскочил в свой командирский вездеход и ринулся прочь. За ним потянулась и вся колонна. А я, напоследок, пройдясь по покинутой базе и оглядев, ставшие любимыми, окрестности, попрощался, с остающимся в одиночестве, Ильёй и сел в кабину последней оставшейся машины – ЗИЛа Валеры Айвазова. Невдалеке нас нетерпеливо ожидал замыкающий колонну ГТТ Олейника, груженный нашими пробами, с ним рядом в кабине сидел второй механик нашей автобазы Толик. И Айвазов резво газанул по уже накатанной колее. Красивое аачимское поле-71 для нас закончилось. Не знал я тогда, что всего через 5 лет вернусь на это место, но уже во главе своей мощнейшей колонны разнообразной техники, с большим и дружным коллективом, чтобы закончить начатое тогда дело!! Но, настоящие приключения наши, оказывается, только начинались. Уже через пару километров колея наша свернула, вдруг, влево вниз, на самый опасный, низкий зандровый берег, примыкающий к устью Пегтымеля. Я уже сверху, с основного берега увидел, как растянувшаяся колонна с ревом, взметая снежные вихри, преодолевает зандровые корыта. Почему Бегунов не пошел по ровной едомной террасе, стандартному пути, по которому неоднократно ездили и мы с Алексеем, да и коняшки наши ушли, неразумные, в сторону Кэвеема, так и осталось загадкой. Объяснение одно полное незнание тундры, даже в собственном районе. На аэрофото он принял зандры за обычные аласы, а они зимой самое безопасное место.

- Вы с ума сошли, не по адресу поинтересовался я у Валеры,

- в любой из этих луж ты и дверцу открыть не успеешь там бездонный морской ил, который и зимой крутой не замерзает!

- Сюда проехали, проедем и обратно, - беспечно отмахнулся Валера, не привыкать, чай, бывало и хуже главное, по газам!!

И мы пошли пересчитывать «ямки». Перед каждой из них Айвазов приостанавливался, а затем резко давал «по газам» - машина буквально слетала с одного борта и резко, взметая тучу снега, с жестким ударом по передним колесам, взметалась на противоположный. «Мосты порвешь!!» - только и вздыхал я, а мысль в голове крутилась другая, - какое же, все-таки, счастье, что в кузове нет лошадок в станках. Хотя, это была только присказка истинная сказка ждала нас еще впереди. И она себя не заставила долго ждать.

Добравшись, наконец, до коренного берега мы, с ревом, поползли по нему, поднимаясь наискосок в сторону долины Кэвеема. День незаметно перешел в ночь и, в свете фар, ярко била в глаза свежевспаханная снежная траншея, по которой мы ползли. Даже у меня, пассажира, было полное ощущение, что я, с огромным напряжением, тащу машину на себе. Потому я далеко не сразу заметил, что сзади пропал свет фар замыкающего

колонну вездехода. Остановив машину, мы с Айвазовым, с удивлением, оглядели темную вспаханную тундру позади и углядели лишь далеко внизу, в снежной пелене, слабый отблеск мигающих фар вездехода. Начали сигналить фарами, колонна встала и появился ГТТ Бегунова. Я заскочил к нему в кабину и мы ринулись вниз. По дороге я, наконец, поинтересовался, зачем он потащил колонну в самое гиблое место. Оказывается, маршрут был СОГЛАСОВАН и УТВЕРЖДЕН Хрузовым и Дворецким!

- Серёжа!!!! Но, ты ведь не по кабинету Юрия Михайловича машины-то ведешь, а по ТУНДРЕ!!!! - возопил я, Ладно, Хрузов дурак, никогда тундры не видал, но, ТЫ-то по ней уже сезон отболтался!! Да и я тут уж вторые сапоги донашиваю – можно было бы и посоветоваться, однако!! Летом, ведь приезжал к вам, рассказывал о наших гиблых местах!

- Ну, прошли, ведь! Надеюсь, и дальше все нормально будет, отвечив Бегунов миролюбиво.

- Да, не прошли, пока, а только начали проходить, похоже! – с горечью констатировал я. И, словно, в воду глядел.

Вездеход Олейника плавал в черной илистой жиже последнего, самого крупного зандра. Выбраться из него не позволяли отвесные метровые борта, в которые он, на плаву, упирался носом и бортами корпуса. Осенний морской лед выдержал колонну пустых грузовиков, а под весом груженого ГТТ не устоял. Постепенно к месту ЧП подтянулась и вся колонна и уже по лицу Айвазова было видно, как он, задним числом, переживает свой перелет «на газах» через эту «черную дыру». Ведь мы с ним были последними, удачно преодолевшими смертельную ловушку – опять судьба обернула у самой «красной черты». ЗИЛ-то не ГТТ - плавать не умеет! Но, в целом, ребята встретили случившееся даже весело – это была естественная реакция на нервное напряжение и миновавшую опасность. Смеялись и неудачливые «мореходы», сидя на крыше своего мирно урчащего «плавсредства». И даже небо вдруг «засмеялось» бегающими всполохами северного сияния. Я давно отметил, что у нас самые страшные события, почти всегда воспринимались, а уж тем более, вспоминались, больше, как комические. В моей личной практике, так было и со страшным и чувеемским пожаром-69 и с куэквиунским наводнением-70. А уж, мой памятный «нырок» в Куэквиунь летом 70-го, когда меня вылавливали из речки, подцепив за штаны, до сих пор без слез вспоминать не могу. Так, весело матерясь, ребята сначала дружно разгрузили тягач, чтобы он максимально всплыл, а потом, используя подручные средства, быстренько вынесли его из ловушки, едва не на руках. А мы с Бегуновым, между делом, попытались обсудить наш дальнейший маршрут. Я предложил ему выйти через устье Кэвеема на его левый плоский берег и идти по низкой террасе до Кэвеемской ГРП, используя тракторные дороги буровых бригад. Но, он не захотел уходить со своего, утвержденного и уже опробованного маршрута через г.Тампа, ссылаясь на то, что переправа через Кэвеем в низовьях, по неустоявшемуся льду, слишком опасна. Тем более, после уже случившегося неприятного инцидента. Я лишь внутренне пожал плечами – речной лед, все-таки, не чета морскому, да и Кэвеем, далеко не Волга, тем более, к зиме обмелевший. И мы снова полезли в гору. Но, и выйдя на водораздел, командир повел нас, почему-то, не по его плоской оси, а вдоль правого кэвеемского склона, изрезанного многочисленными мелкими ручьями. Летом они, практически, незаметны, но под глубоким снегом превращаются для машин в непреодолимые препятствия. Там где вездеход проходит, слегка покачиваясь, колесная машина зарывается в снег по лобовое стекло. И началась бесконечная мука вне времени и пространства, с ревом моторов, матюгами, опрокидываниями и

бесконечными взаимными буксировками взад-вперед. Здесь я, снова, не один раз вспомнил про наших лошадок, которых наши заботливые высоколобые начальники, хотели таким образом вывезти с полевых работ. Так мы проползли и по склону г.Тампа, но спускаться с нее в сторону Кэвеемской ГРП Бегунов, почему-то, опять не захотел, хотя в нашу сторону он шел именно этим путем. Мне он позже объяснил это слишком крутым и сложным спуском с горы в долину реки – решил поискать склон поположе. И нам пришлось кувыряться еще добрый десяток километров, прежде чем такой склон был найден почти в долине р.Гэсмыткун. А на противоположном дальнем перевале разгляделась, наконец, и вождеденная местная приисковая автотрасса. Оставалось только перебраться через Кэвеем и подняться на перевал. Заканчивался уже второй день нашей веселой бесконечной дороги. А водители наши не спали уже более 3 суток – после краткого отдыха на Кэвееме перед броском на Аачим, ночевку на нашей базе им исполнительный Бегунов запретил. Но, мы, в принципе, в поле и привыкли работать сутками, так что об отдыхе забывали часто, однако..... силы все же были не беспредельны и, главное, предельное нервное истощение сказывалось. Оно-то и сыграло с нами злую шутку, практически, на финише нашего героического маршрута. И, точно такую же, как со мной на Куэквуне, когда я, на последнем шаге, ковырнулся, вдруг головой в реку и едва не утонул. И тут была река. Правда, не такая широченная, как Куэквунь, а всего одно русло между аккуратными 2.5-метровыми террасами. ГТТ проверили лед и встали, для страховки, по разным берегам. Машины, одна за другой, аккуратно разворачивались перед переправой и, резко газанув, проскакивали несколько десятков метров по заснеженному льду на противоположную сторону. Уже смеркалось и вездеход Бегунова, мигнув фарами, отправился тропить дорогу на перевал, к трассе. Ему показалось, что переправа прошла успешно. За ним устремился и тягач Олейника, который весь путь замыкал нашу колонну. Впереди нас аккуратно, как всегда, развернулся и переправился Урал Миши Поклонова. И мой, давно уж нетерпеливо ерзающий, Валера, наконец, тоже газанул, но не стал перед спуском разворачиваться, как все предшественники, а слетел в речку лихо, с разворота, и, естественно, его на льду начало заносить. В результате, на последнем метре перед берегом, мы слетели с колеи и жестко врезались в заснеженный борт террасы. В кабине стало абсолютно темно – нас с крышей засыпало снегом. Но, двигатель, по-прежнему, урчал, мы были целы и Валера, тихо матюкнувшись, включив заднюю передачу, начал выбираться из сугроба. Машина, взревев, задергалась, однако с места не сдвинулась. Лишь снег с кабины начал постепенно оседать, открывая слабый свет в окнах. И тут я увидел за боковым стеклом.... наше переднее колесо! Удар был, оказывается, настолько силен, что его вырвало из ступицы и забросило к нам на крышу кабины. «Ну, значит, приехали!» - сказал Айвазов неожиданно спокойно и почти моментально заснул. Разбудили нас, начав откапывать, уже при свете фар и факелов, вернувшейся колонны. Мы, действительно, остались без правого переднего колеса, но наших механиков это ничуть не обескуражило. Даже, наоборот, казалось, обрадовало – настал, наконец, и их час. В их профессиональную компанию немедленно влился и наш Юра Назин. Причем, настолько удачно и эффективно, что Тузниченко, по возвращению из этого сумасшедшего рейса, сразу же зачислил его в штат автомехаников нашей автобазы. При нем же слесарем пристроился и его верный паж - Петя Платоненко. И у меня перестала болеть голова с их трудоустройством на зиму. Колесо наше, каким-то образом, достаточно быстро прикрутили на место, но переднего ведущего моста ЗИЛ, все-таки, лишился. И дальше, до перевала, мы уже вынуждены были идти на

буксире за Уралом Миши Поклонова. К утру выбрались на трассу и Айвазов вновь обрел свободу передвижения. Но, люди были настолько измотаны, что у первого же поселка колонна встала и все заснуло мертвым сном. В Певек мы въехали к вечеру. С оркестром нас, естественно, никто не встречал. Самым обыденным образом, разгрузились на складах и отправились на автобазу на ремонт и недельный отдых – экспедиция, в результате, чисто формального и совершенно непрофессионального руководства, едва не на месяц лишилась автопарка. Что я, в принципе, и высказал Льву Константиновичу утром, в экспедиции. И это, как я уже упоминал, едва не закончилось мордобоем. Больше всего, меня вывело из себя упоминание о наших многострадальных лошадках и циничное обвинение в их гибели именно меня. В результате, единственным положительным моментом нашей героической спасательной операции можно считать, на мой взгляд, лишь то, что от полевых работ, после неё, был освобожден Сергей Федорович Бегунов, перейдя, в основном, на музейно-просветительскую работу. На наших отношениях, впрочем, это никак не отразилось, и мы оставались с Сережей хорошими друзьями до самой его безвременной кончины. Просто, он был слишком аккуратным и исполнительным человеком, а тундра формализма не терпит! Ну, а главное, у меня окончательно развеялся всякий пиетет перед любым начальством – я стал, наконец, совершенно, самостоятельным человеком и специалистом, полностью ответственным за свои дела и поступки и самостоятельно определяющим, что хорошо, а что плохо. Это почувствовал и Хрузов, более уже никогда не позволявший себе открытой со мной конфронтации – я уже мог за себя активно постоять!! По-иному мы встретились с В.П.Полэ. Я был смущен скромностью наших результатов, а он их встретил весьма воодушевленно. Больше всего ему понравились результаты нашего опытного бурения. И он настоятельно порекомендовал мне их опубликовать. Так появилась моя первая научная публикация в журнале «Колыма» об опыте применения УПБ-25 при поисках россыпей. Но, вместе с тем, мы сошлись во мнении, что низовья Пегтымеля надо обследовать шире и, главное, глубже, именно на древние погребенные россыпи золота. Так, в принципе, и родилась идея комплексного геолого-геофизического исследования приморских низменностей Чукотки, дополнительный толчок к которым добавили совершенно случайные открытия на Рывееме и Чаанае, следовавшие одно за другим. И реализовать эту идею мне довелось, практически, в течение последующих 10, с лишним, лет. На ней и диссертацию кандидатскую защитил. И окончательно, забыв об олове и ртути, стал профессиональным золотарем. Рубежный сезон, действительно, наконец, закончился. Уехали в отпуск и, как оказалось, с последующим увольнением, мои ближайшие друзья Тимохины. И я, вдруг, почувствовал себя ужасно одиноким. Непреодолимо потянуло к жене и маленькой дочке, хотя отпуск мне еще не был положен. Но, Лев Константинович мне его с готовностью предоставил, как бы подчеркнув, тем самым, мой новый обретенный статус. И, сразу после нового года, добравшись до родного Кораблино, я, наконец, увидел свое, уже почти полугодовалое, чудо, пускающее пузыри и до ушей улыбающееся. Рядом постоянно крутилась такая же беленькая 5-летняя племяшка Танюшка, старательно помогающая «маме Клаве» ублажать и развлекать младшую сестренку даже пеленки её стирая с завидным усердием. Но, домашняя идиллия длилась недолго надо было возвращаться в Певек. Всем семейством мы переехали в Москву, где в соседнем доме жило такое же молодое семейство моего двоюродного брата Николая. И у него тоже родился сын, лишь на месяц моложе моей дочери. С ними я и оставил своих женщин, надеясь не далее, чем через месяц, встретить их в Певеке. Но, Клава прилетела одна –

в последний момент сестра Тоня, мать Танюшки, приехала в Москву, убедила её, не везти ребенка на ужасную далекую ледяную Чукотку и забрала Свету к себе, в Куйбышев! Лучше бы она этого не делала – для матери расстаться с грудным ребенком – мука смертная. Рядом с ней за пару месяцев и я исстрадался, хотя и был занят работой выше головы. Закончилось все, как и большинство наших тогдашних трагедий, достаточно комически. Чтобы её хоть как то порадовать, я, перед отъездом в поле, решил купить стиральную машину – дефицит, только что появившийся в магазине. Круглая примитивная «стиралка» стоила 110 руб – таких денег у меня в наличии не было, пришлось занять у Журавлевых. Покупка жёну, действительно, обрадовала, но совсем не по прямому своему назначению. Она, помогла ей принять, наконец, окончательное решение – на следующий же день она продала машину соседке, Томочке Шапоровой, за 100 руб, собрала все наши наличные деньги, получила расчет во вневедомственной охране и срочно улетела в Куйбышев, к дочери. Вернулись они уже вдвоем, летом, когда я был в поле, и у нас началась уже новая, по-настоящему, семейная жизнь. А, стиральную машину мы больше никогда не покупали – жена, даже в больших должностях, стирала все, исключительно руками! И я, помнится, шутил в экспедиции, при случае, что у меня дома лучшая стиральная машина-автомат в мире – это МОЯ ЖЕНА! А, мне было психологически легче – был занят на работе выше головы. Поддержка Владимира Петровича Полэ поднимала мой тонус, и я отрисовал очень красивую отчетную карту п-ова Аачим, используя, только что составленную и утвержденную в ЦНИГРИ, официальную легенду для геоморфологических карт Минко, Синюгиной, Тереховой. Позже, с каждой из этих милых женщин мне пришлось достаточно близко познакомиться и даже поработать вместе. А, Ольга Олеговна Минко оказалась еще и ближайшей моей соседкой в новом московском районе, в новые, уже постсоветские московские времена! Посмотреть на мою работу прилетели даже сотрудники ВНИИМоргео и остались настолько довольны, что тут же начали официально приглашать меня на работу в Ригу, научным сотрудником в их институт. Я был польщен, но, почти не колеблясь, отказался, мотивируя, что я – москвич и с Ригой меня ничего не связывает, к тому же, уже поработал на экспедиционных судах и в море, к сожалению, меня больше не тянет. На том, с взаимным сожалением, и расстались – меня ожидала, на мой взгляд, значительно более интересная и продуктивная работа, чем беглое обследование неизвестных морских берегов.

Кууль-Иннукай – 72-74 гг.

После Аачима, меня неофициально зачислили в «геоморфологи», что сразу сказалось на несколько высокомерно-снисходительном отношении геологов, к коим до этого и я относился, с полным правом. И меня, в первое время, это даже задевало, но потом я понял, что у меня, наоборот, только расширился и кругозор и методическая база исследований. Высоколобые съемщики, за камнями, нередко не замечают очевидного, лежащего на поверхности. Я с этим столкнулся еще на Пельвунтыкой-нене, с Депармами, когда выявил неведомые ранее высокие древние уровни морен и террас. К тому же, я заканчивал геолфак МГУ по кафедре динамической геологии, т.е. специализировался на движениях земной коры – тектонике, и одним из основных у нас был курс структурной геоморфологии Н.П.Костенко. К этому курсу, помнится, и мы относились весьма снисходительно, как к необходимой нагрузке, о чем я и очень пожалел уже в следующем полевом сезоне, на Кууль-Иннукае. Пришлось даже обращаться за консультациями к самой Наталье Петровне в Москву.

Это, позже вылилось и в заочную аспирантуру, под её руководством, а затем и в кандидатскую диссертацию. Детальное обследование правобережья низовьев Пегтымеля, включая тот самый «страшный» мыс Биллингса, коим меня начали пугать еще в Магадане, по дороге на Чукотку, было первым этапом нашего, с Полэ, плана по освоению приморских низменностей. Средне-масштабной съемкой эту территорию покрывал сам Владимир Петрович еще в середине 50-х. Он и подсказал приоритетные направления при обследовании – возможная древняя долина Пегтымеля и активный морской вдоль береговой снос с Пыркатагынского гранитоидного массива. Для этого, я в проекте, в дополнение к стандартному набору маршрутных, опробовательских и шурфовочных работ, предусмотрел проведение ВЭЗов по нескольким профилям через долину р. Кууль-Иннукай и бурение УПБ-25 в пляжной зоне Пыркатагына. Но.... гладко было на бумаге! За общей творческой эйфорией и домашними семейными проблемами, я совершенно упустил организацию партии и, соответственно, создание своего единого полевого коллектива. Отчасти потому, что начальником партии был назначен Лева Мазенин, с которым мы, всего годом раньше, вместе прошли суровый Куэквунь. Но, в дело вновь вмешалась женщина – геологом партии была назначена Ольга Константиновна Токмакова (Габбасова) и Лева стал.... послушным Лёвиком! А работа – приятным пикником на природе. И первое, что я увидел, прилетев, наконец, на шикарную нашу базу в живописной долине Кусьвеема ярким июньским днем – шикарная женщина в открытом купальнике, красиво гарцующая на лошадке. И сразу возникла открытая конфронтация – я был старшим геологом, ответственным исполнителем работ, но начальником партии, а соответственно, и моим непосредственным начальником был Мазенин, а в поле начальник отвечает за все – он царь и бог. А суть конфликта была проста и, для нас, уже традиционна – они, с Ольгой, числили себя настоящими геологами и ковыряться в «грязи», к коей относили всю «четвертичную рыхлятину», считали ниже собственного достоинства. Соответственно, и бродить по бескрайней Кууль-Иннукайской тундре были, в принципе, не намерены, ограничившись лишь симпатичными сопками в долине р.Кусьвеем. А «закрытые» площади, по их мнению, надо было, традиционно, просто разбуривать по «методу дикой кошки» - где-нибудь да повезет! И главным аргументом в пользу этого были открытия, в том числе и уникальные, типа Рывеема. Аналогичный конфликт возник у нас, как раз, и в предшествующем сезоне – между Бегуновым и Тимохиным. Тоже, старший геолог ковырялся в рыхляке речки Извилистая и ручья Якорь, а начальник партии лишь гулял со студентками по склонам г.Тампа. В результате, Тимохин из экспедиции уволился, а Бегунов героически «спасал» мой Береговой отряд самым сложным и непотребным тундровым маршрутом. Характерно, что и главный наш официальный геоморфолог, Виктор Васильевич Красков, придерживался, в основном, того же мнения и даже в своих воспоминаниях особо отмечает, что в тундре ему, как профессионалу, делать было, практически, нечего, поэтому, он, большей частью, только гонял по ней гусей и стрелял зайцев. Так он много лет прослеживал на Чаунской низменности некую предполагаемую Нейтлин-Наглейненскую рудную зону, в пределах которой, сам собой, вдруг, открылся знаменитый Чаанай. На одной из бесконечных буровых линий, длиной более 40 км, протянутых через всю низменность, одна из скважин попала, вдруг, в самое ядрышко древней погребенной россыпи. И началась чаанайская эйфория, с организацией Чаанайской ГРП и лихорадочным разбуриванием всех окрестностей одноименных холмов. Все это было на радость и нашему экспедиционному геолотделу, лихо и без особых затей с

лишними перевозками, перевыполняющими план по поисковому бурению. И сказывалось только на себестоимости разведанного и, соответственно, и добытого золота, о которой говорили регулярно на закрытых совещаниях разных уровней. Оказывается, мы добывали золото втрое дороже его реальной стоимости на рынке – по 28 руб/г, при среднемировой стандартной цене – 10! Выручили меня опять студенты-практиканты, которых я привез с собой. И с ними мне опять повезло. И, прежде всего, вновь, с дипломником из Одесского университета Володей, тезкой и близко знакомым моего первого куэквиульского студента-одессита, по совету которого и приехал на Чукотку, едва не персонально, под мое руководство. Парень оказался очень толковым, энергичным и рукастым – и одинаково споро и качественно работал и ногами и молотком, и лотком, и лопатой, и, даже, фотоаппаратом, подлавливая в объектив различную тундровую живность. Второй была чудная, немного стеснительная, девочка-татарочка Танзиля Рахмановна (Танечка) – дипломница из Казанского университета, землячка Краскова, по его вызову и приехавшая. Она должна была работать с Ольгой, но та лишь прогуливалась в окрестностях базы на пару с Левой Мазениным и студентка оказалась.... бесхозной - её тоже отдали мне в помощь. Ну, и со мной была моя проверенная буровая команда Назина и Платоненко. Их, с парой рабочих и студентом Володей, я сразу же отправил вертолетом строить стационарную подбазу на закрытом морском берегу, западнее мыса Биллинга, где намечал пробурить серию линий поперек пляжа. А, в долину Кууль-Иннукай приехала бригада геофизиков для проведения ВЭЗов по поперечным профилям, под руководством Бори Грушина. Их я уже контролировал лично, поскольку в состав партии они официально не входили. Возникла и еще одна проблема и опять с лошадками. Их у нас снова было две и, опять, с жеребенком. Но, они были заняты, в основном, на шурфовке, а мне, практически в одиночку, предстояло обследовать огромную территорию. Поэтому я решил для перебазировок использовать надувную лодку. Предстояло длинным рекогносцировочным маршрутом пересечь всю нашу территорию от Кусьвеема, через Кууль-Иннукай, до нашего бурового участка на побережье. Идти предстояло с Танюшкой, с которой я и прошел вначале пару ознакомительных маршрутов по правому борту основной долины Кусьвеема и его водоразделу с Кууль-Иннукаем. Девочка оказалась чудная, умненькая и вполне самостоятельная – на неё можно было положиться. И настоящее испытание всех её полевых и человеческих качеств, как по заказу, не заставило себя долго ждать. Перед «главным» маршрутом, я попросил Мазенина, лошадьми выставить мне начальную под-базу в истоках одного из правых притоков р.Кууль-Иннукай. По нему с помощью лодки я мог спуститься в основную долину и устье реки. Дальше я надеялся на помощь моего старого знакомого - совхозного зоотехника и вездеходчика Алексея, с которым надеялся обязательно пересечься на маршруте. Место намеченной под-базы я выставил Мазенину на карте, а ребятам-каюрам попытался объяснить визуально, на местности. И, через пару дней мы отправились к намеченной точке обычным рабочим маршрутом, но палатки на месте не обнаружили. Я был обескуражен – в конце рабочего дня, после достаточно сложного маршрута, оказаться среди голой тундры в 15 км от базы – не очень приятно. И, прежде всего, меня, конечно, волновала студентка – я-то один уже мог бы и под кочкой переспать. Но, Танечка быстро успокоила и обрадовала меня своим бодрим видом.

- Ну, где-то ж она должна быть, раз они её выставили, – резонно заметила она, просто поискать надо! И палатка, все же, не иголка – её в тундре издалека видно.

- Если, только, они её в какой-нибудь врез не засунули, - буркнул я, затылок почесывая, - тогда её, разве что, с воздуха разглядишь, однако!

И мы пошли последовательно обследовать долинки притоков Кууль-Иннукая вверх по его течению, благо северный склон водораздела ярко освещался ночным полярным солнцем. Но, к утру моя спутница окончательно вымоталась, и я, выбрав место позеленее и помягче, уложил её немного подремать, обняв и прикрыв курткой. Она, как ребенок, доверчиво прижавшись ко мне, сразу уснула, а мне было совсем не до сна – надо было решать, что делать дальше и понять – куда, все-таки, делась наша палатка?!

Между тем, солнышко переместилось на восток и, наконец, ярко осветило всю широченную долину Кууль-Иннукая. И я, вдруг, как в кино или в мираже, отчетливо увидел далеко внизу белую палатку! Я, невольно, поднялся и протер глаза, не веря им – но, палатка действительно стояла на берегу реки, километрах в 5 от нас. То же радостно подтвердила и, мигом проснувшись, Танзиля.

- Черт вас туда занес! – выругался я, - Заставь дураков Богу молиться!! Но, вместе с тем, с облегчением в душе, мы бодренько отправились в сторону палатки. Однако, уже на подходе к ней, встретили, вдруг, геофизиков Грушина и Долгорукого, которые разбивали первый опорный профиль под ВЭЗы поперек долины Кууль-Иннукая. Оказывается, они прилете-ли лишь накануне, но, пока обустроивались, наших лошадей в тундре не видели. И, нам не оставалось ничего другого, как воспользоваться лишь гостеприимством сотоварищей и, хотя бы, немного отдохнуть и подкрепиться перед, теперь уже неизбежным, возвращением на свою основную базу, до которой было уже не менее 25 км. И в палатке геофизиков, быстренько напившись чаю и подкрепившись первыми попавшимися банками – мы снова упали спать, обнявшись, на мягких кукулях. И это, взаимно, воспринималось уже вполне естественно, пережитая ситуация максимально нас сблизила. Но, вернувшиеся вскоре с работы геофизики, быстро нарушили нашу идиллию и мы, под сочувственные возгласы коллег, после прощального чаепития, отправились в дальний унылый путь домой. И первое же, что она мне сказала, едва мы отошли от палатки геофизиков, впервые, неожиданно, обратившись ко мне на «ты»:

- Спасибо, что меня не тронул, - и, стыдливо, уткнулась лицом мне в плечо, а, то я бы больше уже никуда не смогла идти!! И я лишь нежно, как ребенка, поцеловал её между глаз. А путь наш еще не закончился и, как всегда, при переутомлении становился только труднее – все кочки и буераки, совершенно незаметные в обычном состоянии, для нас превращались уже в полосу сплошных препятствий, кои надо было героически преодолевать. И, когда мы, наконец, увидели за рекой наши родные палатки, даже у меня ноги в бедрах переклинило – хоть руками их переставляй, а Танечка уже реально не держалась на ногах. Но, самое веселое, оказывается, нас еще ожидало впереди. С трудом добредя, наконец, до базы и уложив девчонку спать в её палатке, я не успел даже снять сапог, чтобы тоже вытянуть ноги, как услышал гул приближающегося вертолета. Наши летуны-вертолетчики любили летом летать по нашим полевым точкам, именно, в ночное время суток, как сами говорили – «на свободную охоту»! И нам это оказалось, как нельзя, кстати. Я забыл и об усталости, и даже о великом желании поругаться с выскочившим спросонья Мазениным, а быстро договорился с экипажем о поиске нашей исчезнувшей палатки. Оставалось только решить, что делать с обессиленной студенткой. Разумным представлялось дать ей отлежаться. Но, Танечка, едва не со слезами на глазах, попросила взять её с собой. Пришлось буквально на руках, вместе с одеялом, нести её в вертолет.

Нашли палатку с трудом даже с вертолета – она, на самом деле, была поставлена в русловом врезе у истоков самого Кууль-Иннукая, минимум в 20 км от места, где мы её искали. Ребята-вертолетчики помогли её быстро разобрать и загрузить на борт. И мы, наконец, оказались на своей возжеленной точке со своей палаткой. Я быстро её поставил и Таня пыталась мне при этом помогать, едва не ползком – у неё, практически, отказали ноги. Два следующих дня я работал один, её не трогал. А, на третий, нам уже потребовалась перебазировка, благо и подруга моя полностью восстановилась. Но, намеченная мной, перебазировка с помощью надувной лодки оказалась весьма трудно выполнимой – узкое четковидное русло ручья оказалось для лодки почти непроходимым и её пришлось, практически, нести на руках. И спустившись лишь на пару километров, нам пришлось остановиться. А, дальше, я решил вновь идти на базу, чтобы помыться и привести себя в порядок, после всех предшествующих треволнений и перед долгим реальным маршрутом, и забрать у Мазенина лошадей, поскольку шурфовка должна была уже закончиться, а прогуливаться по тундре с Ольгой они могли и непосредственно с базы. Мазенин, действительно отдал нам лошадей, вопреки сожалениям Ольги, привыкшей к конным прогулкам. Даже седло кавалерийское получили и, уже, с полным комфортом, отправились, наконец, в свой великий поход к Северному океану. Благо, и Танечка оказалась вполне привычна к лошадям. Цены ей, все-таки, не было в поле – редкостных качеств оказалась девчонка. И мы пошли с ней параллельными маршрутами, в пределах прямой видимости. Благо, под ногами у нас была, в основном, родная гэсмыткунская песчано-сланцевая толща пермо-триаса, прямая родственница знаменитой крымской таврической свиты, по которой мы бродили еще на первой учебной практике. Сложнее стало, когда приблизились к гранитам – здесь уже иногда приходилось разбираться общими усилиями. По дороге, мы вновь навестили геофизиков и узнали, что мощность рыхлых отложений в долине Кууль-Иннукая, по предварительным данным, местами превышает 100 м. Состав и возраст этих отложений еще предстояло выяснить. Дошли мы и до Биллингса, но в поселок так и не попали, не сумев переправиться через лагуну – лодку-то оставили в тундре. И через 2 недели непрерывного маршрута мы уже подходили к нашему буровому участку. Но, за пару километров до него натолкнулись, вдруг, на пустую охотничью избушку, как и положено на севере, с необходимыми припасами и печкой заполненной дровами с растопкой. И не удержались, остановились на последний ночлег и устроили себе незабываемый романтический «ужин при свечах», с треском сухих поленьев в печке.

На участке нас встретили бурно-радостно. Под присмотром энергично-делового Юры Назина, работа шла полным ходом, и во всем был полный порядок. Ребята завели себе даже большого серого кота Мурзика, которого им привез старый наш знакомый Алексей с Биллингса. И, по случаю нашего прихода, они устроили настоящую полевую тундровую баню. На прибрежной гальке развели большой костер из плавника, затем раскаленные камни застелили кедровым стлаником и сверху поставили палатку – получилась шикарная парная, из которой можно было нырять сразу в Ледовитый океан. Даже Танечка, хоть и стеснялась мужиков, не удержалась от невиданной полярной экзотики. Впрочем, тундра, как и степь, вообще, несовместны со стеснительностью, - на то они, с одной стороны, хоть и «дикие», но, с другой, всегда - «открытые». Это мне объяснила еще Татьяна Владимировна Шутова в Казахстане, на первой же моей производственной практике – в степи человек всегда и сразу, виден, как на ладони. В тундре – тем более!

В обратный путь к базе партии мы отправились через несколько дней уже с Володей, более детально опробуя, в два лотка, уже, в основном, рыхлые отложения. А, Танзиля Рахмановна, как и намечалось, осталась командовать буровым участком и документировать скважины. Так быстро закончилось интересное и, достаточно продуктивное, лето, единственным недостатком которого явился изначальный внутренний конфликт в партии, который, к осени, только усугубился. А осень началась уже с начала сентября и сразу резким похолоданием. Утром, открыв дверь палатки, я шарахнулся обратно от, кинувшихся ко мне, двух лохматых заиндевелых чудищ! Лошадки на морозе за ночь обросли длиннейшей шерстью и стали, совершенно, неузнаваемы. Мазенин начал интенсивно сворачивать базу. Первой домой улетела Ольга Константиновна, забрав с собой и студента Володю. Таня, же, категорически, отказалась улетать и, демонстративно, переселилась ко мне в палатку, сославшись на холод моя, командирская, утепленная, была, естественно, более жизнестойка и уютна в холода, чем её временка. И это окончательно разделило базу на два разобщенных лагеря начальник не мог мне простить, что я обошелся в течение сезона одними студентами и, практически, проигнорировал их, с Ольгой геологическое ядро партии. А, Танечка стала мне интенсивно помогать в предварительной обработке собранных материалов и составлении полевой карты, копируя её каждый день готовыми кусочками. Оказывается, она обещала Володе переслать ему в Одессу копию карты для защиты диплома. С последним «кусочком» она, наконец, и улетела тоже, под настойчивым прессингом начальства. Следом улетел и сам начальник! И мы, неожиданно, оказались на разоренной базе, втроем, с моей проверенной буровой бригадой – Назиным и Платоненко. Мазенин обещал вывезти нас ... «через полчаса», но они растянулись... на 8 бесконечных дней! Оказывается, прилетев в Певек, он, на радостях, просто, «забыл» отправить за нами вертолет. Ему напомнили об этом уже в экспедиции, в спецчасти, когда он там появился с докладом о возвращении с полевых работ. Все «спец-материалы»-то, как и положено, остались со мной. А, мы, к вечеру, не дождавшись борта, поставили маршрутную палатку, к утру нас накрыло непогодой, и мы вспомнили старый, еще дальстрояевский, гимн полевикув-тундровиков – «Холодно.... Голодно.... Нет вокруг стен...»! Из продуктов у нас было только 12 банок «кильки в томате», но, главное, совсем не было курева. Главное, у нас совсем не было связи – оставалось только ждать.... погоды и вертолета, а это, как известно, самое мучительное. Но, и нравоучительное. Поэтому, по прибытии в Певек, я не стал выяснять с Мазениным отношений... с мордобоем, как это было с Иваном Депармой в 69-м, а, сразу же, написал рапорт на имя начальника экспедиции. Это было первое и самое обширное моё кляузное творение в жизни – 6 страниц машинописного текста, – в котором я требовал снять с меня ответственное исполнение по проекту, под руководством Мазенина. Я ожидал скандального разбирательства, но все решилось, неожиданно, быстро и легко и даже без моего участия. На следующий же день, приказом Лаптабега, Мазенин был с должности начальника партии снят, а на его место назначен Геннадий Григорьевич Загородний. Тем самым, по иронии судьбы, через 3 года, был восстановлен «статус-кво» 68-69-го года, порушенном Депармами – мы с Генной вновь оказались «в спарке», но уже в полномесном официальном статусе. Более того, теперь уже я определял, что и как нужно делать, а он лишь обеспечивал организационно-хозяйственное и административное прикрытие. Благо, геологом он был, хоть и достаточно грамотным, но скорее исполнительным, чем инициативным, чем-то напоминая этим Сережу Бегунова. Нас, наверное, для того и свели вместе – инициативы у меня было с избытком, а вот исполнительности, по мнению начальства,

явно не хватало. Но, мне это было очень удобно – я делал – он официально отвечал. В принципе, это была первая самодельная «крыша»! Так же благополучно, и, вроде бы, само собой, все организовалось у меня и в семье. Жена, к осени, вернулась в Певек с дочкой, и даже, к моему приезду, успела понравиться Первому комсомольскому секретарю Славе Агафонову и стать завсектором учета РК ВЛКСМ. Как она шутила – начала карьеру заново – именно с этой должности, в родном Кораблино, её и направили, в свое время, на учебу в Горьковскую ВПШ. А дочку, вполне уже самостоятельную девушку, которой пошел второй год, она пристроила к няне, милой пожилой женщине с двумя внуками, живущей на Пугачева через дорогу. Там она, сразу же, стала достаточно бойко болтать, но..., увидев меня, после финишного полевого сидения грязного, черного, лохматого и, главное, злого с перепугу, замолчала, едва не на полгода! И лишь, к весне, когда я нес её утром в садик, в стройном ряду, таких-же, наших папаш «несунов» с Полевиков, она, вдруг, увидев собаку, громко завопила мне прямо в ухо – «Ой, папа.., папа!! Бачка... бачка...бачка!!!» Я, едва не выронил её, от неожиданности и изумления!! Она сама, похоже, себе крайне удивилась, но больше уже рот никогда у нас не закрывала! К весне же, нам, наконец, дали и большую комнату на 2-м этаже 3-го, «мемориального», дома на Полевиков, в котором жил еще сам Олег Куваев. Соседкой нашей, в маленькой комнате, стала скромная и незаметная евреечка-геолог из Биробиджана - Роза Козак. Но, главным достоинством квартиры был телефон, редкостное чудо в тогдашнем Певеке, оставшийся от прежнего хозяина – генеральского дежурного водителя. Правда, Б.И.Белан меня сразу же предупредил, при вселении, что телефон экспедиционный, мне по рангу не положен, потому его у нас снимут, о чем я и сообщил вечером жене. Мне телефон, действительно, в Певеке был не нужен. Но, Клавдия Гавриловна вращалась уже в иных сферах, и телефон был одним из её рабочих инструментов. Потому он на следующий же день, с помощью Агафонова, был перерегистрирован на Райком, к вящему неудовольствию Бориса Илларионовича.

- Ну, шустряки!! Ну, прохвосты!!! – возмущался он, размахивая руками, как Волк из мультфильма - Ну, Казаринов, погоди!!

- Я-то тут причем?! – оправдывался я весело, - Все претензии в Райком, к Агафонову!!

Так и остался наш памятный красивый номер – 23-69 – за мной до самого отъезда в Москву в 87-м году. На нем и дочь, уже в 2 года, цифры начала понимать и крутить, постоянно названивая матери на работу. И я, помнится, на вопрос – «Это квартира Дорофеевых?» - важно отвечал – «Нет, - это другая квартира!!» Квартира-то, действительно, была – Казариновых! И это был первый случай, когда я пользовался преимуществами общественно-политического положения своей жены. И, едва ли, не последний, кстати. А, в целом, это был, наверное, самый приятный и спокойный период в моей жизни я впервые реально имел свои настоящие дом и семью. На работе, с приходом Загороднего, мы четко распределили обязанности и никаких реальных рабочих проблем у нас больше не возникало. Он занялся стратиграфией, магматизмом и коренными источниками, а я полез в дебри структурной геоморфологии, неотектоники и формирования россыпей. И, с огромным удовольствием, занялся своими домашними и семейными делами.

Прежде всего, конечно, у нас появилась, наконец, какая-то цивилизованная домашняя мебель, в том числе, и мой первый персональный письменный стол. Ребята, под руководством вездесущего Юры Назина, соорудили мне в мехмастерских из буровых штанг и древоплиты шикарный книжный стеллаж во всю стену комнаты.

Благо, книгами я, традиционно, оброс очень быстро. А самую верхнюю полку стеллажа, под самым, 3,5 метровым, потолком, жена тут же приспособила для хранения своих потаенных вещей и секретов. Главным образом, конечно, от излишне любознательной дочери. И, вскоре же, мы едва не поплатились за это. Однажды вечером, занимаясь приготовлением ужина на кухне, мы вдруг услышали из комнаты глухой шлепок и громкий рев дочери. А из открытой двери в комнату вырвались густые клубы желтого дыма. Кинувшись в желтый вонючий туман, я, на-ощупь, нашел и вытащил орущее создание на чистый воздух. Виной всему оказалась большая красивая блестящая фирменная плошка французской пудры, кем-то подаренная жене еще на свадьбу и хранимая ею, как величайшее свое женское сокровище. И, 2-летняя дочь, как истинный наследственный верхолаз, забралась по стеллажу на 3-х метровую высоту, цапнула блестящую игрушку рукой и, вместе с ней, естественно, слетела на пол, благо, застеленный новеньким пушистым ковром. Больше французской пудры у жены уже не было, а вся квартира, мебель и, особенно, ковер ароматно пахли потом еще многие годы, даже на новой нашей квартире. По каверзной иронии судьбы, иначе не назовешь, буквально, одновременно с нашим мелким семейным трагикомическим происшествием, аналогичное, но более общественно-значимое, произошло и в доме напротив, в котором, так же, на втором этаже, проживало, «дружествен-ное» мне, семейство Депарма. Они занимали квартиру с наветренной, «южачной» стороны и, соответственно, постоянно страдали, от перемерзания основной фекальной трубы в туалете. Регулярная чистка этих труб зимой, особенно на «южачной» стороне домов, была одной из самых неприятных и навязчивых процедур на Полевиках. Наши, подветренные, туалеты, «южаки» заносили сугробами и они перемерзали реже. И, однажды, импульсивный Иван Владимирович, которому надоело регулярно ковыряться в своей выгребной яме, решил прочистить свою, заполненную нечистотами, трубу сверху, прямо из кварти-ры. Для этого он взял 2-х-пудовую гирию и сбросил её в трубу со второго этажа. Результат превзошел все его ожидания – все, накопленное в трубе, дерьмо оказалось на нем и, естественно, в квартире. Да и весь дом потом еще долго приходилось обходить стороной. С туалетным сугробом, уже с нашей, подветренной, стороны очередной трагикомический казус той же весной случился и у нас и опять с дочерью. Ярким весенним днем мы вышли с ней на прогулку. И она, вдруг, увидела, оставшуюся дома, мать в кухонном окне второго этажа, к которому поднимался крутой подтаивающий сугроб. Я не успел даже среагировать, как она, будто мартышка, мигом оказалась у самого окошка. Мы, с матерью, заволновались, но Светка, победно вознеся руки к небесам, ринулась, вдруг вниз бегом. И, естественно, уже на втором шагу споткнулась о торчащие из сугроба сосульки и покатила по ним кубарем, прямо к моим ногам, где я её и поймал в охапку. Мать в окне, в ужасе, схватилась за голову. Ужаснулся и я, когда заглянул в лицо своей дочери – это была сплошная кровавая маска, из которой торчал только белый, каким то чудом, совершенно невредимый нос. Прогулку, естественно, пришлось прекратить, меня дома ожидал громкий скандал, во время которого только наше пострадавшее чадо сохраняло, поистине, философское спокойствие, стоически перенося малоприятную процедуру обработки своих многочисленных ран.

Вообще, на примере своей дочери, я вдруг понял, что детишки наши северные, реально, с младенчества, заметно отличаются от «материковских». И не только своей некоторой «обездоленностью» климатом, но, главное, стойкостью характера и умением снисходительно

относиться к житейским проблемам. Утром, когда мы выходили с ней на улицу, чтобы отправиться в детсад, она первой смотрела на трубы ЧЕКа и деловито сообщала мне – куда идет дым из них. «Южаки», впрочем, её совсем не пугали, а означали лишь некоторые бытовые неудобства, иногда, даже, интересные. Не по возрасту рассудительное отношение её к окружающему часто восхищало и удивляло нас с женой. Однажды, она неожиданно зашла на кухню, где мать усердно отбивала к ужину наши любимые оленьи "бефштексики". Из мяса, естественно, обильно летели мелкие красные брызги. Тронув такую красную каплю пальчиком, дочь осторожно поинтересовалась,

- Это что – кровь?!

- Кровь! – подтвердила мать.

- Бедное мясо! – сострадательно посочувствовала оленине Света и деловито пошла по своим делам.

Деловитая сосредоточенность была её обычным состоянием – своими делами она всегда занималась с полным увлечением, не отвлекаясь по мелочам. А, главным её увлечением были книги, которых у нас всегда было много. И на нашем шикарном обширном стеллаже две нижние полки были заполнены её сокровищами. Первое, что я слышал, обычно, возвращаясь с работы, было деловитое дочкино предложение - «Пичитаем!!?» Далее она бежала к своей полке, забирала в охапку сразу несколько книжек и, решительно забиралась ко мне на колени. Так и читать сама научилась уже к 4 годам, причем, по системе скорочтения – страницами. И позже, в школе, при получении учебников в начале года, прочитывала их все скопом и потом уже больше в них не заглядывала, вызывая постоянные нарекания, что не учит уроков! Ну, а «обездоленность» малышей суровым чукотским климатом была, конечно, очевидной. Главное, они большую часть своей жизни проводили в утепленной одежде и в закрытом помещении. Даже длиннополая цигейковая шубейка дочери, купленная, как положено, «на вырост», уже к концу первой же нашей зимы была протерта на её спинке моими руками, едва не до дыр. В такой обстановке у детишек возникало особо трепетное отношение ко всему живому вокруг. Тут, сразу вспоминается и первый в жизни членораздельный вопль дочери, который я от неё услышал на улице – «Ой, папа - бачка... бачка... бачка!!»

Но, больше всего меня поразило первое знакомство дочки с живой травкой на улице. В первый же яркий, совсем весенний, день, она вдруг молча вывернулась у меня из рук и, пробежав по подтаявшему снегу несколько шагов до ближайшей теплицы, которые стояли у нас повсеместно

между домов, бухнулась на колени, что-то внимательно разглядывая. Оказывается, на оттаявшей черной земляной обваловке теплицы, на солнышке, среди снега, вылезла самая первая зеленая травина. И, кроха, скинув варежку, осторожно потрогала её пальчиком, тут же отдернув руку, как от живого существа. В глазах её, обращенных ко мне, светились восторг и изумление, а у меня комок подступил к горлу – в 2 года человечек впервые увидел живую траву, которую «материковские» дети даже не замечают.

На той же ноте удивленного сочувствия, ровно год спустя, и завершился чукотский младенческий этап нашей дочери, когда я привез её в первый отпуск к родным, в Кораблино. Дорога получилась длинная и для неё тяжелейшая. К тому же, летели мы из майской чукотской зимы в цветущее рязанское лето, и контраст был ошеломляющий, даже для меня. Приехали мы поздним дождливым вечером и, в полном изнеможении, сразу завалились спать. А, утром, уже в яркий солнечный день, когда мы, всем дружным семейством, сидели за чаем на просторной хозяйской кухне, из

глубины дома босиком, в одних трусиках, появилась, наконец, заспавшаяся Света и сощурилась от яркого света, протирая кулачками глаза. И сразу же направилась к распахнутой двери в буйно цветущий сад. Осторожно выглянув туда из-за косяка, она восхищенно-вопросительно посмотрела на меня.

- Иди – погуляй! – разрешил я, улыбаясь.

- Прямо так??! – с искренним удивлением и явным недоверием спросила Света и ткнула себя пальчиком в голую белую грудку.

Для неё было слишком необычно, опасно и, даже, дико, выходить на улицу без утепленной верхней одежды и лишь после бурных насмешливо-ласковых уговоров, наперебой, всех окружающих взрослых, она осторожно и неуверенно вышла, наконец, на крылечко. Мне, вновь, подступил комок к горлу, а за Светой, с подачи племянника Сереги, на долгие годы закрепилось ласковое прозвище «чукоточка». Тогда я окончательно понял, что, все-таки, Чукотка, действительно, не место для комфортного проживания, особенно, маленьких детей, а, именно, «Территория» для тяжелой работы и освоения, как её, верно и точно окрестил Олег Куваев. И, главная диллема состоит в том, что детям, все же, плохо без родителей, как и родителям без детей. Потому и надо «на северах» работать «вахтой», а не строить там супергорода, даже под стеклянной крышей. Позже на эту тему мы, помнится, бурно дискутировали в экспедиции и меня даже обвиняли в отсутствии местного певекского патриотизма, тем более, при жене-градоначалъ-нице! Дочь заметно изменила и круг нашего семейного общения. Если, до её появления, мы с женой, сами ходили по гостям, с застольями, ориентируясь, в основном, на круг семейства Тимохиных, теперь гости уже больше ходили к нам. И, прежде всего, это были пары с детишками – ровесниками нашей дочери – Джамал и Люба Булеевы с Булатиком, Гена и Лиля Загородние с Олегом, из наших, – Саша и Рая Сивцовы, со своим Олегом и Люда Казак с Сережкой – уже из новых, райкомовских друзей моей жены. Из стариков, тимохинского периода, близкие семейные отношения сохранились лишь с Журавлевыми, детишки которых были уже несколько старше. На «огонек» начали заглядывать и райкомовские «тузы», в начале Агафонов, потом Калинин, а потом, и бывший первый секретарь Райкома партии, ставший председателем РК Нарконтроля - Редин! Клава окунулась, наконец, в свою родную «комсомольскую» среду, а общаться она умела хорошо. У нас начались и выходы-выезды на природу – наши полевицкие семейные на традиционную для всех горожан «сопку», благо, на Полевиках, мы жили с ней совсем рядом. И дальние, в основном «комсомольские», пикники в тундре. Характерно, что мы в тундру, практически, никогда не ездили «с потребительскими целями», т.е. за грибами-ягодами, как было широко распространено во многих городских организациях, в том числе и у нас в экспедиции. Мы ездили, исключительно, весело отдыхать в приятной компании, со всем соответствующим антуражем – выпивкой и закуской!!

Но, наиболее близкими нашими, практически, ежедневными друзьями и гостями стали Булеевы. Маленький казашенок Булатик, полный ровесник Светы, оказался первым её, вполне официальным женихом. Пара была изумительная и, даже, символическая – беленькая круглолицая, сероглазая настоящая славяночка со смуглолицым узкоглазым типичным монголёнком, которым она командовала, как хотела. С Джамалом нас, практичес-ки, ничего не связывало по работе, с Любой, тем более, - объединяли нас детишки, которые души друг в друге не чаяли, несмотря на категорическую разницу в характерах. Света была импульсивна и инициативна, в родителей, а Булат – медлительно-рассудительным и упрямо-хитрова-тым, как истинный азиат. И дочь

именно на нем начала учиться управлять строптивыми мужиками. Пользуется опытом до сих пор.

Но, главным для меня, все-таки, была работа. Территория была у нас, действительно, не стандартная и требовала, соответственно, не стандартного подхода. Было совершенно очевидно, что долина Кууль-Иннукая была для него явно великовата. Это подтвердили и проведенные ВЭЗы. Появилась крамольная мысль, что это древняя долина самого Пегтымеля, а это в корне меняло всю стратегию поисковых работ в районе. Но, подобная радикальная перестройка рельефа требовала соответствующих серьезных доказательств, которых у нас реально не было. Я полез в литературу и начал осваивать морфоструктурный анализ по древним поверхностям выравнивания или «нагорным террасам», как их у нас называли. Этому нас учила еще Наталья Петровна Костенко в Университете, но я тогда даже не предполагал, что мне это может пригодиться. О чем теперь очень сожалел. В экспедиции этим тоже никто до того не занимался, в том числе, и главный наш официальный геоморфолог Витя Красков. Для него главным увлечением стал, с никому неясными целями, статистический анализ окатанности галечного материала в реках Чаунской низменности. И Владимир Петрович Полэ, в очередной раз, пойдя навстречу, отпустил меня в недельную командировку в Москву, для необходимых консультаций и сбора материалов в ВГФ.

Наталья Петровна встретила меня в Москве очень тепло и, сразу же, предложила свою аспирантуру. Но, я, искренне поблагодарив, отказался – у меня еще не было своего материала для диссертации. И у меня не было даже пути к его получению - стандартные методы Костенко меня не устраивали. Но, именно с её произвольной подачи я, вдруг, получил ключ к решению своих задач. По её рекомендации, покопавшись в нашей университетской библиотеке, я наткнулся на древнюю, всеми забытую, публикацию 1928 года, некоего П.И.Иванова, о математи-ческой правильности естественных продольных профилей речных долин. Я никогда не был особо силен в математике, обладая больше ассоциативным типом мышления, но формула выположенной степенной параболы была настолько проста и красива, что я сразу же принялся проверять её на реальных наших, чукотских, долинах, поскольку выведена она была автором на реках Русской равнины. И быстро выяснилось, что системы наших долин подразделяются на разновозрастные уровни, которые сопрягаются с соответствующими базисными уровнями планации – поверхностями выравнивания. Это давало реальную возможность реконструировать рельеф вплоть до палеогена! И я, буквально, обрел крылья. И это была уже не Костенко – это был КАЗАРИНОВ!

Но, главное, все-таки, было, естественно, не картирование кайнозоя и палеореконструкции рельефа, а основное, ради чего мы работали - поиски россыпей золота. А, анализ именно равновесных продольных профилей долин давал для этого, буквально, уникальные возможности, исходя из основного постулата, что каждая долина - это естественный промприбор, сортирующий тяжелые минералы в своей динамической системе. Оставалось только определить оптимальные отклонения от равновесных продольных уклонов, приводящих к концентрации полезных шлиховых концентраций. И, я начал «пересчитывать» все известные мне золотые и оловянные россыпи. И, быстро выяснил, что максимальные концентрации достигаются при уклонах в 1.6-1.8 раза, превышающих равновесные. Показатели подобных отклонений от равновесия я назвал коэффициентом динамической активности (КДА). Это было первое мое реальное практическое открытие в россыпной геологии, и, к сожалению, так и не запатентованное – не принято это было – все, что мы делали -

принадлежало государству. Но, получив, этот инструмент, я мог уже, с точностью до сотни метров, в любой долине, определить место максимальной возможной концентрации золота, а соответственно, рационально задать в долине поисковую или разведочную линию.

Однако, в своих изысканиях я вдруг получил резкое противодействие с самой неожиданной стороны – от человека, который по своему статусу, вроде бы, должен был способствовать получению максимально положительного результата моей работы, - Виктора Васильевича Краскова. Но, я, тем самым, опять, вроде бы, нарушал его монополию на подобные изыскания, которую он только что завоевал после защиты кандидатской и изгнания из экспедиции основного своего конкурента, В.Я.Лобанова, как раз, в 1972 году. И он, в некотором роде, уже почувствовал себя абсолютom. На этом мы с ним и поссорились впервые, после одного из техсоветов, на котором Витя представлял результаты своих статистических изысканий. На выходе, спускаясь на свой, 1-й этаж старого здания экспедиции, я у него, чисто по-дружески, поинтересовался,

- Ты что там за ахинею-то нес, Витя?!

- А чего рассыпаться бисером перед свиньями? – с усмешкой ответил, вдруг, Виктор Васильевич, - Они ж все равно ничего не понимают!!

- Ну, я-то, все-таки, немножко понимаю, однако! – заметил я, со смущением. И был ошарашен его неожиданной реакцией, -

- А, кто ты такой??! – у него аж руки затряслись и лицо перекосило презрительной гримасой!

- Я????? – Казаринов Сергей Львович – старший геолог! – с неким удивлением, отвечивал я.

- Ты – пацан еще, а, Я – КАНДИДАТ НАУК!!! – яростно констатировал Красков, резко побежал вниз по лестнице и с треском захлопнул у меня перед носом дверь своего большого персонального 10-го кабинета, с памятной табличкой «Поисково-ревизионная партия».

- Ну, у нас, в принципе, любой дурак может стать кандидатом! – только и успел я иронически заметить ему во след. Однако, он и это услышал и запомнил! И через несколько лет, когда я, тоже став кандидатом, иронически, при встрече, поинтересовался у него, -

- И как теперь будем с тобой считаться-то, Витенька – я, увы, тоже кандидат!!!?

- Ну, ты же сам говорил, что у нас любой дурак может стать кандидатом!!

Мы были.... квиты!!

Но, это было потом!! А тогда, в 1973-м, я был обескуражен! На пустом, вроде бы, месте, началась суровая личная война, принимавшая, иногда, даже гротесковые и комические формы и закончившаяся, только после моей защиты той же кандидатской диссертации, которая, по иронии судьбы, тоже свершилась, именно, неусыпными стараниями самого Виктора Васильевича. Когда он через несколько лет, к удивлению многих, оказался, вдруг, главным геологом экспедиции, первым же своим решением лишил меня формы допуска, а, соответственно, автоматически, и должности. Благо я, в это время был в очередном отпуске. Но, Магадан, почему-то, эту инициативу не поддержал и, через неделю после моего приезда, статус-кво было восстановлено, со ссылкой на технический сбой в оформлении документов. Но, главный геолог вызвал меня уже официально и категорически предупредил, что за работу с поверхностями выравнивания, «они вынуждены будут, все-таки, понизить меня в должности»!! Подобной комедии полного абсурда даже я от него никак не ожидал, однако, но, как ни странно, он, оказывается, совсем не шутил. И мне пришлось лететь в Москву, срочно поступать в заочную аспирантуру к Н.П.Костенко и утверждать тему диссертации по древним поверхностям в

Министерстве геологии. Из Министерства тема была направлена в Магадан, а оттуда «спущена» для «контроля и исполнения» непосредственно В.В.Краскову, главному геологу Чаунской КГРЭ. О чем я и был официально, хотя и с большим раздражением, им уведомлен! И хотя, Виктор Васильевич, сразу после этого, уже перестал быть главным геологом, мне пришлось писать и защищать диссертацию. Однако, это, действительно, было уже потом.

А, 1973 год, второй сезон, завершающий Кууль-Инну-кайский проект, оказался, наверное, одним из самых производственно-спокойных за все время моей работы на Чукотке. В основном, это была заслуга В.П.Полэ, которому мои изыскания очень понравились и под его серьезной «крышей» нам, с Загородним, в этот год было достаточно комфортно! Даже, не смотря на то, что я опять, ввязался в очередную общественно-политическую склоку. На этот раз, она возникла непроизвольно, в преддверии очередного, обычного для всех, кроме нас – геологов-полевиков, летнего сезона отпусков. Нас, традиционно, отпускали лишь раз в три года и только осенью, по завершении полевого сезона. Многих это, конечно, угнетало, особенно при наличии малых детишек, которые тоже годами оставались без настоящего лета и солнечного тепла. И я, в начале, в качестве шутки, предложил провести эксперимент с нашим начальством – всем ответственным исполнителям, начальникам и старшим геологам полевых партий, перед полевым сезоном подать заявления на очередной отпуск. Интересна была реакция руководства, тем более, практически, у всех нас уже была «переработка» - я тоже, после 69-го года, работал уже 4-й сезон, а КЗОТом была запрещена непрерывная работа свыше 36 месяцев, независимо от производственной необходимости. Шутка, однако, всем понравилась и на стол к Хрузову, к его полному изумлению и ужасу, легло полтора десятка подобных заявлений. Не уклонился даже самый тихий и законопослушный Боря Бубенников. И в экспедиции началась паника в поле некому было ехать сезон срывался. Нас пытался уговаривать даже Борис Илларионович Белан, которого наши полевые работы интересовали, обычно, в самую последнюю очередь,

- Вы же, сами себе профессию выбирали, - а геологи летом должны быть «в поле» - это закон!! – возмущенно твердил он в каждом из наших «мятежных» кабинетов.

Конфликт завершился достаточно быстро, с приездом специальной комиссии из Магадана и компромиссным соглашением с администрацией настоящий сезон проводим по намеченной, ранее утвержденной, программе, а со следующего сезона, все-таки, ездим летом в отпуск по предварительно оговоренной очередности, чтобы не оголять фронт полевых работ. И, потому, совершенно справедливо, я, одним из первых полевиков в экспедиции, уже в середине мая 74-го года, любовался с дочкой цветущим садом у родственников в деревне.

Нашу базу мы, с Загородним, перенесли в самый центр Пыркатагынского массива, на руч. Пуувеем, крупнейший левый приток р.Кууль-Иннукай. Место было очень удобным для работы, хотя и менее живописно, чем на Кусвееме – среди достаточно пологого холмисто-увалистого рельефа, главным украшением которого были многочисленные знаменитые чукотские «кекуры». Раньше мне на них приходилось, в основном, смотреть только издали, а здесь удалось, наконец, набродиться среди них и налюбоваться их причудливой красотой, оставив себе, на память, множество фотографий. И, думаю, совершенно искренне, что знаменитые «красноярские столбы» с нашими «кекурами» и рядом не стояли, как говорится.

И коллектив у нас подобрался, наконец, добрый, спаянный. Горным мастером был назначен старый проверенный Саша Немтинов. Команду впервые пополнил и молодой геолог Володя Ляхович – выпускник Томского университета, учившийся еще у Леши Шапорева, когда он там преподавал. Он и в Певек приехал по рекомендации Шапорева, а после его отъезда в Магадан, вдруг сблизился с Виктором Васильевичем Красковым тот увидел в нем близкую душу и надежного помощника-партнера. Но, оказалось, просто, что Володя очень даже «себе на уме» - типичный западный «хохол», еще в младенчестве пострадавший от репрессий и потому оказавшийся с родителями в Сибири. Он так себя открыто, в шутку, и называл – «бандера недобитая»! Шапоревские рекомендации, конечно, дорогого стоили, но серьезным геологом Володя так, по-настоящему, и не стал, к сожалению, работая, в основном, ... «на подхвате». Даже добравшись, со временем, до командных должностей. А, вот, разбираться в людях и общаться с ними, научился, по жизни, очень хорошо. В результате, мы с ним оставались ближайшими друзьями долгие годы, до его безвременной кончины в 96-м, хотя он все эти годы, параллельно, поддерживал теснейшие отношения и с Виктором Васильевичем, моим извечным «заклятым и непримиримым» оппонентом.

Но, сошлись мы с Володей не сразу. На мой ревниво-предвзятый взгляд, он слишком небрежно-критически относился к моим теоретическим наработкам и результатам наших работ. И я воспринял его, как «засланного красковского казачка» и поначалу достаточно жестко контролировал. Даже деликатно-аккуратный Загородний заметил, наконец,

- Чего ты, Львович, его прессуешь?! – Нормально, ведь, парень пашет старается!!

- Видали мы таких «пахарей» - потом по двум образцам канавы документировать приходится!! – отвечал я, вспоминая незабвенного Володю Дурова из знаменитой нашей «Военной партии» 67-го года.

Но, согласился, наконец, - парень, действительно, работал добросовестно, без халтуры. И закрыл собой основные наши поисковые работы, как и я в предшествующие годы, – и шлиховое опробование и документацию шурфов, а главное, геологическое обеспечение моих любимых поисковых линий УПБ-25. Но, критическое отношение к моим методам и построениям сохранялось у него, с подачи Виктора Васильевича, еще несколько лет нашей совместной работы. Пика оно достигло в 76 году, на Нижнем Пегтымеле, когда Володя, по небрежности, «не заметил» в разрезе параметрической скважины, теоретически «рассчитанных» мной, палеогеновых отложений. Тогда закончилось все кулачным решением сакраментального вопроса – «А, что здесь было в палеогене??!» и моим блокированием его производства в должность старшего геолога. Но, надо отдать ему должное, отрицательно на наших отношениях это не отразилось. Более того, наше взаимопонимание заметно укрепилось мордобой, все-таки, мозги здорово просветляет, особенно, в поле это я усвоил еще до Чукотки. Ну, а окончательно наша полемика завершилась лишь в 88-м году, когда я, уже работая в ЦНИГРИ и будучи в полевой командировке, навестил его, уже Владимира Петровича, в его личном кабинете, в кресле Начальника Геологического отдела экспедиции.

При моем посещении, на столе у него зазвонил междугородний телефон – в Магадане подбивали выполнение плана прироста запасов по золоту.

- А, сколько надо?! - небрежно поинтересовался Ляхович, - Ну, вот столько и пишите!! - заключил, с улыбкой. И, положив трубку, довольно

резюмировал – Я сейчас хоть за все Управление тройной годовой план одномоментно сделаю!!

- Что?! Хорошо прёт?! – поинтересовался я, добродушно.

- Да, изо всех дырок – куда не ткну – бешеное золото!! Наверное, с детства, все-таки, слишком много говна ел на старости лет, наконец, подфартило!! Даже прятать приходится, чтобы план не нагоняли!! Хотя, премиями и так завалили!!

И он, вдруг, выдвинул нижний глубокий ящик в тумбе своего рабочего стола. Он был доверху заполнен пачками денег – такого их количества я еще никогда не видел. Володя, удовлетворенно глянув на мою удивленную физиономию, небрежно выхватил из ящика пару верхних пачек и бросил их передо мной на стол – красивые сиреневые 25-рублевки в банковской упаковке.

- На твою нынешнюю московскую бедность!! – торжественно провозгласил он, - Только Зинке не говори, - я от неё это прячу, а то с ума сойдет!

- Да, я с тобой до самой смерти не рассчитаюсь! – возразил я.

- Какие расчёты?! Это твоя минимальная доля! Ляхович, вдруг, посерьезнел, Я, ведь, сейчас только по твоим участкам и работаю – поднял все твои прогнозные карты, вплоть до кевеевской, 75-го года. Даже странно, как это, даже Фишкин не сумел реализовать твои прогнозы на Релькувееме. Сейчас у меня там каждая линия в ураганном золоте!! Все-таки, действительно, круто тебя тогда гнобили. И я, выходит, по глупости, этому помогал. Так что, бери, Серёга, как «моральную компенсацию», хотя бы – твое это все!!!

Но, денег я, естественно, все-таки, не взял. Сказанное Володей было, само по себе, уже полной «моральной компенсацией» и стоило дороже любых денег, академических регалий и наград, вместе взятых. Я реально почувствовал, что, действительно, влил в богатства Чукотки и страны, соответственно, свою конкретную и ощутимую струю живого золота! А это, в принципе, мечта любого геолога. Что мы и отметили, как полагается, обильным торжественным ужином в ресторане «Арктика», за счет «принимающей стороны», т.е. Владимира Петровича Ляховича, разумеется. Только, это было уже 15 годами позже, а тогда, в 73-м, все, по сути, только начиналось. А, тогда, Володя, освободив меня уже от большинства традиционных моих поисковых полевых забот, позволил, наконец, заняться классической геологической съемкой, с попутными поисками, чему меня, в основном, и учили в университете. И близко, изнутри, в работе и в быту познакомиться и сойтись с Геннадием Григорьевичем Загородним. Впрочем, познакомил-то меня с ним еще Валера Тимохин, с которым они были однокашниками по Ленинградскому Горному. Но, Гена всегда оставался несколько в стороне от основной питерской компании, ядром которой были, помимо Тимохина, Коровкин с Саморуковым и Федяевым, а затем и Тибилев с Сутугиным и, примкнувший к ним, Леша Шапорев. И это была неофициальная геологическая элита РайГРУ, из которой Загородний, откровенно, выбивался, практически, не участвуя ни в обильных общих застольях, ни в бурных производственно-геологических дебатах, постоянно молчаливо прячась за смущенно-иронической улыбкой. Эта же, вроде, виновато-примирительная, улыбка ужасно раздражала меня и во время нашего памятного, совместного с ним, конфликта с Депармами, вокруг Пельвунтыкойненского отчета 68-го года. Хотя, он тогда и достаточно четко объяснял свою позицию – у нас с ним, действительно, не было достаточной фактурной базы для своих выводов, а виноват в этом был, прежде всего, он сам, как ответственный исполнитель проекта. Его тогда

поддержал в этом даже, принципиальный и резкий в суждениях, Валера Тимохин

- Чего ты прицепился к этим уровням, Серега?! – успокаивал он меня, – Возрастных привязок у вас, все равно, нет, а без них – все твои построения пустой звон! Тем более, что возраст морен вообще никого не интересует, поскольку, россыпей, с ними связанных пока еще не придумали. А вот, с Депармами надо было еще в поле воевать, тогда бы они теперь так хвост не поднимали!!

Но, воевать Гена органически не умел, хотя и был категорически самостоятелен, прежде всего, в суждениях, которые, впрочем, никогда никому не навязывал, пряча за своей привычной улыбкой. А, когда мы с ним вышли в основные маршруты, обнаружилась и еще одна его особенность, поначалу меня раздражавшая. Он был крайне нетороплив и обстоятелен в работе, но в маршруты ходил, как бы, по наитию, намечая их непосредственно перед выходом. И мне приходилось ежедневно под него подстраиваться, корректируя намеченную ранее схему работ. На мои импульсивные замечания, что мы занимаемся госсъёмкой и, потому, вынуждены соблюдать нормы детальности и сроки проведения работ, он со своей обычной улыбкой, неизменно миролюбиво, отвечал

- Спешить надо не торопясь. И в маршруте важна не протяженность, а то, что ты из него принесешь! А, необходимые для кондиции километры могут набегать и студенты – им это, кстати, и полезно будет!

Студентов у нас вновь было двое и, хотя, были они менее шустрые, чем в предшествующие годы, в маршруты мне, действительно, пришлось их запустить на наименее ответственных участках и под соответствующим контролем, разумеется. Впрочем, подобная методика была мной уже достаточно отработана и бегать по тундре, не считая километров, мне было привычно. Но, окончательно, примирила нас с Загородним только чрезвычайная ситуация, которая случилась уже в середине сезона.

Лето у нас случилось достаточно капризное. И раньше обычного времени, уже в середине июля, нас накрыла жесточайшая летняя пурга. Мы в это время находились на самом дальнем нашем участке – в долине р. Кысакваам, правого нижнего притока Пегтымеля. По опыту уже знали, что непогода может затянуться и отрезать нас от базы и связи очень надолго. Потому решили, не откладывая, выходить налегке, оставив палатку и снаряжение на под-базе. Путь в несколько километров до плоского перевала, по наглухо занесенной снегом долине ручья, занял у нас не меньше 3 часов. Даже студенты наши начали сдавать и просить пощады и отдыха – приходилось, буквально, тащить их через сугробы за шиворот, чтобы не замерзли ненароком, в снег зарывшись. Чукотка представлялась нам во всей своей свирепой красоте. Однако основная красота ожидала нас наверху. В кромешной снежной круговерти надо было найти на плоском перевале начало одного из трех распадков, по которому можно было бы безопасно спуститься в долину Кууль-Иннукая. Я всегда достаточно легко ориентировался в пространстве, даже в самых сложных условиях, как при памятном Нижне-Ичувеевском тундровом пожаре 69-го года, но здесь, все же, впервые абсолютно растерялся. Главное, опять угнетала ответственность за людей и, прежде всего, за ребят-студентов, обессиленно сидящих прямо в снегу. А, Геннадий Григорьевич вдруг решительно направился к чернеющему из-под снега скальному выступу и начал разгребать сугроб у его основания,

- Я здесь, вроде бы, гидротермальную зону документировал, которая падает точно в наш распадок – определиться надо! – пояснил он деловито.

Так я получил новый, уже чисто профессионально-геологический, метод пространственного ориентирования и окончательно снял перед Геной шляпу. А дальше все пошло совсем чудно-весело. На спуске ветер и

метель быстро стихли, туман просветлел и мы, вдруг, вышли в, сияющую ярким солнцем, привычно-летнюю широкую долину Кууль-Иннукая. Контраст был ошеломительный. Такое я наблюдал раньше лишь однажды - в долине Бол.Зеленчука на Главном Кавказе, в районе Эльбруса. Чукотка не переставала меня поражать своими чудесами. Ошеломительной была и реакция студентов – увидев в долине одинокого, отбившегося от стада, оленя, они, схватив карабин, весело побежали его догонять, совсем забыв, что всего получасом ранее, буквально, падали от изнеможения, утопая в сугробах.

- Вот и тащи их после этого на себе!! – расхохотались мы дружно, устало протягивая ноги на зеленой травке. На душе было полное умиротворение и праздник.

Но, вскоре ситуация повторилась. На очередной под-базе нас вновь накрыло снежным зарядом. Случилось это ночью и утром нам пришлось откапываться – палатку занесло едва не с крышей. Но, по опыту предшествующего рискованного и героического выхода, на этот раз, мы решили переждать непогоду на месте. И трое суток пролежали в глухой снежной берлоге при свете лишь коптящего примуса. Но, и керосин надо было экономить, поэтому, мы безразмерно спали, как могут это делать, наверное, только геологи в непогоду. Однако возникло совершенно неожиданное обстоятельство – нас начало интенсивно затапливать. Снег на крыше и у стенок палатки, от нашего внутреннего тепла, бурно таял и вода скапливалась под нашими постелями – приходилось её постоянно стонять и вычерпывать, не помогали никакие подстилки, даже целлофановые – сырость пробирала до костей. Блаженствовал, довольно ухмыляясь, только премудрый Гена, предусмотрительно таскавший с собой в маршруты надувной матрасик. Я над ним, в связи с этим, частенько саркастически посмеивался – мы, ведь, не туристы – геологи с собой лишнего не носят – это закон, усвоенный с юности. Но, он, лишь, молча улыбался своей привычной смущенно-иронической улыбочкой. И, здесь я, вновь, понял, что у Гены полевой опыт побогаче моего – мы, действительно, не туристы, но и чукотская тундра, даже летом – это не воскресный пикник в подмосковном лесу. Хочешь в ней работать – умеешь в ней жить.

И мы жили и работали. Правда, золотом нас радовать Пыркатагын не желал. Некоторые надежды оставлял только Кысакваам, который и накрыл нас снежной лавиной в первый раз. Он же сделал мне и совершенно неожиданный подарок. Прогуливаясь маршрутом по береговым обрывам долины Пегтымеля, близ устья Кысакваама, я, вдруг, обнаружил самые настоящие наскальные рисунки. Гладкие вертикальные скальные поверхности были испещрены примитивными изображениями оленей, лодок, моржей, охотников и яранг. Первая реакция была – обычное детское баловство. Хотя, плотнейшие метаморфизованные гэсмыткунские сланцы с трудом поддавались даже профессиональному геологическому молотку, а гуляющих детишек поблизости не наблюдалось. Но, я, занятый своими поисковыми проблемами, на затейливые каменные росписи, практически, не обратил внимания. Даже точкой на карте не отметил, только сделал несколько фотоснимков наиболее пестро разрисованных камней.

Лишь зимой, в экспедиции, когда отпечатал и показал ребятам полевые фото, я, вдруг, с огромным удивлением, осознал, что соприкоснулся с натуральной мировой историей. И только подивился своему невежеству. Оказывается, я сфотографировал настоящие наскальные рисунки древних чукчей, впервые обнаруженные, еще в 1958 году, Владимиром Петровичем Полэ, так же, как и мною, - в рядовом геологическом маршруте. По сути, я прошел по его пути, что нас еще более

сблизило. И рисунки эти, оказывается, уже в 66-м году были описаны специалистами-этнографами и занесены в Реестр археологических памятников мирового значения, под названием «Петтымельские петроглифы»! Но, в своем памятном маршруте, я, к своему стыду, всего этого просто не знал. А, больше всего, на меня обиделись мои непосредственные полевые товарищи-коллеги, которым я, там же, в поле, просто забыл сообщить о своей находке. И, прежде всего, Гена Загородний, который, оказывается, еще отправляясь в поле, мечтал сам найти эти рисунки. Лишь через пару лет, в 75-м, я попытался несколько реабилитироваться, организовав, вместе с Анатолием Ефимовичем Фишкиным, специальный поход-экспедицию с Кэвеема на «Петроглифы». Но, это заслуживает уже отдельного, самостоятельного рассказа.

Ну, а самое веселое, да, и, во многом познавательное, моё приключение в том, геологически-малоприметном сезоне было связано с нашими коренными соседями-хозяевами – Биллингским оленеводческим совхозом им. Ленина. Наша, старая, и уже традиционная тундровая дружба с совхозным зоотехником-вездеходчиком Алексеем осталась неизменной – он часто нас посещал и всегда помогал гусеницами и тундровым дефицитом. Потому, я совсем не удивился, когда он, вдруг, подкатил ко мне прямо на маршруте. Но, в этот раз, рядом с ним сидел крупный круглолицый мужик – сам директор совхоза - Назаров. И он, выйдя из машины, любезно пригласил меня, по-соседски, «прокатиться к ним, в гости». Возражать было бы не вежливо, тем более, самому хозяину окрестной тундры, и мы поехали. И, достаточно быстро остановились в одном из охотничьих зимовий, где нас уже ожидало шикарное угощение из тундровых деликатесов – оленье и рыбная строганина, гольцовая икра-малосолка, под жареные грибочки и обильную запотевшую водочку из холодильника-морозильника. Ну, а, главное, на десерт, столь же обильные откровенные разговоры «за жизнь», благо, тундровая удаленность от официальной цивилизации, да еще и в сочетании с хорошей выпивкой, по-русски, к этому всегда весьма располагает. Меня, больше всего, занимало, явно высокомерно-снисходительное, отношение поголовно русского совхозного руководства к своим подчиненным – тундровым чукчам. И директор, почесывая под майкой заросший черным волосом безразмерный живот, пьяно откровенничал,

- Да, тупые они, сил нет!! Им дома современные строишь, со всеми удобствами, а он посреди кухни костер сооружает, как в яранге!! А в яранге ты был?! Вонница несусветная, вековая, а стоит дороже моей квартиры – шкуры моржовые и сплошные меха!! С младенчества им только неблюй, пыжик и росомаху подавай! Одни убытки!! А, к тому ж, врожденные алкаши - за бутылку и мать родную, и жену, и полстада казенного, в придачу, отдадут!! И, поголовно, туберкулезники, к тому же – все на учете,дохнут как мухи, и не спросишь ни с кого!!! – И стандартно заканчивал свои монологи классическим призывом, - Наливай!!!

- А, может, все-таки, хватит?! – Вопросил я, наконец, - Мне бы хотелось еще и к себе, на базу, в добром здравии попасть, однако!

- Погоди!! Как это - хватит?! – и пьяный директор начал мерять свое безразмерное чрево пустым стаканом, прикладывая его к животу, - Раз-два-три.... восемь... десять – еще для двух место осталось!! Наливай!!!

- Тебя, сейчас, Лёшка домой доставит в лучшем виде! - Закончил он, наконец, опорожнив очередной стакан, - А, я пока вздремну, однако!! Так что «веселым» это мое приключение можно считать, все-таки, весьма относительно и только внешне – на душе оно оставило, больше, гнетущее впечатление. С чукчами-то я, до этого, практически, не пересекался, если не считать памятного 68-го, когда они, фактически, грабили нашу базу, после наглых браконьерских

мясозаготовок Депармы. И лишь позже, познакомившись и поработав в поле с чудеснейшим парнем – первым чукчей-геологом – Володей Омрыгыргыным, я реально понял, насколько директор был, категорически, не прав в своем «совковом» руководящем чиновничьем чванстве! И к чукчам у меня навсегда сохранилось в душе самое теплое и сострадательное отношение – это самый добрый, мудрый и, к сожалению, самый, наверное, несчастный народ на Земле, о чем очень точно и красиво поведал их земляк Юрий Рытхеу, в своей знаменитой повести «След росомахи»! И главным отличием чукчей, от всех прочих народов, особенно, числящих себя «великими» - категорическое генетическое табу на уничтожение и унижение себе подобных. И даже олешек перед забоем они целуют в нос, извиняясь, что вынуждены их убить, и забивают максимально безболезненным образом, как только они и умеют. С водой, конечно, чукчи органически не дружат, для них это природно-враждебная среда. Поэтому, их традиционный быт, для русского носа, трудно переносим. Но, к окружающему их миру они относятся с потрясающим трепетом и почтением. Оставленные ими тундровые стоянки, отмечены лишь каменными кольцами на месте яранг, да пирамидками оленьих рогов, не более. В отличие от наших, даже полевицких временных «поселений», которые зарастают годами. Не говоря уж об участках разведочных, а, тем более, горных работ. Единственное «грязное» брошенное стойбище я видел тем же летом, в той же Биллингской тундре. Полуистлевшие клочья шкур и чукчанского бытового скарба, с поломанными собачьими нартами и, главное, натуральные человеческие кости, в почти прижизненном положении. Фантазмагорическое зрелище, врезавшееся в память на всю жизнь. Стойбище было вырезано беглыми зеками-уголовниками еще в 53 году. Для чукчей место стало «проклятым» и они его обходили стороной, ну, а нашим «белым» начальникам собирать кости по тундре всегда было недосуг! Так и закончился этот славный наш сезон без реальных успехов и достижений. Мы спокойно написали и защитили, с Загородним, вполне рядовой отчет, который, впервые, не вызвал особого интереса со стороны моих привычных оппонентов. И не потому, что там не было чему оппонировать – уже через год сражение разразилось с новой силой и, даже в расширенном, более крутом составе. А, 73-74 годы явились, во многом рубежными для экспедиции – они как бы завершили эпоху реальных геологических открытий стружковско-чемодановского Чаунского РайГРУ. И уже, с конца 70-х, оно, окончательно, превращается в рядовую экспедицию. И весьма символично, что эта её деградация начинается именно со строительства нового помпезного здания на центральной площади города – наступила эпоха чистой показухи развитого социализма, которая, в результате, и закончилась тем, чем и должна была закончиться! А началось все со вполне рядового внутреннего скандала в партии Саморукова-Григорова, которая, вполне спокойно, отработала на Кувете и, как и мы, готовилась к отчету. Результаты у них, как и у нас, были умеренно-кислыми и Николай, в очередной раз, уныло перебирая результаты химанализов, вдруг обнаружил отсутствие серии проб, которые он лично отбирал в самом конце сезона. Скандал получился достаточно шумным, поскольку оказался связанным с достаточно популярной, в среде нашей геологической элиты, перспективной сопкой Паковлад, названной так, в честь легендарного в РайГРУ геолога Паракецова Константина Владимировича.

-А где пробы с Паковлада, которые я отбирал!?? – шумно вопрошал Саморуков у Григорова, потрясая у него перед носом результатами анализов. Сережа только виновато разводил руками – он исхитрился забыть их на базе при эвакуации, прямо в кузове вездехода, на котором они возвращались из последних маршрутов. И, под яростным напором

Саморукова, Григорову пришлось срочно, посреди зимы, лететь на оставленную базу и отыскивать на ней забытые пробы. Результаты превзошли все ожидания – пробы оказались, поистине, золотыми.

- Ай, да, Паковлад! – Ай, да, душка!! – Ай, да, красавец!! – буквально, пел Колька. И рядом, как истинный герой и творец всего этого счастья, гордо вышагивал Сергей Александрович Григоров. Глядя на него, и мне хотелось поинтересоваться у Загороднего – а, не забыли ли и мы чего-нибудь в укромных уголках? На что, Гена, со своей неизменной иронической улыбочкой отвечал просто – «У нас с тобой, Львович, Паковлада, к сожалению, нет – есть только Пыркатагын!»

Так Паракецов, одним своим именем, обеспечил чаунским геологам последнее их крупнейшее открытие на Северо-Востоке. Саморуков, с шумным триумфом, защитил свой отчет в апреле, а уже в мае, на сопке Паковлад, была организована детальная поисково-съёмочная партия, уже к осени преобразованная в ГРП, под началом С.А.Григорова, которая, по времени начала своих работ, и получила название «Майская», как и все месторождение, соответственно. А, Григоров, как первый её начальник и организатор, стал и первооткрывателем, соответственно! Благо, он в то время был еще и секретарем комсомольской организации экспедиции, а, соответственно, работал под надежной крышей партийных органов, вплоть до обкома. А, беспартийного и излишне самостоятельного, Н.М.Саморукова, незаметно, отодвинули в сторону и, потихоньку, сплывили из экспедиции, чтобы не мешал дележу славы и первооткрывательских дивидендов. Благо, сам Николай, - старая школа, - на своем приоритете и не настаивал, смущенно отговариваясь – «Да, я только камни собирал!!» С этого и началась, по существу, «новая эпоха» в жизни нашей легендарной Чаунской геологической школы, а, соответственно, и экспедиции. Ранее, при Чемоданове-Стружкове, никому и в голову не могло прийти, присвоить себе даже чужую пробу, не то, что месторождение – потому и сопки назывались именами истинных первооткрывателей, которые оставались и в изустных легендах, как тот же Паковлад, хотя бы. И всех героев своих, вплоть до промывальщиков, мы знали по именам, а не по их официальным регалиям – они отмечались именами собственными прямо на карте.

Я, свой, по сути, первый крупный самостоятельный отчет защищал непосредственно вслед за Саморуковым и ожидал традиционной баталии вокруг моих структурно-геоморфологических реконструкций, с достаточно вольными определениями возраста древних поверхностей выравнивания и кайнозойских отложений в долине Кууль-Иннукая. Я определял её, как древнюю долину Пегтымеля и, соответственно, закругленную косу мыса Биллингса, в основе своей, его древним приустьевым баром, минимум, третичного возраста. Я настаивал на дальнейшем, более углубленном изучении обширной закрытой территории низовьев Пегтымеля и Прапегтымеля, с использованием геофизических методов и точечного картировочно-параметрического бурения. Меня активно поддержали Владимир Петрович Полэ – главный геолог, и Валентина Владимировна Грушина – главный геофизик экспедиции. Даже Виктор Васильевич Красков покритиковал меня, неожиданно лениво, заявив, лишь, что мои вольные фантазии можно укрепить только регулярным бурением, но, поскольку, достаточных металлогенических предпосылок для этого нами не выявлено, незачем на район и деньги тратить. Но, в целом, Техсовет, после саморуковской эйфории, был настроен весьма благодушно и меня проводили в отпуск дружескими аплодисментами. А, благодушные Краскова было вызвано, оказывается, внутренней растерянностью. Буквально, накануне, почти незаметно, свершилось еще одно знаменательное для экспедиции событие! На буровой «линии отчаяния» №442 Паляваамской

ГРП, заданной через всю Чаунскую низменность, на 18-м км, в районе Чаанайских холмов, скважиной №64, на глубине 60 м, неожиданно обнаружились пески с содержаниями золота 62 г/куб! Это был «второй Рывеем» и его еще предстояло переварить! Разница была лишь в том, что на Рывееме древняя погребенная россыпь лежала в его основной долине и, соответственно, вопросов с последующей разведкой и освоением не вызывала. А, новая богатейшая россыпь была вскрыта посреди обширного плоского пространства, дренируемого сразу тремя крупными реками, впадающими в Чаунскую губу с юга. И, даже, направление этой россыпи изначально было непонятно – пришлось её разбуривать по окружности. И сам «хозяин» Чаунской низменности, регулярно исследовавший её в течение 10 лет, сам КАНДИДАТ наук В.В.Красков, оказался вдруг бессилён. Единственное, что он сумел сделать – это срочно протянуть свою любимую, полумифическую, Нейтлин-Наглейненскую металлогеническую зону до Чаанайских холмов. Ну, и соответственно, связать россыпь с холмами, поместив её в едва заметный тундровый ручеёк Чаанайвеемкой. Но, крупная россыпь находилась в крупной, глубоко погребенной, долине, а откуда она, эта долина, взялась и каковы её возраст и, хотя бы, приблизительные параметры – кандидат наук, увы, тоже не знал и пребывал в растерянности. Объект назвали «Чаанай», перенесли на него Паляваамскую ГРП и начали интенсивно разбуривать его окрестности по площадям. Ну, а я, как раз, и занимался поисками методов палеорекоконструкций погребенного рельефа. И, едва ни первой, но, пожалуй, самой главной помощницей мне в этом оказалась Валентина Владимировна Грушина, - главный геофизик ЧКГРЭ. Умнейшая женщина, с которой мы очень быстро нашли общий язык. Единственным слабым местом её была слепая фанатичная любовь к мужу, совершенно безалаберному алкашу Борьке Грушину. Что, впоследствии, к сожалению, и сказалось, и на её личной судьбе, как, между делом, и на судьбе всего нашего общего проекта. Именно, Грушин с Долгорукиком делали у нас ВЭЗы летом 72-го года, но результаты их, из-за большой обводненности территории, оказались сомнительными. И при составлении отчета мы много общались с Вале́й, которая сама обрабатывала и правила данные работ мужа, а затем и предложила комплекс геофизических методов, на основе наземной площадной гравиразведки, реально способных, помочь нам отрисовать погребенный палео-рельеф. Мы быстро подружились и много общались, в том числе и семьями – благо, Борька, в обиходе, был чудеснейшим парнем. К тому же, рядом с ними, в знаменитом, старом «генеральском» или «стружковском» доме, практически, в центре города, жили и Ляховичи, а, общительный Володя был уже «моим» полновесным кадром. Валентина Владимировна и составила, в основном, геофизическую часть нашего совместного фундаментального проекта и методического комплекса по освоению низменностей. По которому, в конце концов, пришлось работать и строптиво-самолюбивому Виктору Васильевичу. Но, как известно, Бог любит Троицу! Тем же летом, пока я гулял в законном отпуске, в экспедиции, как бы, между делом, произошло и третье громкое открытие, которое изначально приобрело яркий комический оттенок, прежде всего, благодаря Леониду Петровичу Карасю, который изобрел свой собственный новый надежный метод поисков рудного золота – «задометрию»!

Вернувшись осенью из отпуска, я, первым делом, спустился в наш геофонд, полюбоваться на свой последний, а, реально, первый полновесный самостоятельный отчет в экспедиции, и сразу, с удивлением, обратил внимание на огромную каменную глыбу, лежащую в углу, у дверей. На мой иронический вопрос: - Неужто, в фондах и камни начали собирать? - милейшая Дозя Григорьевна Логачёва, завфондами, только

замахала руками и запричитала, сдернув с глыбы, прикрывавший её брезент, - Ой, Серёженька, я сама уже тут находиться боюсь – 118 кг чистого золота!!! А, все, Лёнька Карась, со своим задом, будь он не ладен! Под брезентом оказалась плоская, как скамейка, камен-ная глыба длиной не меньше метра и толщиной не менее полуметра – серые кварцево-кремниевые поверхности её были сплошь пронизаны крупными жилами и мелкими извилистыми золотыми прожилками. Такое я видел только в знаменитом американском вестерне - «Золото Маккены». Оказалось, что это неожиданный подарок, всем уже изрядно надоевшей, перспективной сопки Сыпучая, расположенной на правом высоком берегу долины р.Паляваам, уже несколько лет лениво и безрезультатно ковыряемой разведочными канавами, под руководством Л.П.Карася. В сезоне-74 ему был придан молодой геолог Володя Гут, которого Леонид Петрович и начал обучать премудростям чукотской полевой жизни. Начали они, как вспоминал Володя, с охоты на горных баранов, коих, еще в конце 60-х, в тех местах было изобилие. Но, в 70-х бараны уже куда-то исчезли, и охота закончилась, ставшей легендарной, фразой Карася – «А знаешь, Володя – здесь, по-моему, на всю тундру только два барана – это мы с тобой!» И, однажды, в погожий денёк, они решили сходить на сопку, посмотреть на свежие каналы. По дороге, притомившись на подъеме, присели перекурить. Леонид Петрович, удобно пристроившись на большом плоском камне, вдруг заерзал на нём задом, а потом, присмотревшись на чём сидит, подпрыгнул, как ужаленный – он, оказывается, сидел на чистом золоте, которое, как любой промерзший металл, буквально прожигало ему штаны. Так и появилась знаменитая карасёвская «задометрия», о которой даже Дозя Григорьевна в фондах поминала. И, забыв про свои каналы, наши герои ссыпались с сопки на базу, отправили за золотой глыбой вездеход с рабочими и по экстренной связи оповестили «Сопку» о своей находке. Не успел вездеход с золотом вернуться на базу, на неё уже сел вертолет с начальством. Лаштабег прилетел лично. Ребята, успевшие, на радостях, принять «по сто грамм» встретили его едва не поцелуями,

- Оооо!! Везет дуракам и пьяницам!!! – буквально пел Леонид Петрович.

Начальник, молча, прошел к вездеходу, полюбовался глыбой и приказал грузить её в вертолет. А счастливым первооткрывателям выдал по строгому выговору с понижением в должности, за пьянку на рабочем месте, что потом тоже достаточно бурно, с неизменным юмором, обсуждалось в экспедиции – «Вот, и находи здесь что-нибудь – себе дороже!!!» А, камень пролежал в экспедиции еще пару месяцев, пока его не перевезли в Магадан, где он еще некоторое время демонстрировался в музее СВТГУ. И, как-то, никому и в голову не приходило, что в углу, под дерюжкой, запросто валяются 1.5 млн. долларов. Которые, в принципе, оказывается, никому не нужны, потому и авторы этого, достаточно щедрого подарка Родине, в благодарность, кроме шишек и насмешек, ничего не получили. На том и закончилась эпоха великих открытий чаунских геологов, во что нам, конечно, верить совсем не хотелось. Но, насаждаемый сверху формализм брал своё, ломал психологию людей. И результат оказался весьма наглядным и плачевным. Если раньше, в системе РайГРУ, практически, каждое открытие, пусть и героическими сверхусилиями, быстро превращалось в целые горно-промышленные районы, как Комсомольский, Бараниха, Пильхин-Рывеем и т.д., то в ЧКГРЭ, все усилия уходили уже лишь в громкий свисток, даже такие уникальные объекты, как Майский или Пыркакайские штокверки. Что уж говорить о «Сыпучей» или «Чаанае», который даже со своими сверхвысокими содержаниями, промышленным объектом, по разным причинам, так и не стал. А, у меня закончилась эпоха внутреннего

брожения – я окончательно встал на ноги. Стал уверенным в себе специалистом и настоящим тундровиком-полевиком, буквально прошедшим огонь и воду, без страха ни перед летней пургой, ни перед зверьми дикими.

Пегтымель-Кэвеем – 75-78 гг

Нижне-Пегтымельский поисково-геолого-геофизический отряд (ПГГФО) оказался, наверное, главным в моей чукотской жизни, определившим всю мою последующую судьбу в профессии. Не зря совпал он с классическим возрастом «акмэ» - пиком физической и интеллектуальной активности человека или «возрастом Иисуса Христа» - осенью 75-го мне исполнилось 33 года. Из первого своего, настоящего и очень насыщенного впечатлениями, летнего отпуска мы с женой вернулись лишь глубокой зимой. Жену родственники уговорили не везти маленькую дочку, которую они очень полюбили за лето, в страшную чукотскую зиму и Света осталась у тетки, в рязанской глубинке. Позже она нам часто пеняла за то, что мы её тогда бросили. Но, у нас были свои заботы и резоны. У жены окончательно завершилась её насыщенная «комсомольская» юность, её, с почетом, проводили из РК комсомола и направили инспектором во вновь образованный Райком Народного контроля (РК НК), под руководство бывшего 1 секретаря Райкома партии – Редина. А, я, со всей накопленной энергией, рвался к освоению, ставших уже родными, низовьев Пегтымеля-Кэвеема. Но, меня, вновь, ожидало разочарование. В моё отсутствие, оказывается, в экспедиции не только нашли золотой булыжник, но и активизировались оппоненты нашего, с В.В.Грушиной, проекта освоения приморских низменностей. В.В.Красков получил мощнейшую поддержку с самой неожиданной стороны – самой «первой леди» экспедиции - «генеральши» В.А.Лаштабег. Валентине Андреевне надоело лазить по ближайшим к городу сопкам, командуя убого-малопрестижной Певекской (Пээкенейской) ГРП. И, она выдвинула смелую прогрессивную идею - выхода на морской шельф, с поисковым бурением со льда. Едва ли не впервые в мире. Хотя идея и была весьма сомнительна по многим позициям. Прежде всего, она была, практически, не обеспечена геологически – геологических съемок на шельфе мы не проводили. Единственным обоснованием для постановки работ были лишь случайные геохимические аномалии в донных отложениях, подобные, уже упоминавшейся, Усть-Пегтымельской, послужившей основанием для наших работ на Аачиме в 71-м году. Но, даже легкие поиски на Аачиме, оказались сопряжены с большим риском из-за коварных «зыбунов» и, печально памятных, зандровых полей. А, тяжелая геологоразведка среди подвижных морских льдов была, практически, изначально обречена на тяжелые трагические происшествия, что, в дальнейшем, к сожалению, и подтвердилось неоднократно. Но, Валентина Андреевна – женщина энергичная, решительная и деловая, к тому же - «генеральша», быстро расставила всех и всё по своим местам, и организовала специализированную элитную Шельфовую ГРП, которая вскоре стала, практически, самостоятельной экспедицией в экспедиции.

Так в экспедиции вновь возобладала старая концепция ленивых умом недоучек - достоверная информация на «закрытых» территориях может быть получена только глубоким бурением по площадям, а дистанционные методы и теоретические палеорекострукции, лишь досужее развлечение и пустая трата времени и, главное, денег. Надо, просто, бурить..., бурить... и бурить! И наши остроумцы сразу же окрестили этот поисковый метод – методом «дикой кошки» - наша «кошка», дескать, всегда знает, куда нужно прыгнуть! А, наш, с Полэ и Грушиной, совместный проект, к

которому я уже готов был приступить, оказался заблокированным. И, Владимир Петрович, не вдаваясь в детали, неожиданно, отправил меня старшим геоморфологом в Кэвеемскую ГРП, в помощь Анатолию Ефимовичу Фишкину. Вначале я даже обиделся – меня отодвигали в сторону и даже, вроде бы, за ненадобностью, задвигали в дальний пыльный угол. И, главное, меня официально, окрестили «геоморфологом», коим я себя никогда, естественно, не числил, будучи чистокровным наследственным геологом – для меня это было понижением профессионального статуса, в том числе, и в глазах коллег-товарищей. И, лишь, позже я понял, насколько мудр был наш главный геолог. Для решения вопроса в Певеке, я был, практически, бесполезен, и даже вреден своей импульсивностью и прямой невоздержанностью в речах и поступках. И, он, просто, убрал меня, как «красную тряпку», из под носа наших основных оппонентов, заставляя их расслабиться и потерять бдительность. Попутно он решал и второй важный вопрос – сохранение Кэвеемской ГРП, которую уже было намечено растащить между Чаанаем и шельфом. Я должен был помочь А.Е.Фишкину с повышением прогнозной оценки его территории. Моё, нежданное и, внутренне, достаточно, унылое, появление на Кэвееме среди зимы, едва не обернулось и самой настоящей трагедией. Перелет с попутным вертолетом был долгим и утомительным, хотя у меня было вполне уютное место – рядом с окошком-иллюминатором и с гладким боком запасного топливного бака за спиной. А, когда я, усталый и помятый, появился, наконец, в конторе партии, чтобы представиться Фишкину, все присутствующие, к моему великому удивлению, вдруг дружно шарахнулись от меня. Оказывается, я, по самую шею, был пропитан авиационным бензином. По-видимому, в баке, на котором я так удобно возлежал в полете, была трещина и я весь, буквально, пропитался бензином. Можно, только, удивляться, как я сам не вспыхнул, когда, во время промежуточных посадок, выходил на перекуры – спас меня, по-видимому, лишь изрядный мороз с ветерком в тундре, естественно прижимавший пары бензина. И, чудо еще, что борт наш благополучно вернулся, таки, на свою базу в Апапельхино. А, у меня неожиданно образовались серьезные проблемы с переодеванием – менять надо было все, от нижнего белья до шубы, на что я, естественно, никак не рассчитывал, отправляясь, всего лишь, в недолгую командировку. В местном магазинчике нашлись лишь несколько подходящих мелочей. И тут я, реально, на себе испытал наше настоящее северное геологическое братство - практически, не знакомые люди дружно потащили мне, подбирая, всё необходимое, начиная с носков, штанов и рубашек и заканчивая свитерами и даже новой казенной крытой шубой, кою мне выписали с партийного склада. И уже через полчаса, практически, я выглядел даже, наверное, более респектабельно, чем выезжал из дому. Но, мои неприятности на этом не закончились. Я и не подозревал ранее, насколько ядовит, оказывается, авиационный бензин. Уже к утру, все мое тело буквально горело от химических ожогов. Дело едва не дошло до вызова санрейса, но, по старой полевой привычке, обошлись терпением и подручными средствами – в поле нам, полевикам, болеть было не положено – самолюбие не позволяло. И уже через пару дней шкура на мне начала облезать лохмотьями, и я стал пятнистым, как ягуар, благо этого никто, к счастью, не видел. Да, я почти ни с кем и не общался, с головой окунувшись во вновь поставленную задачу. А, увлечься мне было чем. Я, впервые, получил в свое полное распоряжение обширные первичные фактические, т.е. реальные, материалы поисково-разведочного бурения по долинам рек бассейна Кэвеема и низовьев Пегтымеля, к которым ранее, практически, не имел доступа. И, тут, наконец, внутренне, поблагодарил В.П.Полэ – он дал мне возможность по факту проверить свои

теоретические построения. Но, этого было мало – нам всем требовались реальные надежные прогнозы – где, что и как искать в речных долинах, как современных, так и древних, погребенных. Решение пришло, неожиданно, быстро и было, как все гениальное, примитивно просто. Основой его послужило представление речной долины природным промприбором. И, естественно, как и в промприборе, для концентрации полезных компонентов, в ней должны быть соответствующие оптимальные уклоны. А, база для определения таких уклонов у меня уже была – теоретически-равновесные продольные профили и, соответственно, на каждом участке долины, её равновесные базисные продольные уклоны. Оставалось только, по имеющемуся факт-мату, определить отклонения реальных продольных уклонов в долине от теоретически-равновесных, оптимальные для концентрации россыпного золота. Так и появился мой знаменитый КДА – коэффициент динамической активности долин, вокруг которого активно «ломались копы» в течение последующих 10-15 лет. И, лишь, в 88-89-м году я, уже не работая в экспедиции, услышал, вдруг, от Володи Ляховича, истинные слова благодарности за тогдашнюю мою работу, о чем уже, с удовлетворением, вспоминал здесь ранее. Ну, а тогда, я, зарывшись в свои бумаги, просто не замечал никого и ничего вокруг и воспринимался окружающими, по-видимому, напыщенным высокомерным снобом. Об этом уже много позже мне говорила Люда Кострюкова, когда мы встречались с ней в Москве – её сестра, оказывается жила со мной в одном доме на Новослободской, практически в соседнем подъезде. Ну, а на Кэвееме, в огромной, как зал, комнате, под неусыпным надзором Анатолия Ефимовича, чинно-благородно, протекала обычная наша камеральная жизнь. Но, совсем не так бурно, как, обычно, у нас в экспедиции, в Певеке. Производственных и общегеологических проблем здесь не обсуждали. Коллектив был, в основном, женский, но в центре его были два неординарных и очень аккуратных мужика – картограф Гришилов и маркшейдер Палицын, со странным прозвищем «мед-брат». Оказывается, по первому образованию, он был медиком, и оставалось только удивляться и восхищаться столь резкой смене его профессиональной ориентации. А, их строгую аккуратность я отметил, буквально, в первый же день нашей совместной работы. Будучи увлеченно занятым своими материалами, я, вдруг, буквально, физически, ощутил тишину в помещении и, подняв голову, с удивлением, обнаружил, что остался один. Круглые часы над дверью растянулись стрелками точно на 6-ти часах – рабочий день, оказывается, был закончен. Подобная пунктуальность меня потом долго удивляла – в голой заснеженной тундре, кроме работы, вроде бы, заняться больше было вообще нечем, но..... порядок – есть порядок – он превыше всего. Хотя, меня, это, конечно, не касалось. Я был не местный. Мне, в помощь, Фишкин выделил единственного своего камерального геолога – Свету Соколову. Она помогала мне в подборе необходимых материалов, но в мои теоретические расчетные заморочки, особо, не вникала, занимаясь, в основном, своими прямыми обязанностями – составлением разрезов и разноской результатов бурения по планам разведочных участков. Она опекала меня и в быту, благо, жили мы в одном бараке, где их семейная комнатка была немногим больше моей каморки для командировочных. Муж её, Петя Соколов, был участковым геологом и его я, практически, не видел, но дома присутствовал другой мужик – их сын, почти ровесник моей дочери – очень серьезный мужчина. Он, в младенчестве, воспитывался у стариков-родителей в вологодской глубинке, где и говорить научился по-вологодски, на каждое обращение, угрюмова-то, отвечая неизменным вопросом – «Пошто??!» Вскоре выяснилось, что в

нашем крохотном поселке, из 5-6 щитовых бараков, посреди зимней чукотской тундры, было, оказывается, достаточно много детишек. С наступлением тепла они все вылезли из своих семейных клетушек на свежий воздух и часто попадали под мой фотообъектив. И, приходилось только изумляться и восхищаться – жизнь этих детишек не шла ни в какое сравнение даже с ущербной жизнью наших детей в Певеке. И, вместе с тем, они были искренне счастливы и обездоленными не выглядели. Более того, они были, не по возрасту, самостоятельны. И, вспоминая собственное, в том числе и «полевое», нище-босоное детство, как и всех моих сверстников, военно-послевоенного поколения, окончательно убедился, что убогость быта значительно ускоряет становление человека человеком. А, в детстве, все мы, без исключения, всегда счастливы.

В целом, для меня, это полугодичное, вынужденное, кевеемское «сидение» оказалось самым, наверное, спокой-но-творческим периодом за всю чукотскую карьеру. И это стало возможным, прежде всего, благодаря Анатолию Ефимовичу Фишкину, опытному и очень грамотному геологу старой классической школы. Он не был безоговорочным сторонником моих теоретических изысканий, но относился к ним с живым интересом. Однако, будучи, по-еврейски, очень осторожным и рассудительным, с заверкой моих прогнозов не спешил. Так же осторожны были и его главные помощники – участковые геологи Коля Мараев и Петя Писарев. Они были абсолютно разными – закрыто-деликатный Мараев, чем-то схожий манерами с Геней Загородним, и импульсивно-резкий, типичный тундровик-бородач, Писарев. Но, когда я к каждому из них подступал с предложениями подкорректировать, по моим рекомендациям, заложение буровых линий на их поисковых участках, одинаково дружно кивали в сторону Анатолия Ефимовича – «Фишкин все решает – с ним лучше не шутить!» И, особенно остро и негативно ими была воспринята моя пессимистическая оценка главной надежды и гордости Кевеема – Каравая-Якоря, - предварительно выявленного еще Валерой Тимохиным, в его последнем сезоне, в 71-м году. Я, по своим данным, уверенно утверждал, что Якорь, объект строго локальный, как «карасевский» золотой булыжник на Сыпучей, и серьезных перспектив не имеет, тем более, как объект россыпной. Что, к сожалению, и подтвердилось, в конечном итоге, только после нескольких лет усердных, но бесплодных работ. Но, главным моим интересом в работе был, все-таки, не Якорь. Меня притягивал Пегтымель с его структурными перестройками и, действительно, глобальными перспективами - взялась же откуда-то знаменитая усть-пегтымельская золотая геохимическая аномалия. У меня появилась возможность детально изучить одну из ключевых долин низовьев Пегтымеля, крупнейший его левый приток – Гэсмыткун, давший личное название даже известнейшей центрально-чукотской геологической формации – пермо-триасовой гэсмыткунской свите. И достаточно быстро, загадка, занимавшая меня несколько последних лет, была весьма красиво и логично разрешена. Оказывается, Гэсмыткун, в неогене, был перехвачен более энергичным Кысакваамом, и по нижней части его долины, в сторону своего современного устья, прорвался и Пегтымель. Отсюда и несоответствие узкой приустьевой долины-прорыва общим масштабам одной из крупнейших рек Чукотки. А реальным, непосредственным, следствием моих структурно-геоморфологических изысканий, вновь, совершенно неожиданно, явились «Пегтымельские петроглифы». Фишкин вспомнил о них при очередном обсуждении результатов моих изысканий и решил, что не гоже ему, лично, не обследовать на своей собственной территории памятник «мирового культурного наследия»! И, энергично, по-фишкински, взялся за дело.

Ко времени, где-то «вверху» вышло постановление об организации «геологических экскурсий выходного дня» для «народа», на что выделялись профсоюзные деньги. Так же, кстати, на Кэвеем откуда-то прикатили старый полуразваленный АТТ. Это был абсолютный технический монстр – старый армейский тяжелый артиллерийский тягач. Забираться на это чудовище надо было по лестнице, а когда он проходил по речной косе, галька, под его чудовищным весом, дробилась, свариваясь в плотный бетон, так что по его широченной колее можно было кататься на велосипеде. Когда и как он у нас появился, я не заметил, но к середине лета, после основательного ремонта, был готов к пробному, испытательному, «пробегу», чем и решил воспользоваться Анатолий Ефимович. Собралась чудесная, преимущественно, женская компания с достаточно взрослыми детьми. Все они, с великим восторгом, расположились в высоком обширном открытом кузове. Мы же, с Фишкиным, как вожди, разместились в безразмерной кабине, с люком на крыше, в котором я и утвердился, стоя, указывая дорогу, и рассказывая «экскурсантам» об окрестных тундровых и геологических достопримечательностях. И тут, к моему великому изумлению, выяснилось, что Фишкин, «великий и ужасный», совершенно не ориентируется в пространстве свойство для геолога, тем более такого уровня, абсолютно немыслимое. Но, факт был налицо, стоило поселку нашему скрыться за первым же увалом, как он начал меня дергать:

- Кончай девок охмурять – за дорогой следи!!

- А, чего за ней следить?! Идем на Гэсмыткун, по нему на Пегтымель!!
ответствовал я, с удивлением.

Но, оказалось, Толик, реально, не знал, где, конкретно, на местности, находится, его собственный, Гэсмыткун и как к нему подойти! А, водитель наш, совсем юный парнишка, был в этом помощник ненадежный, он тоже проходил лишь первую тундровую обкатку. Пришлось мне стать внимательнее, хотя от приключений нас это, все же, не спасло. В Гэсмыткун мы спустились по следу вездехода, оставленному, как выяснилось позже, моим старым знакомым - Алексеем - совхозным зоотехником с Биллингса. Он, еще в 71-м году, с гордостью утверждал, что все следы в местной тундре – его. А, значит, по его следу можно было идти без опасений. И мы, оглашая ночную призрачную тундру рёвом двигателей и сокрушая гальку под гусеницами, ползли по обмелевшему руслу реки, с косы на косу. В какой-то момент, я, несколько продрогнув на крыше, спустился в теплую кабину и, чисто инстинктивно, захлопнул за собой люк. И, как оказалось, очень своевременно - тундровый инстинкт меня не подвел. Тягач, следуя по следу вездехода, преодолевал очередной речной плёс и вдруг начал быстро погружаться. Вода показалась в лобовом стекле, бурля, быстро накрыла нас с головой и мы оказались в зеленом подводном царстве, как в аквариуме. Все произошло настолько быстро и ошеломительно, что мы даже переглянуться не успели. Я лишь заметил, что наш юный водитель будто оцепенел от удивления и ужаса – широко распахнутые глаза его были неподвижны, косточки пальцев побелели на судорожно зажатых рычагах. Но двигатель, по-прежнему, ровно натужливо гудел, и машина двигалась вперед. И, именно, полное оцепенение водителя нас и спасло – тягач сам выбрался из ямы и, лишь оказавшись на сухом месте, сам же и остановился, двигатель заглох. Все-таки это, действительно, был уникальный шедевр советской военной техники. Верно, говорил, в свое время, еще великий Бисмарк – «Русского мало убить – его еще и свалить надо!!»

Когда я, откинув крышку люка, высунулся на улицу, на меня из промытого кузова кинулись разъяренные женщины, а, над сумеречной, тихой, предутренней тундрой, вместо уже привычного двигателя, гудел

махровый русский мат. Женщины и детишки были мокрыми по шею, по взбаламученной речке плавали их многочисленные пожитки. Пришлось делиться сохранившимися сухими одежками, разводить костры для обогрева и просушки и вылавливать из реки уплывшее имущество. И большая неприятность быстро переросла в достаточно веселый пикник. Благо, быстро выяснилось, что наш железный «Конек-Горбунок» совершенно исправен – спасли воздухозаборники, выведенные высоко над крышей кабины. Всех развеселило, что мы, оказывается, можем и по дну под водой ходить «аки по-суху»! А, собирая мокрые вещички и детально обследовав нашу коварную ловушку, мы, с удивлением выяснили, что след вездехода, которому мы следовали, тоже обрывается в яме и продолжения не имеет. Оставалось только предположить, что мы его при переправе и переехали, не заметив. Прояснилось все лишь через год, когда я, встретив Алексея, рассказал ему о нашем приключении.

- Да, был я в той яме, ответственность он весело, нырнул и выбрался задом, по своему же следу я же, в отличие от вас, по дну ходить не умею – и лодка у меня худая.

- Вот и верь тебе после этого – то в обрыв завезешь, то в яму!! – пошутил я, вспомнив и наше с ним совместное путешествие с Аачима, в 71-м году, когда мы едва не слетели в Пегтымельские обрывы.

- Ну, на то она и тундра – всегда смотри в оба! благодушно констатировал Алексей.

Дальнейшее наше культурное путешествие прошло вполне благополучно, весело и познавательно. Рисунки всем понравились. Ребята даже попробовали оставить и свои – по классической русской традиции – «на память», - но из этого ничего не вышло – Анатолий Ефимович был строг. Да и камни были слишком твердыми, чтобы на них можно было что-либо нацарапать, что еще раз подтверждало древнее происхождение петроглифов и повышало к ним уважение.

На этом, достаточно символически, красивой и эффектной точкой, и закончилось моё «великое кевеемское сидение». И опять, совершенно для меня неожиданно.

Уже, через пару дней после нашего возвращения из веселого путешествия, к нам на базу, нежданно, даже для Фишкина, буквально, свалились сразу два вертолета с начальством. Оказывается, из Магадана прилетела большая экспертная комиссия, во главе с Глебом Михайловичем Сосуновым, и то, что они прилетели, первым делом, именно на Кевеем, означало только одно – В.П.Полэ с В.В.Грушиной истекшие полгода совсем не бездействовали. Сопровождал комиссию сам начальник экспедиции В.И.Лаштабег, с соответствующей компетентной командой, но наших основных недругов-оппонентов среди них, как ни странно, не было. И, после достаточно беглого ознакомления с моими новыми материалами, мне было приказано, быстро собирать документы и грузиться в вертолет. Командировка моя закончилась. С Анатолием Ефимовичем мы даже не попрощались – знали, что нам еще работать вместе и работать.

А, мне пришлось провести еще одну геологическую экскурсию «для народа» по низовьям р. Пегтымель, на этот раз воздушную. После чего мы отправились на сопку Сыпучая – все-таки, золотая глыба Л.П.Карася, благородным весом в 118 кг, произвела впечатление не только в Магадане, но и в Москве. По сопке мы прогуливались достаточно долго и, не по-полевому, комфортно. Но, гидами были, однако, не изобретатель «задометрии», Леонид Петрович и, даже, не Володя Гут, а сам В.И.Лаштабег и Геша Сутугин, уже ставший, естественно, Геннадием Николаевичем. Была организована даже показательная, и очень красивая

рыбалка на Палявааме. Ну, а обедать мы полетели уже на Майский. Эту главную гордость и надежду Чаунской экспедиции я, впервые, увидел с воздуха и был тоже поражен размахом освоения объекта – всего за год, в голой тундре, был построен поселок, практически, сопоставимый со старой, знаменитой, Баранихой. Удивляло только его расположение – прямо на вершине сопки, практически, среди поля горных работ. Традиционно, от века, жилые поселки всегда строились у воды, в долинах. Но, здесь, хозяин, по-видимому, был мало озабочен элементарным бытом своих работников главным был размах производства и его внешний вид на сопке поселок смотрелся дальше и эффектнее. А на привозной воде мы жили и в Певеке, на Полевиках.

Экскурсоводом на Майском выступал, естественно, сам Сережа, вернее, уже полновесный, Сергей Александрович Григоров официальный первооткрыватель и полновластный хозяин уникального объекта. Впрочем, непосредственно, об объекте речи, практически, и не шло, демонстрировались лишь достижения в строительстве. Краткая экскурсия завершилась в большом обеденном зале новой столовой, где были уже накрыты длинные, изобильные, истинно, праздничные столы. А, после обильного обеда, удовлетворенная комиссия, благополучно, полетела дальше, на Шмидт. Наше же начальство тоже загрузилось в свои «УАЗики» и отправилось домой своим ходом, ну, а мне, как «рядовому-необученному», досталось место лишь в «Урале» старого знакомого Миши Поклонова. Оказывается, для обеспечения достойной встречи высоких гостей, на Майском был собран, практически, весь экспедиционный автопарк. Так, с Мишей я впервые оценил и дорогу на Майский, вернее, полное её отсутствие, даже летом. И, в очередной раз, восхитился мастерством и самоотверженностью наших полевых геологических асоводителей. Тогда же, в дороге, я впервые и услышал, именно, от Миши Поклонова, крамольное мнение, что «только полному идиоту, могло прийти в голову строить город посреди тундры, даже, не проложив к нему дороги!»

В экспедиции меня уже ждал приказ о назначении начальником вождеденного Нижне-Пегтымельского поисково-геофизического отряда (ПГФО). Первое серьезное сражение было выиграно. И, главное, почти без моего участия. Более того, на основе моих теоретических рекомендаций, параллельно, организовался и второй аналогичный отряд – Чаанайский, или Восточно-Чаунский, под руководством самого В.В.Краскова, с которым мы, таким образом, официально сравнялись, наконец, по рангу. Естественно, к его огромному неудовольствию. Более того, случилось, совсем уж, невероятное, мне, вдруг, выделили отдельную квартиру в нашем первом цивилизованном доме, на Обручева-15, и моим соседом, через стенку, оказался именно Виктор Васильевич Красков! Правда, «реномэ» его было быстро восстановлено – уже через месяц он переселился от нас в наш новейший дом «улучшенной планировки». А, нашим новым соседом стал тоже Витя, но, уже только, Мезенцев, с женой Тоней, которые, по иронии судьбы, в своё время, и выгнали нас, с моей молодой женой, из моей первой законной семейной комнаты в 70-м году. С Тоней же, у которой тоже, вдруг, прорезались серьезные учёные амбиции, нам и пришлось после этого дружить, по-соседски, еще долгие годы, но об этом, лучше, не вспоминать.

Но, наше переселение в «цивилизацию» запомнилось мне, однако, прежде всего, не соседями. И первое впечатление от нового семейного гнезда было достаточно унылым. Когда я после, ставших уже привычными «сталинских» 3.5-метровых потолков в старой квартире, зашел в новую свою «хрущевскую» комнату, захотелось пригнуться – двустворчатое окно в торце показалось амбразурой дзота. Проблемы

возникли даже с люстрой – гордость жены с подвесками заменила, в конечном итоге, плоская тарелка на потолке. И потаенные верхние полки на стеллаже перестали быть таковыми, поскольку, стали легкодоступны каждому, в том числе и дочери. За ней Клава слетала сразу же после первого благоустройства нового жилища. Света появилась повзрослевшая, самостоятельная, обиженная на родителей за то, что её на целый год «бросили» в Кораблино, но чрезвычайно довольная возвращению домой и, особенно, своей новой отдельной личной комнатой. И квартира стала нашей семейной базой до самого конца нашего пребывания на Чукотке. Она была символически счастливой даже серийной тройкой в своем обозначении 3-й подъезд, 3-й этаж, 43-я квартира, тел. 23-69 (23х3)! Потому, даже когда жена моя стала, вдруг, «хозяйкой города» и нас «общество», как и положено, по ночам, упорно, видело переселяющимися в новые «элитные» апартаменты мы, так же упорно, отсиживались в родной «малогабаритке» по адресу Обручева 15-43!

И, для меня началась совсем новая жизнь. Помимо благоустройства в новом доме, добавились и существенные хлопоты с дочерью. По разным причинам, она была вынуждена менять детские садики, один за другим, и мне приходилось, утром и вечером, мотаться за ней по всему городу – от РМЦ до Моргородка и Автобазы. Нормализовалось все только к её 5 годам, когда она попала, наконец, в наш центральный детский сад «Спутник», практически, рядом с домом, откуда уже и сама исхитрялась бегать домой, благо, с 6 лет, начала уже учиться в Музыкальной школе. Осложняли ситуацию и многочисленные командировки жены, неизбежные в её новой работе – инспектором РК НК. И нам, с дочерью, частенько приходилось хозяйничать дома вдвоём. Благо, отъезды жены длительными, как правило, не бывали – максимум, 2-3 дня, в пределах района. Но, как, вскоре, оказалось, тоже были весьма рискованными. Уже в начале зимы, они, с Сашей Сивцовым, своим старым штатным водителем и другом, отправились в очередную командировку на прииск «им XXII съезда КПСС», на Бараниху. Лихо по свежей зимней ледовой трассе, только что проложенной через Чаунскую губу. И, экономя время, самоуверенно, не стали ждать на Автобазе попутную грузовую колонну, как это было положено по всем, годами и многочисленными жертвами, отработанным, правилам техники северной транспортной безопасности. И сразу же были жестоко наказаны. Посреди открытой губы, вдруг, как часто и бывало, вздул свирепый ураганный «западник» и их шустрый «УАЗик» моментально застрял в свежем снежном перемете. Освободила их из снежного плена та самая грузовая автоколонна, от которой они так самонадеянно оторвались. Причем, головной «Урал» этой колонны едва не переехал «УАЗик» по крыше, настолько он уже был заметен. И много лет спустя, Саша вспоминал, со смехом, как они тогда пытались отогреться мороженой водкой, похожей на густую белую зубную пасту, которую приходилось резать ножом, как колбасу. Но, «смех» на этом, оказывается, не закончился. Ураганный ветер, как и положено, взломал лед на губе и дорога, соответственно, сильно осложнилась и удлинилась. В результате, Клавдия Гавриловна вернулась домой лишь через несколько дней и уже самолетом. А, Саша, с машиной, застрял на Баранихе еще больше, чем на неделю.

Впрочем, от этих командировок бывала и польза. Однажды, вернувшись, домой в неурочное время, я обнаружил на полу в прихожей мороженную оленью тушу. Оказывается, жена ездила с проверкой на совхозный забойный пункт. Оленину любили все, а в магазинах её, практически, не бывало, хотя в районе официально производили 1 800 тонн мяса в год – говорят, всё шло «на экспорт». Но, почти из каждого окна в городе свешивались целые гирлянды сеток-авосек с олениной –

мясо «доставали», а холодильников не хватало. У нас, тоже, любимым блюдом на ужин были мамины оленьи отбивные бефштексы, соответственно, туша на полу в прихожей стала праздником не только для всей нашей семьи, но и для друзей-соседей, успевших вовремя «присоседиться».

Но, основными моими заботами были, конечно, не домашние. Я получил, наконец, полную свободу в реализации собственного проекта, за который сражался несколько лет. И, она, вдруг, легла на меня совсем неждан-но-суровым бременем. Главное, я, неожиданно, стал начальником полевой партии. Это было мне, помнится, обещано, уже через 3 года, еще самим Ф.Э.Стружковым, при первом же нашем знакомстве, как верх моей полевой карьеры. А, за последующие 8 лет, судьба меня непосредственно свела с полным спектром наших полевых начальников – Романчук, Депарма, Коровкин, Мазенин, Бегунов, Загородний и, изначально, романтический ореол начальничьей должности для меня значительно потускнел. Начальниками, как правило, назначали профессионально не состоявшихся специалистов, максимально лояльных руководству. Несоответствующие этим критериям, особенно, последнему, главному, вроде В.Г.Романчука или Вадима Коровкина, обычно, быстро из экспедиции исчезали. Хотя, как я быстро убедился, работать начальником очень сложно, основной результат в поле обеспечивали, все-таки, ответственные исполнители старшие геологи. Потому, начальники партий, обычно, в процессе работ, поступали в их распоряжение, в качестве рядовых исполнителей. Из-за чего, в частности, возник, в основном, и наш памятный полевой конфликт с Мазениным в 72-м году, на Кусьвееме.

Однако, в нашем новом проекте ситуация была принципиально иной, не стандартной, полностью отличной от традиционной геологической съемки с попутными поисками, которым нас обучали в институтах. Это была принципиально новая, полностью оригинальная МЕТОДИКА освоения закрытых территорий и поиска древних погребенных россыпей, на основе площадных геофизических методов и комплексного морфоструктурного анализа. С бурением одиночных опорных «параметрических» скважин, вместо площадного разбуривания, принятого ранее. Мы её, с Валей Грушиной, за чаем, придумали, нам её предстояло и реализовывать. Но, я, ученик В.Е.Хаина, Н.И.Николаева и Н.П.Костенко, уже собаку съевший на движениях земной коры и структурных перестройках, был полным профаном в геофизике. Потому мне в партии нужен был не старший геолог, благо такого специалиста в ближайшем окружении и не было, а хороший старший геофизик. И, Валентина Владимировна, естественно, сама определила ко мне в помощники своего любимого супруга – Борю Грушина. К сожалению, уже весной это назначение стоило должности и ему и, главное, ей самой. А, самое неприятное, не без моего участия. Но, это уже особая история.

Борис был красивым коммуникабельным мужиком, но, к сожалению, весьма недалеким. К тому же, большим баламутом в пьяном виде. Я, сразу, обратил внимание, что коллеги-геофизики, относятся к нему, весьма, снисходительно, главным образом, из уважения к его жене. Это был, пожалуй, самый яркий случай среди наших профессиональных геологических семей, в которых жены откровенно доминировали над мужиками – Раевские, Депармы, Ефимовы, и т.д., заканчивая даже генеральской парой Лаштабег. Но, когда, Валя определила его ко мне старшим геофизиком, я воспринял это вполне нормально знал, что все необходимое за него, она сделает сама. На первом, возможно, самом сложном этапе – организации и первых пробных зимних работах – так оно и получилось. Она, практически, не вылезала из партии,

пока я был с головой занят, совершенно новыми для меня, организационно-хозяйственными делами. А потом случилось непредсказуемое. При окончательной выброске на основные полевые работы, в апреле 76-го, я оставил свою команду, с багажом, на нашей перевал-базе в аэропорту, у Вали Кемишкез, и отправился к диспетчерам добывать заказанный вертолет. Но, вернувшись через некоторое время к своим, обнаружил лишь, уныло сидящего на ящиках, хмельного Валеру Кудрю. Он и поведал мне, что они с Борисом выпили, как положено, «на посошок» и поругались – Грушин, страдавший, по-видимому, из-за жены, давним ущемленным профессиональным самолюбием, начал выкаблучиваться, изображая крутого начальника. И они едва не подрались. В результате, Боря «психанул» и отправился домой, в Певек, прихватив с собой и мой секретный спец-чемодан, оставленный под его присмотром. Последнее обстоятельство взбудоражило меня больше всего – секреты запрещено было возить общественным транспортом, а ответственным за них я был персонально. И ответственность эта была реально уголовной. Однако, Бориса я догнать так и не сумел, иначе, история могла бы закончиться, вполне, банальным полевым мордобоем-междусобойчиком, спускающим любые «пары». А в экспедиции меня встретила, буквально, разъяренная Валентина Ивановна Ташланова («Ташланиха»), бывшая секретарша самого «генерала» Ф.Э.Стружкова, только что вступившая в должность главной экспедиционной «секретчицы» - заведующей спец-частью, и потому чрезвычайно щепетильно относящаяся к любым, даже незначительным, нарушениям установленного «режима». Мои попытки «замять дело» - документы-то были на месте и я, их хозяин, вместе со спец-печатью, тоже, ни к чему не привели. Валентина была непреклонна – она уже доложила о нарушении «по инстанциям» и, в моих интересах, срочно писать официальную «объяснительную»! Пришлось писать очередной рапорт. В результате, на следующий день появился приказ я получил очередной строгий выговор, с предупреждением о служебном несоответствии, Грушин, за пьянку на производстве, понижен в должности до техника-геофизика, а, главное, своей должности главного геофизика экспедиции лишилась его жена - В.В.Грушина. На её место был назначен Юрис Хабибулович Ахмадиев, человек строго исполнительный и начальству предельно лояльный. А, карьера Грушиных на Чукотке на этом и закончилась – они уехали в Москву. И, думаю, здесь не обошлось без Валентины Андреевны Лаштабег – не могла она простить «сопернице» даже временного её профессионального превосходства и торжества. А, я, при этом, оставался единственным действующим автором методики комплексного геолого-геофизического освоения приморских низменностей и, теперь, единолично отвечал за её реализацию. И война наша... продолжалась. А, история с моими «секретами» вскоре получила, вдруг, неожиданное и еще более опасное, едва не катастрофическое, продолжение. И, вновь, в аэропорту. Но, уже на возвращении с первого полевого сезона. Нас, с вертолетной площадки, как и положено, подвезли к зданию аэропорта на автобусе. И, я, пока ребята, под руководством Коли Никитина, выгружались из него, побежал к телефону, чтобы вызвать из экспедиции дежурную машину. И, по возвращении, буквально, через несколько минут, сразу же воткнулся в стоящие обочью от основного багажа свои «секретные» чемоданы – «Корзина, картина, картонка – Товарищи, ГДЕ собачонка!?» Отсутствовала папка с картами и полевыми планшетами. Оказывается, её сунули за кресла в автобусе и, в спешке, забыли вытащить – автобус спешил под посадку пассажиров на регулярный рейс до Шмидта. И грузчики аккуратно загрузили нашу папку вместе с багажом пассажиров на борт и она... улетела на Шмидт. Это была полная катастрофа – я реально увидел «небо в крупную клетку». И

кинулся к диспетчерам, в последней отчаянной надежде задержать рейс и спасти свою злосчастную папку. Ребята были все уже достаточно хорошо знакомы – общаться с ними мне приходилось частенько. Более того, на смене оказался и наш старый семейный друг – Витя Белоусов - его жена, Люда, два года сидела в одном кабинете с моей женой, в Райкоме комсомола. На него у меня и была основная, хотя и весьма призрачная, последняя надежда. Но, Витя меня разочаровал – остановить и вернуть борт, находящийся в воздухе, это уже ЧП вселенского масштаба и никто на это не пойдет. И предложил мне единственный возможный выход. Он сам связался с улетевшим экипажем в воздухе и дружески попросил второго пилота проверить в грузовом отсеке багаж пассажиров, найти нашу утраченную папку и, не заглядывая в неё, под личную ответственность, занести её в диспетчерскую, по возвращении из рейса. Через 15 минут нам сообщили с борта, что папка наша, действительно, у них и через 3 часа будет в диспетчерской. За соответствующий «магарыч», естественно. И, я, несколько успокоенный, отправился, с засидевшейся своей командой, в экспедицию – разбираться с суровой Валентиной Ивановной. Но, она едва не хлопнулась в обморок, услышав мою историю и запричитала, по-бабьи, со слезами – «Ох, Сереженька, что ж ты со мной делаешь?! Не хочу под суд!! Не хочу в тюрьму!!» С трудом её успокоив, я попросил, до моего возвращения из аэропорта, ничего не сообщать об инциденте «по инстанциям», в её же собственных интересах. Она согласилась никому ничего не сообщать и ждать моего возвращения с материалами до 10 вечера. И я вновь, на той же дежурной машине, умчался в аэропорт, решать нашу с ней, уже совместную, судьбу. Благо, все обошлось благополучно, и мы, с Ташлановой, с этого времени, стали большими друзьями, связанные одной совместной «криминальной» тайной. Но, это уже были, просто, рядовые экстремальные будни, которые для меня и начались осенью 75-го, сразу после организации Нижне-Пегтымельского ПГФО. И своего первого пика достигли уже к новому году, когда я организовывал зимние гравиметрические работы. Для нас, полеви-ков, это было совершенно ново – начинать полевые работы с полярным рассветом, уже вначале февраля. А, до этого надо было выставить и обустроить соответствующую базу в тундре. И наши стандартные полевые палатки, естественно, для этого уже не годились. Пришлось в нашем дерево-обрабатывающем цехе (ДОЦе) заказывать деревянные передвижные жилые домики-балки. Для их транспортировки мне были выделены 2 трактора. Но, случилось стандартное для нас в те классические «совковые» времена - наломали кучу дров, а про спички ... забыли!! В последний момент выяснилось, что у нас нет... буксирного троса. На наших складах мне объяснили, что буксирный трос – дефицит, и каждый его метр выдается, только, строго, по прямому указанию самого начальника экспедиции. И это были, откровенно, чьи-то недружественные происки. Я освирепел и, в полном полевом снаряжении, буквально, вломился в кабинет Лаштабега. Хватило 5 минут бурной неллицеприятной беседы, чтобы Виктор Иванович подвел итог исторической для меня фразой,

- Сергей Львович! Мне нравится Ваша работа, но, мне не нравится - КАК Вы работаете!!

- Виктор Иванович! Вам решать, что Вам важнее – форма или содержание!! - отвечал я. После чего он позвонил Б.И.Белану и приказал не только немедленно выдать мне необходимые 5 м буксирного троса, но и впредь, под личную ответственность, обеспечивать меня в приоритетном порядке. И мы, с Борисом Илларионовичем, стали после этого лучшими друзьями. В результате, на базе у нас вскоре оказался, единственный на всю нашу тундру, передвижной командирский

металлический вагон, а у меня, лично, - уникальный спальник-пуховик, по разнарядке положенный только высшему руководящему составу экспедиции. Тогда же начал складываться и наш разномастный, но, достаточно дружный, новый коллектив. И первым, как ни странно, в него вписался тракторист Коля Хоминятыч, который, собственно, первым и начал «бучу» вокруг отсутствия буксирного троса. А, окончательно, я оценил его уже при первой же нашей полевой выброске. Выброска была уникальной, - в полярной ночи, при свете полярного сияния. Я сам себя зауважал, когда выставил балки на нужное место в кромешной тьме, в бескрайней белой пустыне. Просто я уже знал СВОЮ тундру настолько, чтобы ориентироваться в ней, буквально, с закрытыми глазами. И, по прибытии на место, мы, как положено, по извечной традиции, отметили начало нового полевого сезона. Колька оказался слаб на алкоголь и, уже после нескольких его глотков, захмелел, упал и заснул мертвым сном. Сказалось, естественно, и двухсуточное предельное изматывающее напряжение в дороге. А, за стеной балка равномерно гудел на холостых оборотах его трактор. И, вдруг, в его равномерном привычном рокоте послышались перебой. Реакция мертво спящего пьяного тракториста была мгновенной и, поистине, изумительной – он моментально поднялся, внимательно прислушиваясь к тому, что происходит за стенкой. Глаза его были совершенно трезвые, напряженно-озабоченные и чувствовалось, что трактор свой он воспринимает, как неотъемлемую часть своего собственного организма. И, стоило двигателю вновь набрать привычные обороты, колькины глаза пьяно замутились, и он опять заснул мертвым сном, будто и не просыпался. После этого Коля Хоминятыч на два года, на своей неизменной «накрученной соточке», стал моим надежным «коньком-горбунком» в тундре – моим дежурным разъездным рабочим лимузином, наподобие, генеральской «Волги» в экспедиции. Благо, Николай был виртуозным тундровым асом, совершенно безотказным и очень ответственным человеком. Лишь раз, в середине первого сезона, после суток нашего мотания по тундре, он вдруг заявил мне,

- Львович!! А, у меня ведь 8-часовой рабочий день давно закончился, однако!!

- Нахал, ты, Колька! - ответил я, - Великолепно, ведь, знаешь, что у нас, в поле, официально, рабочий день - световой, а наряды и доплату за переработку я сам тебе выписываю-закрываю и ты получаешь, в результате, втрое больше меня, начальника партии, который с тобой, практически, не расстается, а, отвечать вынужден за все, в том числе, и за тебя-дурака!! - И, я, решительно отодвинув его в угол, сам взялся за рычаги.

- Извини, Львович! Глупость сморозил! Просто, пошутить захотелось, для бодрости духа! – услышал я через несколько минут,

- Давай, я сам поеду, а то, ведь, обязательно, влетишь куда-нибудь – тут тундра коварная!!

Больше инцидентов у нас с Николаем не возникало никогда, до самого конца нашей совместной работы и близкого семейного знакомства, до самой его трагической гибели во льдах, в той самой, нашей альтернативной, Шельфовой ГРП. Он даже там, до конца, так и не бросил свою любимую «соточку» и ушел под лед вместе с ней! Вечная память!! Чудесный был человек и настоящий МУЖИК!!!

С Хоминятычем связана и еще одна памятная и, даже, вполне символичная для нашего тогдашнего общества история. Летом второго года работ, когда мы стояли на месте моей первой памятной базы, на п-ве Аачим, на берегу чудесного рыбного озера, со всех сторон окружен-ные морем, Николай привез с собой на каникулы своего уже вполне взрослого

сына, лет 12-ти. Парнишка был чудесный, полностью самостоятельный и нам, в работе, нисколько не мешал. И, однажды, в шутовой беседе, но с полной серьезностью, выдал нам абсолютную истину, которая, как известно, часто и «глаголет устами младенца». У него, в шутку, спросили – кто он по национальности?

- Русский! – не задумываясь, с некоторым удивлением, ответил он.

- А, отец у тебя кто?!

- Белорус!

- А, мамка?!

- Белоруска!

- Ну, и кто ж ты, в таком случае?!

- А, я РУССКИЙ!!! – констатировал Витя твердо.

Все присутствующие дружно расхохотались, но парнишка был абсолютно серьезен и, в принципе, абсолютно прав – мы все тогда были чисто русскими. И чистокровный еврей Фишкин, и осетин Тибилев, и «бандера» Ляхович, и экзотический манчжуро-китаец Шанхиза, и братья-татары Бинеевы, и узкоглазый казах Булеев, и якут Игнатьев, и местный чукча Володя Омрыгыргын, и латыш Полэ и финн Хюппенен – ВСЕ были одинаково и однозначно... РУССКИМИ. И обзови кого-нибудь, ненароком, жидом, хохлом или чуркой-татаринком, можно было легко, в запале, и по морде схлопотать. И тут сразу вспоминается легендарный ответ Александра II французскому посланнику на одном из официальных приемов, на его саркастическое замечание относительно многочисленной разноплеменной свиты при русском дворе,

- А, где же здесь русские, Ваше Величество?! – с удивлением спросил он.

- А, вот ВСЕ ВМЕСТЕ, мы и есть – РУССКИЕ!! – не задумываясь, ответил Император.

Но, тогда, конечно, национальный вопрос нас совсем не занимал и, если и обсуждался, то, разве лишь, в шутили-во-ироническом плане. Главным было, все-таки – кто, что и как умеет делать. А дело у нас было сложнейшее, особенно, для меня, чистого геолога-съемщика. Геофизические методы для нас всегда были сугубо вспомогательными, основным был лишь прямой реальный каменный «факт-мат». И геофизику мы всегда знали, в основном, чисто теоретически, используя отдельные методы, лишь для уточнения полезной информации. Валентина Владимировна своим комплексом, буквально, перевернула все с ног на голову – в нем прямые геологические наблюдения лишь уточняли и корректировали данные геофизики, потому даже буровые скважины проектировались, к примеру, лишь, как «параметрические». Но, для полноценной интерпретации результатов комплекса необходим был, все-таки, профессиональный геолог, потому я и оказался, к вящему своему удовольствию, во главе проекта. А, чтобы жизнь мне медом не казалась, меня нагрузили еще и организационно-хозяйственными обязанностями. И это были уже не только наши традиционные полевые геологические лотки, молотки и палатки. В экспериментальном раже, Валя включила в комплекс, в дополнение к основной гравиразведке, ещё и, практически, все виды доступных наземных геофизических методов – в первую очередь, электроразведочных (ВЭЗ, ДЭЗ, ЕП, ВП). И, все они требовали соответствующего, достаточно, громоздкого и дорого-стоящего оборудования. В результате, уже к весне я стал, наверное, первым нашим полевым «миллионером» - на моем подотчете числилось уже материалов и оборудования более чем на 1.5 млн.руб. – гигантская, по тем временам, сумма.

Но, главным, конечно, был уникальный метод площадной высокоточной гравиразведки. Ранее он у нас не применялся и был мало

знаком, не только мне, геологу, но и самим геофизикам. И, как оказалось, - суперсложен технически. И главными были не только высокая точность, непривычная нам, полевикам. Но, и чрезвычайная хрупкость, да и капризность приборов - гравиметров, хотя сами ребята-геофизики небрежно называли их «ведрами». Но, эти «ведра» перевозились только в специальных контейнерах, подвешенными на мягких пружинах, и требовали постоянной отрицательной температуры, потому и использовались лишь морозной зимой. Потому и мы оказались в тундре уже с полярным рассветом - в конце января. А уже в начале февраля в тундру, на лыжах, с приборами, ушли наши топографы - старый тундровый зубр Вася Волинец с молодым помощником - Витей Шкодиным, погибшим, к сожалению, уже через 5 лет, на следующем же таком же нашем проекте, на Нижней Раучуа. Топографы разбивали высокоточную детальную сеть пикетов на площади больше тысячи кв. км, «посаженную» на официальные пункты государственной триангуляции. Работа, особенно, в полярной ночи, архисложная. А, следом, так же, на лыжах, отправлялись и геофизики со своими сверхнежными и капризными «ведрами». И, посмотрев на их работу, я понял, что наши, самые сложные геологические маршруты, в сравнении с ней, большей частью - туристические прогулки! Для этой работы, действительно, требовались только молодые, здоровые и, главное, увлеченные и очень ответственные ребята. Тогда же и прозвучала у нас впервые, за одним из вечерних столов, позже знаменитая, присказка - «Было у матери 3 сына - двое умных, а третий - геофизик!» Основным исполнителем этих, поистине, героических и новационных работ, у нас, неожиданно, оказался совсем еще юный, но очень энергичный и амбициозный, техник-геофизик Валера Кудря. Он не был еще полноправным геофизиком только поступил в заочный ВЗПИ, в Москве, но, уже к весне, поставил на место самого Борю Грушина, при всем великом и, даже трепетном, уважении к его жене. И быстро завоевал абсолютный авторитет, даже у стариков. А, непосредственно, наблюдать за его работой мне довелось уже летом, на ВЭЗах. За прибором сидела его студент-ка-дипломница, из Владивостока - Наташа Сатьянова, чудесная девушка, с которой мы потом, несколько лет, заочно близко дружили. Валера же руководил рабочими, которые тянули «разносы» - километровый провод-кабель со штырем-электродом на конце. Тянули по профилю, от пикета к пикету, строго в направлении финишной высокой рейки с флажком. И, вдруг, начали отклоняться, забирая влево, как и положено, когда теряешь ориентировку. Валера, естественно, забеспокоился, попытался криками направить рабочих по верному пути, но расстояние было уже слишком велико - ребята не понимали, чего от них хотят и продолжали все больше забирать в сторону. Тогда Валера, в запале, с такой силой дернул на себя кабель, что оба рабочих, с натугой протягивающие его на плечах, ковырнулись с ног, но, поднявшись, упорно продолжили движение в сторону от профиля. Кудря освирепел и с пронзительным воплем «Вашу мать!!!» гигантскими прыжками кинулся им вдогонку. Все, присутствующие, дружно расхохотались, а, Валера, просто привычно, энергично и ответственно, делал свою работу и, естественно, крайне на ней выматывался, засыпая, бывало, прямо на ходу. Однажды, уже на Аачиме, я обнаружил его спящим прямо возле проруби, с опущенной в ледяную воду рукой - он пытался половить рыбу - к пальцу утонувшей руки была привязана леска с крючком! Валера очень быстро рос профессионально и набирал авторитет и, именно, он, через несколько лет, окончив Заочный политехнический институт, заменил меня на проекте, в качестве начальника, когда мы работали уже на Нижней Раучуа. А, пока, юный проект требовал и юных исполнителей. И у нас появился молодой геофизик - Коля Грязев -

большой, по подростковому, несколько неуклюжий и внутренне подзажатый, очкарик, откровенно стесняющийся своего некоторого косоглазия. И непосредственен, как ребенок. Из первого же своего увязочного маршрута, который ему доверили – увязка проводилась между основными рабочими профилями – Коля прибежал в большом волнении и, не успев скинуть лыжи, сообщил, что встретился с белым медведем, потому не сумел доработать двух пикетов.

- Следы гигантские, - рассказывал он эмоционально, широко разводя руки в стороны, - Вот такие!! И я, не выдержал – побежал!! Бегу, оглядываюсь, а они всё за мной идут!!

- Кто?! Медведи!!

- Да, упаси Бог, – только следы!!!

И все дружно расхохотались, в том числе, и он сам.

- Слава Богу, хоть прибор не потерял! – рассудочно заметил Кудря, - Хотя, теперь, все равно, его снова эталонировать надо! Своей непосредственностью, добродушием и мягкой деликатностью, - качествами достаточно редкими для суровых, сугубо практичных полевиков-тундровиков, - Коля быстро располагал к себе. А меня особо, поскольку он был внешне отдаленно похож на моего отца в юности, которого я знал по старым семейным фотографиям. Но, эти же, мягкость характера и некоторая нерешительность в определении собственной линии, помешали Кольке, не смотря, на его достаточно высокие профессиональные качества, серьезно продвинуться по служебной лестнице и он так и остался навсегда на вторых ролях, как говорится, - лишь «на подхвате», к сожалению. Хотя коллегой-помощником всегда был надежнейшим.

Вскоре у нас появился и другой, такой же, молодой геофизик – скромно самоуверенный красавец и пижон – Серёжа Калинин, которому, к сожалению, не смотря на его амбиции и профессиональные данные, тоже ничего особенного добиться в экспедиции, практически, не удалось, кроме, разве что, очень красивой семьи, к счастью! А командовать нашим молодым геофизическим содружеством, после ухода Бориса Васильевича Грушина, был назначен Коля Никитин, мягкий, интеллигентный человек и тоже мой ближайший сосед по новому дому – жил этажом выше. Но, к сожалению, специалистом он оказался больше кабинетным, во многом схожим с Сережей Бегуновым, и надолго у нас не задержался. И, из полевых воспоминаний, с ним связанных, в памяти осталась, лишь, редкостная для меня, охота на уток-морянок в открытом море у п-ва Аачим, едва, по его вине, не закончившаяся для нас трагически. Охота, вообще, никогда не была моим увлечением – всегда жалко убивать животных, даже ради пищи, даже на пойманную рыбу чаще смотрел с сочувствием, чем с радостью. А мелких уток-морянок, как известно, вообще, практически, не едят – они сильно пахнут рыбой. Но, нам, согласно памятного приказу Лаштабега о нашем приоритетном снабжении, была выделена, уникальная для полевиков, дюралевая мореходная лодка «казанка» с мотором и нам, естественно, хотелось её испытать. Тем более, что над морем, как комары, кружили тучи уток, а Коля, как «истин-ный тундровик», захватил с собой в поле и дробовое ружье. И, «разогнав ребят по участкам», мы с ним отправились на охоту. Хотя «охотой» это можно было назвать, лишь, с большой натяжкой, конечно. Я сидел на корме, «на моторе», а, Никитин, с центральной скамьи, просто палил дуплетами в небеса, практически, не целясь, и утки, вразной, плюхались вокруг в воду из черной галдящей тучи над головой. Разогнав стаю, мы развернулись, чтобы собрать плавающую на воде добычу. И тут, едва не произошла беда – потянувшись через борт за очередной уткой, Коля, едва, не опрокинул лодку – она даже черпанула

воду правым бортом, и я едва успел выровнять её резким левым разворотом. После чего уже решительно направился к берегу, не обращая внимания на оправдания и сожаления своего спутника. Достаточно далекий уже берег, практически, не оставлял нам ни малейших шансов на спасение, в случае повторной, но менее удачной, аварийной ситуации и большинство наших трофеев я предпочел оставить на корм морской плотоядной живности. Лодку же, после этого приключения, я, практически, законсервировал – мореходы из нас оказались уж слишком никудышними.

А, на смену Никитину, к нам пришел настоящий полевой «зубр» - Владимир Иванович Шанхиза – человек не многословный, несколько странноватый, начиная со своего неопределенного китайско-манчжурского происхождения, но пользующийся всеобщим уважением, если даже не любовью. Показательным было уже первое же наше полевое знакомство. По реке на нерест пошел голец, и первую же пойманную рыбку решено было, по давней традиции, съесть «живьем». Но, Володя только поморщился и, заявив, что сырую рыбу он не ест, демонстративно расположился на своей постели с книжкой в руках. Но, когда на столе оставался последний, как известно, самый сладкий кусок, через мое плечо протянулась, вдруг, длинная шанхизина рука и он исчез, под дружный хохот всех присутствующих. Шанхиза же только удовлетворенно заурчал в ответ. И, работу свою полевую он начал не стандартно со строительства персональной передвижной палатки по собственному оригинальному проекту. Большая 6-местная палатка, поставленная на полозья с высоким флагштоком над крышей, стала настоящим фирменным знаком нашей нестандартной партии. Она была многократно легче балка-домика и стала настоящей передвижной базой для электроразведчиков на летних работах. Володя был и неизменным участником всех, достаточно бурных и многочисленных наших домашних геофизических «посиделок», обладая уникальной способностью всегда оставаться иронически и рассудительно-трезвым. Дело в том, что, практически, после каждой выпитой рюмки, он, неизменно, на несколько минут засыпал, а очнувшись, снова был «как огурчик», что вызывало постоянные незлобивые и завистливые шутки в его адрес и почетное прозвище – «хитро-мудрый Шанхиза». И, именно, потому, он оказался первым, кому я передал руководство отрядом, вместе со всем моим безразмерным «подотчетом», перед отъездом в отпуск, в 78-м году, после защиты нашего основного отчета. Но, пиком нашего полевого благополучия был, все-таки, практически, собственный вертолет на базе. Наша наземная гравиразведка должна была быть посажена на государственную сеть, и для увязки использовался Ми-4, который и базировался у нас по несколько дней подряд. С летунами у нас всегда были самые теплые отношения и экипаж жил у нас, естественно, с максимальным полевым комфортом. Некоторым, по-юношески, высокомерным гонором выделялся лишь младший из троих совсем молоденький парнишка борттехник Витя, что вызывало лишь снисходительно-иронические улыбки у его старших товарищей. Но, один разговор с ним мне крепко запомнился характерным он уже был для новой молодежи того времени. Когда я, по-дружески, поинтересовался, собирается ли он дальше учиться, он лишь, с высокомерным удивлением, глянул на меня и сверху вниз ответствовал, назидательно, как пацану-несмышленишу

- А, зачем?! Ты, вот, сколько учился?! 6 лет?! А, я 6 месяцев!! И сколько получаешь?! 600?! А, я 1200!! И надбавки всякие!! На кой впустую время тратить, ежели, и так деньги нормальные платят!! В ответ оставалось только руками разводиться и со старшими иронически перемигиваться. С этим же экипажем мы и совершили, помнится, исторический полет над

Чукоткой ... за водкой! В котором мне, даже, повезло, некоторое время, посидеть в воздухе на месте 2-го пилота. А случилось все совершенно естественно и непроизвольно. Однажды, на вечерних посиделках, вдруг обнаружилось, что мои неприкосновенные «начальничьи» запасы спиртного резко истощились, на что командир экипажа заметил, небрежно, – «Эка проблема!! Слетаем утром на Биллингс – отоваримся!!» Но, в совхозе водки не оказалось – чукчей, особо падких на алкоголь, особо и оберегали от него, тем более, летом. И мы полетели на Майский, потом, на Быстрый, потом на Чаанай и Айон. Большие поселки, с аэродромами, мы облетали стороной, на бреющем, чтобы наше несанкционированное блуждание по району не засекали в Апапельхино – летуны опасались лишних вопросов от своего начальства. Но, когда мы не нашли желаемого и в Айоне, я сам предложил сесть прямо в городе, у нашего родного 10-го магазина на Полевиках. Благо, прямо у его входа еще сохранялся шикарный тундровый пустырь, удобный для посадки вертолета. Летунов подобная наглость даже восхитила, но возвращаться «не солоно хлебавши» было бы даже позорно, да и лететь домой предстояло уже, практически, через Певек. И уж, в своем «родном» магазине нас, наконец, и «отоварили» по полной программе, на всю, имеющуюся, наличность – ящиком водки и свежими огурцами-помидорами. Уходили из города, как и положено истинным диверсантам бреющим полетом, прямо над волнами, вокруг Шелагского мыса, к себе на Аачим. Так весело мы, бывало, жили за 500 км в магазин за водкой «бегали»!! На фоне этого, непривычного еще для нас, полевииков, технического изобилия, совсем уж анахронизмом смотрелись наши старые полевые трудяги и помощницы – лошадки. И 1976 год стал их последним полевым сезоном в экспедиции. За год до этого была ликвидирована наша большая коне-база на знаменитом озере Эльгыгытгын, чукотской легенде, воспетой, в том числе, и О.Куваевым в своей «Территории» и рассказах. Сильно сократившийся косяк разместили в тесноватой конюшне на экспедиционной промтехбазе - на 4-м км. Там мы, с Володей Ляховичем, вновь назначенным ко мне геологом, и отобрали, хотя и не без труда, двух наиболее симпатичных лошадок. В процессе погони за ними, мой, уже хорошо, наметанный на золото глаз, заметил на полу конюшни, среди конского навоза, блестящее обручальное кольцо. А, когда, я, с радостью, показал находку Ляховичу, то выяснилось, что это, именно, он его и потерял только что, пытаясь обуздать лошадку. Это происшествие дополнительно скрепило наши старые дружеские узы, хотя, к сожалению, и ненадолго. Но, об этом разговор особый. А, лошадки, которых мы привезли, все-таки, с ним на нашу базу, так-таки, у нас и не прижились, к сожалению. Я намечал использовать их в своей старой буровой бригаде, где ребятам приходилось перетаскивать достаточно тяжелую конструкцию с установкой УПБ-25, сооруженную Юрой Назиным, вручную. Но, начался паводок, и переправить лошадей через вздувшийся Пегтымель, в долину Кысакваама, не удалось. Тогда их попытались использовать, для своих дальних переходов с приборами, топографы, но даже старый тундровик Вася Волынец обуздать их не сумел, а старые опытные лошадики – бичи-сезонники, к этому времени уже, практически, перевелись – рабочими в партии были, в основном, молодые неопытные ребята. И, лошадки, оставшись, практически, без призора, через некоторое время с базы, просто незаметно, исчезли. Благо, это, впервые, не имело и для меня никаких ни административных, ни финансовых последствий, поскольку все, оставшееся в экспедиции лошадиное поголовье, было той же осенью с её баланса просто списано. Конюшня на 4-м была ликвидирована, а единичные сохранившиеся коняшки всю последующую зиму ковырялись в городских помойках, в поисках пропитания. Так, к сожалению, бесславно,

и закончилась славная лошадиная эпоха в геологическом освоении Чукотки, оставшаяся лишь в памяти старых тундровиков-полевиков, да на пожелтевших фотографиях этих красивых, трудолюбивых и, главное, в отличие от нас - «человеков», действительно, благородных животных. Но, лошадки были и некоторым олицетворением, что партия наша была, все-таки, в первую очередь, классической, геолого-поисковой, а не чисто геофизической, как казалось снаружи. Потому и именовалась официально ПГГФО Нижне-Пегтымельский поисково-геолого-геофизический отряд. И это было принципиально, потому, я – геолог, и определял её работу. И ребята-геофизики воспринимали это с полным пониманием, чего нельзя было сказать, в полной мере, о моих прямых коллегах – геологах. И, в первую очередь, со стороны Володи Ляховича, которого, изначально, намечали назначить в отряд на должность старшего геолога, чему я, по многим причинам, категорически, воспротивился. И он остался лишь геологом, чем был, естественно, весьма обижен, хотя обиду свою и скрывал тщательно – парень был, все-таки, врожденно дипломатичен. Хотя и самолюбив. Но, находился под откровенным влиянием нашего, единственного в экспедиции, честолюбивого кандидата наук и, соответственно, был небрежно снисходителен к моим палеорекострукциям и прогнозам. Потому я и не дал Володе должности старшего геолога партии – мне не нужен был полноправный оппонент внутри коллектива – их у меня и извне было с избытком. Но, внутренний конфликт между нами все-таки прорезался и, в достаточно резкой форме, уже к середине первого же сезона. На первой же опорной сверхглубокой параметрической скважине, которую я сам тщательно выставлял для заверки своих расчетных реконструкций, он откровенно схалтурил при документации разреза. По моим расчетам, скважина должна была вскрыть, под толщей молодых отложений дельты р. Пегтымель, древние палеогеновые русловые галечники Пра-Кысакваама. Но, Ляхович только равнодушно пожал плечами,

- Галечники, они и есть галечники – какая разница?! Золота-то в них, все равно, нет!!

- А, что здесь было в ПАЛЕОГЕНЕ, тебя, как геолога, совсем не интересуется?! – освирепел я и, по старой доброй полевой геологической традиции, сразу двинул ему в челюсть. «И, тогда я сказал – Капитан,» словами сверхпопулярного тогда Высоцкого, - «никогда ты не станешь майором!!»

Т.е. – не быть тебе, Володя, старшим геологом, по крайней мере, в моем отряде – это точно! Больше мы совместно уже никогда не работали. И лишь через 13 лет, в 89-м, как я уже рассказывал выше, он, все-таки, официально признал, что был не прав – просто, по недомыслию, с чужой подачи, «ставил мне палки в колеса». А, я, после этого инцидента, до конца своей деятельности в экспедиции, так и работал всегда без старшего геолога в отряде, даже в последнем своем, уже чисто геолого-съёмочном Гытченском ОГГС на Кувете, что стоило мне, на прощанье, даже, кляузного официального письма из экспедиции в ЦНИГРИ за подписью самого Геннадия Николаевича Сутугина, как новоиспеченного «генерала» по иронии судьбы, ровно через 20 лет, после известного инцидента в «День геолога» 69-го, на котором я, ненароком, дал ему «в зубы» на крылечке «Северянки». Но, это было уже... «в будущем»! А, тогда, в 76-м, Геннадий Николаевич, еще только «рос» и был еще, просто, всем улыбающимся, Гешей. Моё возмущение тогда было совершенно естественно. Кысакваам был моей основной поисковой надеждой и ключом к разгадке многих местных природных загадок и, подобное небрежение со стороны основного своего помощника, я, конечно, стерпеть не мог. Его основную долину мы тщательно обследовали еще в 73-м, с Загородним – из неё и

выходили памятным «снежным маршрутом». И в новом проекте я заложил серию поисковых буровых линий, своим любимым УПБ-25, в нижней её части, в надежде, все-таки, выявить в ней перспективное золото. Участок оказался «на отшибе», в отдалении от базы, к тому же, и отрезан рекой, которая, как всегда, не вовремя вскрылась, почему я и лошадей на него переправить не сумел. Но, у нас, впервые, появились в поле мобильные рации, потому за участок, в целом, я был спокоен. Тем более, что работой на нём, уже привычно, командовал надёжнейший и проверенный Юра Назин. И опыт подобной работы у нас уже был – разбуривание пляжа под Биллингсом в 30 км от базы, да, к тому же, и безо всякой связи, еще в 72-м году, при Мазенине. Ну, а начальником участка оказался молоденький техник-геолог – Саша Прохоров. Он-то, по неопытности, и устроил нам первый в сезоне «сабантуй» и, именно, в эфире! Аккуратный и ответственный трудяга, Юра Назин, начал бурение, не дожидаясь окончания весеннего паводка. И, в первый же день работы, на сеансе связи, Саша, буквально, захлебываясь, завопил в эфире, – «ЗОЛОТО!!!» Моя первая реакция была достаточно спокойной и, вполне, адекватной – золото я, в принципе, и ожидал. Но... Прохоров сообщал о каких-то совершенно невероятных его количествах и содержаниях, чего ожидать было, все-таки трудно. Я попытался успокоить парня, но он был уже в полной эйфории, как и я, помнится, когда лично намыл свое первое настоящее золото в 67-м году. Главное, его восторженные вопли в эфире могли дойти и до экспедиции, а мне совсем не нужны были лишние разборки с руководством по поводу «нереализованных перспектив». И я запретил ему выходить в эфир до моего приезда на участок – данные нужно было проверить срочно и лично. Но попасть на участок было совсем не просто – был самый пик паводка, и надо было подняться по бурной реке не меньше 30 км, а специально заказывать вертолет мне не хотелось, чтобы не афишировать в центре наши проблемы раньше времени. «Своего» же, уже родного МИ-4, у нас тоже уже не было – зимняя «гравика» закончилась до следующей зимы. И мы, с Ляховичем, решили впервые испытать нашу новую «казанку» в реальных экстремальных полевых условиях.

До устья Кысакваама мы добрались, хоть и не без труда, но и без особых приключений – лодка, все-таки, действительно, была мощная. А, вот подняться на ней по бурному, перекастистому, Кысаквааму, оказалось уже невозможно. Пришлось лодку, с рабочим, оставить в устье и далее, еще с десятков километров, подниматься по долине пешком. Наше появление вызвало на участке бурный восторг и удивление – хозяева, наблюдая за паводком, никак не ожидали увидеть меня столь скоро. И, Саша, даже забыв напоить нас чаем, сразу же начал хвастаться своим обильным золотом. В его аккуратных капсюлях, действительно, был достаточно богатый желто-бурый шлик, но это было, что угодно, но только не золото, к сожалению, о чем я ему, с грустью, и поведал. Меня поддержал и Юра, по-хозяйски, разливавший нам чай,

- Я ему, Львович, сразу сказал, что это не золото, а, всего лишь, «сармайт» с коронок! Но, он ведь начальник – ему виднее! – добродушно ворковал он, с улыбкой, Грунты здесь тяжелые, коронки крошатся, боюсь, имеющихся, нам до конца работ не хватит заказывать надо!

Сармайт – медистый твердосплавный припой для крепления победитовых буровых коронок – действительно, внешне отдаленно схож с золотом, особенно, в шликке. На чем Саша и попался. Но, наметанный глаз, конечно, отличия видит сразу. Да, и существует классический способ выявления золота среди любого минерального мусора, известный любому технику – прокаливание в металлическом совочке. О чем я Саше и напомнил. И прокалив первый же шлик на примусе – показал ему, что в

нем, всего лишь, несколько зерен настоящего золота. Парень был в шоке, но эйфория его на этом закончилась. Хотя, золото, все-таки, в долине было, и это радовало и вселяло надежду. Вот так мы и открывали-закрывали месторождения. А потом, на них объявлялась, вдруг, сразу целая толпа «первооткрывателей»! Но, самым печальным в этой истории была дальнейшая судьба моего, действительно, дорогого «первооткрывателя» - Юрия Ильича Назина. К, сожалению, 76-й, был последним годом нашей совместной работы. Наши, с ним, успехи в использовании, всеми списанной, установки УПБ-25, неожиданно возбудили наше руководство к творчеству, и было, вдруг, решено создать целую структуру по её использованию. В экспедицию завезли не менее 10 новых установок и Юру у меня забрали, как главного специалиста по их эксплуатации. Но, классический наш тогдашний формализм и разгильдяйство, развалили дело даже до его начала – оно свернулось, практически и не начавшись – новые установки быстренько «списали», а Юру уже через год нашли мертвым на отвалах прииска «Комсомольский», который он и приехал, с энтузиазмом, строить на Чукотку, в 1959 году!! Одна из многочисленных жертв нашего тогдашнего параноидального режима. И даже не скажешь – «Земля ему пухом» - только ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!!! А, тележки, на резиновом ходу, из-под списанных, так и не использованных установок, потом еще много лет использовались на наших складах для перевозки ящиков!! С каждым годом, всё вспоминается, всё с большим трудом, - остаются только эпизоды и детали, иногда, даже мало связанные между собой. Приходится, уже, иногда с трудом, увязывать их между собой. А, первый мой, полностью самостоятельный проект, запомнился, главным образом, большим душевным подъемом, определяющим, поистине, неиссякаемую энергию, понуждавшую меня быть одновременно везде, во всем непосредственно примать участие и всё контролировать лично. Потому, с удивлением, прочел в аналогичных воспоминаниях Виктора Васильевича о тех же годах и его, параллельных с нами, аналогичных работах на Чаунской низменности, где ему, по его призна-нию, практически, нечего было делать, кроме как, - «гонять зайцев по тундре»! У меня, наверное, еще не хватало руководящего опыта – я, просто, не умел еще достаточно доверять людям, что, естественно, сказывалось и на личных взаимоотношениях. И если, геофизикам мне приходилось доверять по-определению – своей квалификации не хватало, то с геологами было сложнее – они у меня не задерживались. На смену Ляховичу, к нам пришла совсем молоденькая девчонка – Наташа Дренблюгина. Меня больше всего устраивало в ней то, что она изначально специализировалась на палинологии, т.е. на детальной стратиграфии кайнозоя. Хотя, по большому счету, мне это особых дивидендов не принесло – отношения у нас и с ней... не сложились. Практически, сразу, по окончании полевого сезона, она уехала в Магадан и поступила в специализированную кайнозойскую группу СВТГУ – Екатерины Ивановны Спорыхиной, с которой у меня уже были, хотя и заочные, но уже, достаточно, нестабильные, отношения из-за моих, слишком смелых, на её взгляд, возрастных реконструкций. А она была общепризнанным, вплоть до Москвы, едва не абсолютным, авторитетом и куратором в этих вопросах по Северо-Востоку. Получалось, что у меня, вновь, оказался засланный «казачок», хотя тогда, конечно, мне это и в голову не могло прийти. Девочка была аккуратная и исполнительная, но, чисто, домашне-кабинетная, абсолютно, не привычная к полевым условиям, - на базе она, едва не ежедневно, требовала у нашего услужливого завхоза – Валеры Перова, топить баню, а в маршрутах – едва не тундру вокруг палаток поливала одеколоном для дезинфекции. Восторга это, конечно, ни у кого не вызывало, и постепенно нарастало

отчуждение. Поэтому, я оставлял её со студентом на разрезах, а сам уходил в многодневные маршруты, с ночевками по бригадам геофизиков, в том числе, и в знаменитой передвижной палатке Шанхизы. А, там работала студентка-дипломница из Владивостока - Наташа Сатьянова, чудесная умненькая девушка, к тому времени, уже даже замужняя, кстати, но, к сожалению, с трагической дальнейшей судьбой. Судьба её - история особая, а, дружба наша тогдашняя, тоже, к сожалению, - была лишь дополнительным стимулом для все большего отчуждения с моей основной геологической помощницей. Осложнения возникали и с основным поставщиком наших геологических данных - параметрическим бурением. Но, буровая бригада мне, естественно, не подчинялась, работая от Кэвеевской ГРП, под руководством Фишкина. И главная проблема была в том, что буровики работали «сдельно», зарабатывая на пройденных погонных метрах, и на разведке, в привычных, практически, стационарных условиях разведучастка, обычно, «зашибали» вполне достойные деньги, получая еще и надбавки «за золото». А, единичные «параметрические» скважины все это, практически, исключали - забот и хлопот было много, - только перебазировки со скважины на скважину отнимали едва не половину рабочего времени, - и сидели они, практически, «на окладе». Потому, работы наши были большой обузой, как для ГРП, в вопросах снабжения и техобеспечения, так и для самих буровиков, и сплошной головной болью для Анатолия Ефимовича, обязанного обеспечить качественную документацию и опробование скважин. Он сам регулярно навещался в бригаду, но техники-геологи в ней надолго не задерживались и мне, соответственно, работать было, практически, не с кем. Но, в целом, ребята работали хорошо, с энтузиазмом, и даже весело, как и положено настоящим мужикам-профессионалам, на пределе физических и технических возможностей - сам потом слышал, как они хвастались, в своём кругу, какие уникальные, сверхглубокие, скважины они «долбали»! Ну, а «нытики» и «слабаки», естественно, быстро пролетали мимо - наша профессия таких не терпит!! А, вообще, Нижне-Пегтымельский полевой сезон оказался самым длинным в моей профессиональной жизни - растянувшись, фактически, почти, на 2.5 года, с небольшими перерывами. И дома, в семье, я бывал, лишь, в гостях - наездами, даже зимой, когда все остальные полевики благополучно сидели над отчетами. Мне же, после окончания поздней осенью летних работ, приходилось почти сразу начинать организацию зимних. Но, и от производственных отчетов, естественно, меня, при этом, никто не освобождал, а реальных помощников у меня, практически, не было. Поэтому, я на работе, обычно, задерживался, допоздна. Затем, дома быстренько ужинал и вздремывал на диване, просматривая программу «Время» по новенькому минителевизору «Юность» - в Певеке только что построили и запустили «Орбиту». Далее жена, уложив дочку спать, поднимала меня с дивана, чтобы застелить его на ночь, а я перемещался к своему любимому новому персональному письменному столу и засиживался за ним до 3-4 часов. Ну, а, к 9 часам, как положено, вновь был на работе, успев и дочку в садик проводить, благо, был он уже совсем рядом, по-дороге. В результате, от жены частенько слышалось, по разным поводам, стандартное язвительное замечание, что у нас «в доме мужика нет». А, во время очередной переписи населения, она, на вопрос переписчика, вдруг заявила, - «у нас нет главы семьи!!» На что, даже дочка, с удивлением, спросила - «А, папа??!» Такими вот, взаимоисключающими были у меня в этот период личная семейная жизнь и работа. Впрочем, для нас с женой, это было достаточно привычно и, вполне, нормально. Да и Света быстро становилась самостоятельной с

родителями, которые постоянно были «на работе». Как, собственно, и мы с Клавой в своем дальнем детстве тоже.

В дополнение к прочему, мне и среди зимы приходилось вообще отлучаться из Певека по достаточно дальним вояжам, хотя и вполне местного нашего, магаданского производственного разлива. Прежде всего, мне пришлось поехать на двухнедельный учебный семинар по математическим методам в геологии в пос. Хасын под Магаданом. С математикой я и в школе особо не дружил, а пользоваться ею в работе мне, с каждым годом, приходилось все больше и самообразования уже не хватало. Хасын, практически, ничем не отличался от любого и нашего чаунского трассового поселка, лишь сопки вокруг были покрыты редкой лиственничной щетиной, да, трасса, знаменитая, Колымская, была более оживленной, шумной и загруженной. А, главное, можно было за полчаса, на обыкновенном рейсовом автобусе, доехать до центра «столицы Колымского Края». И я, начал серьезно осваивать Магадан, в который попал впервые, после своего памятного пролета, через него, на Чукотку, в 1967-м году. Тогда, прилетев из Москвы, я его почти не разглядел, ограничившись, практически, лишь ГеолУправлением, а, теперь город, буквально, поразил меня, как уже истинного чукотского тундрового провинциала-аборигена, своей помпезной сталинской архитектурой. Позже я уже, достаточно, часто бывал в Магадане, хорошо стал в нем ориентироваться и даже обзавелся там многими хорошими друзьями-знакомыми, с которыми привелось, потом, общаться по всему Союзу, вплоть до Москвы, и даже по Миру. Включая, самого главного нашего россыпного академика – Николая Алексеевича Шило. Но, это было уже потом. А, тогда, мне и вторично повезло – «за ударный труд», я был награжден профсоюзной путевкой на гордость Колымы - уникальный полярный курорт - «Талая». И я, впервые проехал 300 км по настоящей Колымской трассе, которую строил мой дед и посмотрел на красоты зимней Колымы. О временах деда напоминали, однако, только щетина высоких лиственных пеньков, сохранившаяся на склонах сопок, да названия трассовых поселков - соответствующий очередной «...км». Не знал я тогда еще, что главная-то память у нас ... под колесами. Лишь теперь, задним числом, удивляюсь, как это тогда меня не удивляло, практически, полное отсутствие кладбищ и захоронений в обширнейшем краю, похоронившем миллионы жизней. Оказывается, погибших хоронили, просто, утрамбовывая их в полотно строящейся дороги, по которой мы и ехали! А курорт, конечно, был чудесный, а для Колымы, вообще, ошеломительный такие фешенебельные хоромы, с таким, поистине, «буржуинским» обслуживанием, у нас и, во всесоюзных здравницах, были редкостью. Даже знаменитый пансионат «Магадан» в Лоо, в котором, я, с семьёй, удостоился отдохнуть в следующем же очередном отпуске, в 78-м году, смотрелся куда скромнее, особенно, в сфере сервиса. На «Талой» же, пожалуй, единственным неудобством, особенно, для нас, свободолюбивых тундровиков в законном отпуске, был строжайший режим, унаследованный, повидимому, еще со сталинских времен. Все входы-выходы в санатории запирались строго в 11 часов вечера. В результате, нам, нередко, загулявшись, приходилось ночевать у местных гостеприимных жителей в поселке, который, как ни странно, мало чем отличался от нашего Кэвеема. Только сопки вокруг были зеленее и пушистее, да зима была, по-материковски, пышнее и душистее. Ну, и коньяк «Плиска» всегда был в изобилии, так что, особо грустить нам, в целом, не приходилось. И воспоминания от того нечаянного отпуска среди зимы остались у меня самые чудесные. А дома, в Певеке, было активное практическое применение математических методов, в основном, под треск многочисленных арифмометров, на которых наши геофизики

пересчитывали свои аномалии. Но, аномалии были настолько сложными, что на стандартных арифмометрах не хватало цифровых разрядов для их пересчета. И кто-то из «хитромудрых», типа Володи Шанхизы, предложил два арифмометра посадить на один вал, вращая его одной ручкой. Как раз, ко времени, вошли в моду БРИЗы – бюро рационализаторов и изобретателей. Ребята на шурфовке предложили даже, помнится, буровой ломик в виде буквы «П», чтобы бурить в забое сразу 2 бурки, время экономя. Это воспринималось с откровенным юмором, поскольку любой, кто хоть раз побывал в разведочном шурфе, знал, что в его черном, 20-метровом, тесном ледяном вонючем чреве и одним-то ломиком махать труд, более чем, каторжный! Сам, слава Богу, попробовал еще в 68-м, на Пельвунтыконене, с Колей Суловым в спарке. Поэтому, и наши «спаренные» арифмометры были где-то официально зарегистрированы и как-то, соответственно, поощрены, но практического применения так и не получили, естественно. Но, меня эти проблемы обошли стороной – у меня уже был, первый в экспедиции, электронный гробик-калькулятор фирмы «Шарп», который я, по случаю, купил в Москве у соседа по коммуналке за 200 руб бешенные, по тем временам, деньги. Впрочем, и новенький, уже клавишный, арифмометр, естественно, постоянно стоял у меня на рабочем столе с ним мне было привычнее, чем с иностранной электроникой, тем более, в стационарных условиях. А, считать мне приходилось много и не только... аномалии. Хозяйство моё укреплялось, подотчет рос, и отчитываться мне приходилось все обильнее и сложнее. Тем более, что пришлось научиться и «химичить» - на текущий ремонт техники требовались «наличные» - запчасти, как было принято, добывались, в основном, «за бутылку». Приходилось продавать спецодежду и материалы тундровикам, а затем списывать что-нибудь, не очень нужное. Так, я, к примеру, исхитрился дважды списать, одни и те же, тракторные сани, стоимостью 1 600 руб, двумя актами подряд, и бухгалтерия наша эту «липу» легко «проглотила» - там все ВСЁ, великолепно, понимали, ибо это уже была - СИСТЕМА. Главное, что сани, естественно, так и продолжали нам служить до конца сезона. А, деньги «свободные», официально, нигде не учтенные, которые, таким образом, появлялись у каждого полевого начальника, так и назывались - «тракторные». А «тракторов» у меня заметно прибавлялось. В 77-м я перебазировал отряд на п-ов Аачим, на памятное место своей первой стоянки в этих местах – круг, таким образом, символически замкнулся – я вернулся туда, откуда вся эта эпопея в 71-м году, достаточно бурно, и начиналась. Как и обещал, при прощании, нашему бывшему близкому соседу - охотнику Илье. Только, Ильи, к сожалению, уже не было, хибарка его, на берегу моря, совсем развалилась и ледяная пещерка-склад, ранее забитая рыбой и прочими тундровыми деликатесами, заплыла и опустела. Не видел я больше и своего старого друга – совхозного зоотехника-вездеходчика Алексея, с которым, было дело, много наката по тундре. Совхоз вообще, практически, покинул территорию наших работ – олени и звери с техникой рядом не уживаются. Но, сам Аачим, по-прежнему, остался моим самым заповедным местом. Над голубым чистейшим озером даже следы от наших старых палаток сохранились. А, было у меня, в 71-м, 3 палатки и 2 лошадки. А, теперь я привез на это же место целый грохочущий город. И, кроме трех тракторов, Володя Шанхиза приволок откуда-то старый списанной АТЛ, который, правда, так и простоял на базе до конца сезона без движения. Кроме того, у нас впервые появилось чудо техники – снегоходы «Буран» и наши геофизики больше не бегали, с ведрами-гравиметрами, по своим бесконечным профилям на лыжах. Более того, мы приспособились ездить на «Буранах» даже и по летней тундре. Кстати, это был единственный «буранный» сезон в моей полевой практике, оставивший самые приятно-

восторженные воспоминания. Появилась у нас и своя переносная электростанция – «ЖЭС-ка» - привычные керосиновые лампы и свечи на базе были, впервые, забыты. Ну, а верхом нашей цивилизованности и благополучия был, конечно, свой вертолет на базе, на котором мы могли, как я уже упоминал, даже в магазин за водкой «сбегать». А вокруг были неизменные - бескрайнее серо-голубое море с редкими судами-караванами на горизонте и тренога-тригопункт на ближайшем к базе, самом высоком на полуострове, холме. Но, большое, и все более сложное, хозяйство, организация и обеспечение работ, отнимали у меня, практически, все рабочее время. И, больше всего, конечно, угнетало обилие необходимых для этого официальных бумаг и бумажек. На основную свою работу – решение чисто геологических и прогнозно-поисковых задач времени, физически, не хватало. Поэтому в поле у нас ответственным исполнителем и был всегда старший геолог, а начальник партии ему лишь помогал, по возможности. Я же, волею сложившихся обстоятельств, а, может быть, и собственной молодецкой самоуверенности, все взвалил на себя, никому не доверяя. Проект был МОЙ и Я его ДЕЛАЛ!! В результате, к апрелю 78-го, я, все-таки, составил серию палеогеоморфологических карт для каждой из кайнозойских эпох, начиная с палеогена, на всю западную часть Валькарайской низменности, включая Биллингс и Кууль-Иннукай. С выделением участков древних погребенных долин, перспективных на обнаружение промышленных россыпей. Их я и вывесил в кабинете Лаштабега, на защите нашего окончательного отчета, который и прошел, практически, «на ура» - даже записные мои оппоненты – Виктор Васильевич Красков и Валентина Андреевна Лаштабег, - от, сколь-нибудь, серьезных принципиальных возражений воздержались, ограничившись лишь дежурными замечаниями о моем, слишком вольном воображении. Восточные районы – Биллингс-Кууль-Иннукай - действительно, были мало обеспечены фактматом, но я их, в принципе, и включал в отчет, исключительно, в надежде продолжения наших работ в восточном направлении. А, буквально, через пару дней, с аналогичным отчетом по Чаунской низменности, вышел на защиту Виктор Васильевич. У него не оказалось никаких ни карт, ни схем и он завесил все стены в кабинете начальника развернутыми бумажными рулонами машинно-электронной обработки неких геолого-геоморфологических параметров, в основном, галечного материала по территории низменности. В Магадане, как раз, ко времени, появился центр машинно-электронной обработки геологических материалов и Виктор Васильевич близко сошелся с его организатором и руководителем - Куклиным, чем очень гордился. Защита проходила, практически, при полном молчании всех присутствующих и запомнилась лишь заключительным словом Владимира Петровича Полэ, как главного геолога экспедиции. Он говорил около получаса, очень красиво и профессионально грамотно, но очень округло и, практически, НИ О ЧЕМ – по всем законам классических «совковых заседаний», воспетых еще Маяковским. После чего уже начальник экспедиции, подведя короткий итог, постановил - принять отчет Чаунского ПГГО за работу 76-77 годов, с удовлетворительной оценкой! И, на выходе с этого рубежного техсовета, как раз, и произошла наша памятная беседа-стычка с Виктором Васильевичем, которая и определила, во многом, мою дальнейшую судьбу.

- И, что ж, ты там такое нес-то, Витенька?! – спросил я, вполне, дружески.

- А, чего, собственно, рассыпаться бисером перед свиньями? – ответил он, ухмыльнувшись, - Они же, все равно, ничего не понимают!! – и, вдруг, освирепел – А ты-то, собственно, КТО ТАКОЙ??!..... А, Я – КАНДИДАТ НАУК!! – И, с треском, захлопнул дверь перед моим носом.

А, я, на этом, закончил свою первую профессиональную настоящую героическую эпопею и убыл в очередной, действительно, заслуженный отпуск. Хотя и не сразу – отчет надо было «довести до ума». Поэтому, я проводил жену с дочерью на материк, а сам, будучи в отпуске, т.е. на полной свободе от всяких служебных и семейных обязанностей, принялся «отшлифовывать» свой отчет. Ну, и, заодно, посмотрел, как живут наши верные жены, пока их мужья в тундре золотишко ковыряют. Очень продуктивный и, заодно, веселый месяц у меня получился, однако. Но, это уже совсем другая, отдельная история.

Смутное время – 78-82 гг

Мне сложно описывать эти годы – время неопределенности, катаклизмов и постоянных перемен в моей жизни. В отличие от многих, которые вспоминают ныне эти времена – по сути, пика «брежневского застоя», – как самые спокойно-размеренные и по ним ностальгируют. Хотя, именно, эти годы и были, по существу, настоящим рубежом двух эпох в жизни всей страны нашей и, даже, всего мироустройства. У нас закончилась эпоха «шестидесятников» – романтиков и энтузиастов. Окончательную, едва не мистическую, черту под ней подвела, практически, одновременная, смерть её публичных символов – Высоцкого, Шукшина и Даля – в 80-м. Обещанного, к 80-му году, «коммунизма» в стране откровенно не получилось, разменявшись, на не менее пышные, лозунги о «развитом социализме»! Формализм окончательно все погреб под собой и в народе, естественно, начал преобладать типичный мещанский меркантилизм – главным достоинством становилось – «умение жить». Именно тогда «советики», как нас прежде уважительно звали «за рубежом», начали превращаться в нынешних презренных «совков». Это, естественно, отразилось и в нашей геологической среде. И, прежде всего, в Центре. Бывая в Москве, среди своих однокашников и коллег, я, уже к середине 70-х, обратил внимание, что они, практически перестали беседовать на геологические темы – мужиков, в основном, занимали автозапчасти, а женщин – дачные овощи-фрукты. То же, лишь чуть позже, произошло и у нас в экспедиции. Бурные непрерывные дебаты-конференции, доходившие до легендарных массовых побоищ, практически, ежедневно сотрясавшие РайГРУ в 60-х – начале 70-х, постепенно сошли «нанет». Наверное, последним их отзвуком, была наша драка с Ляховичем «из-за палеогена» на Пегтымеле в 76-м году. Далее производственные отношения в коллективе становились уже сугубо официальными, и спорить на профессиональные темы стало... «не модно». А, ведь, именно, «за чаем» на грушинской кухне, в процессе таких свободных дебатов, и родился наш коллективный геолого-геофизический методический комплекс по освоению приморских низменностей Чукотки, который формалисты и ретрограды, так-таки, и затоптали уже к 80-м. А, те, кто и формировал, знаменитую на весь мир, Чаунскую школу геологов, начиная с Обручева, «Чинкова»-Чемоданова, Стружкова, Паракецова, Сидорова, Ларионова, Полэ и заканчивая нашей элитой 60-х – Коровкиным, Саморуковым, Федяевым, Тимохиным, Фишкиным, Бинеевыми, Грушиными, Ефимовыми, Раевскими, Чеховичами, Габбасовым, Романчуком, Хюппененом, Журавлевым и Желтовским, Волошиным и Волохиным, Леонидом Петровичем Карасем и Анатолием Ивановичем Пьянковым, Буссаем Атласовым, Володей Шанхизой и многими-многими еще – так и остались лишь славной легендой Чукотской геологии. И, главное, не только, и, даже, не столько, своими «открытиями», а, именно, абсолютно, бескорыстным и беззаветным ОТНОШЕНИЕМ к своему ДЕЛУ!! А, мои личные «шестидесятые» закончились для меня совершенно неожиданно, сразу, по возвращении из чудесного семейного отпуска, осенью 78-го.

Уезжал я в отпуск, чувствуя себя, абсолютным победителем. В самом возвышенном настроении, мы, в совершеннейшей семейной идиллии, с дочкой и племянницей, накупались на кавказских пляжах, начиная с «Орленка» и пансионата «Магадан», заканчивая Сухуми. С отцом съездили на его родину – в Среднюю Азию, в Канибадам и Андижан. Там же, я, между делом, сумел навестить и свою бывшую студентку-практикантку из Владивостока - Наташу Сатьянову, которая, за два года, успела стать старшим геофизиком Памирской экспедиции в Таджикистане и похоронить двух, трагически погибших, мужей! Вернувшись в Певек, я проводил дочку в первый класс и в экспедиции, в самом благодушном настроении, сразу спустился в геолфонд, чтобы полюбоваться на свой исторический отчет. Перед отъездом я его сдал в спецчасть в рукописи – его должны были оформить в соответствующем официальном виде. Мне было интересно посмотреть на «рук своих творенье» и еще раз воскликнуть, как и Пушкину – «Ай, да, Казаринов! Ай, да, сукин сын!!» Но, не тут-то было!!

Милейшая Дозя Григорьевна Логачева меня буквально ошарашила, печально оповестив

- А, отчет я тебе, Серёженька, дать не могу – Он «сов.секретный» - А у тебя «допуска», оказывается, нет!!

- ??????!!!! Не понял!!! – изумился я, - Я его сам писал и сам, лично, вам сдал лишь 3 месяца назад!!!

- Поднимись к Ташлановой – она хозяйка!! – ответствовала Дозя, с виноватой улыбкой.

Ну, а моя «секретная подруга», Валентина Ивановна, меня и совсем «уронила», показав мне закрытый список «допусков», в котором моя фамилия была вычеркнута жирным красным фломастером.

- Виктор Васильевич, три дня назад проверял и вычеркнул тебя, почему-то! – сказала она, виновато.

- Какой Виктор Васильевич?! – удивился я.

- Красков! – Он же, теперь, у нас, Главный геолог, вместо Полэ!

- Как?!! – изумился я и, пробежав по коридору, без стука, распахнул дверь знакомого кабинета, в котором последние годы бывал, едва, не чаще, чем в своем рабочем. Но, за знакомым столом, вместо вечно озабоченного Владимира Петровича, сидел, почти незнакомый, солидный человек, лишь отдаленно схожий с тем Виктором Васильевичем Красковым, с которым мы весьма тесно и, даже, остро общались предшествующие 10 лет. Не зря он увлекался народным театром и даже играл на сцене Ивана Грозного в «Василисе Миленцевой» - перевоплощение было его «хобби», если, вообще, не натурой.

- Привет, Витя! – с порога возгласил я, намеренно, по-свойски, - Что за чушь?! Мне мой, собственный, отчет не дают - говорят - «допуска» нет!!!

Но, Виктор Васильевич, сразу осадил меня, подчеркнуто официальным обращением «на Вы»

- А, Вам, Сергей Львович, в новой работе 2-я форма допуска не потребуется - достаточно и 3-й – в Магадане так решили! – изрек он солидно, - А, отчет Ваш пусть себе лежит, раз уж написали – чего на него попусту смотреть?! Делом пора заняться!

- И что за дело ВЫ мне ДОВЕРЯЕТЕ?! – я начинал злиться.

- А, то, которым я начал заниматься и не успел закончить – морфометрически исследовать Чаунскую низменность по методике профессора Философова, с выделением перспективных зон на обнаружение россыпей золота, типа Нейтлин-Нагленинской, которую я успел выделить. Думаю, что с этим Вы должны справиться! Будут вопросы – обращайтесь. – Непререкаемый начальнический тон получался у него вполне убедительно - чувствовались длительные репетиции перед

зеркалом. И в конце, твердо завершил, - И не вздумайте, в рабочее время, заниматься своими дремучими самодеятельными фантазиями с поверхностями выравнивания и продольными профилями – иначе МЫ будем вынуждены понизить Вас и в должности!!

На этом аудиенция закончилась, и я вышел из старого знакомого кабинета уже в новую эру. Но, не успел я, по-новому, освоиться в своем старом родном 17-м кабинете, у «Красного уголка», на 1 этаже, в котором, неизменно проработал уже 7 лет - с 71 года, как мне из отдела кадров принесли, вдруг, командировку в Анюйскую КГРЭ, в Билибино. По предписанию из Магадана – для приемки материалов Коральвеевского рудного месторождения!! Это тоже было «веяние нового времени» - верхнее руководство, по собственному опыту, знало о приписках и фальсификации материалов «в низах» и ввело «внешнюю» перекрестную проверку и приемку полевых и разведанных, по типу ведомственного «народного контроля»! Но, привычный уже формализм и здесь, сразу же, проявился в полной мере, чему я, собственно, и удивился больше всего. Меня, уже законченного специалиста по россыпям, отправляли проверять и оценивать крупный золоторудный объект, о которых я, по-сути, знал лишь понаслышке, из соответствующих учебников. Что я там мог, достоверно и профессионально, оценить?! Но, в ситуации, оказался и неожиданный комический момент, на который я даже не сразу обратил внимание – меня лишили права допуска и тут же отправили на ревизию объекта, даже название которого было под грифом «совершенно секретно»! Выходило, что понижение меня в статусе было инициативой чисто красковской, и в Магадане об этом даже не подозревали. И я, вновь, отправился за разъяснениями к главному геологу экспедиции. С Краскова моментально, как шелуха, слетел его наигранный руководящий апломб и он, раздраженно, отбросил мне назад, представленную ему, бумажку с предписанием,

- Вот, ведь, идиоты! – Воскликнул он уже в своей привычной, знакомой мне, манере, - Левая рука, как всегда, не знает, что делает правая!!

- Так, ты, оказывается, у нас «правая рука», теперь, Витенька?! – Не смог я удержаться от сарказма. Но, он был так раздражен, что пропустил мое замечание мимо ушей или не нашел, что ответить.

- Ладно, ты езжай, а, я тут разберусь с режимом! – только и буркнул хмуро. И вновь начал подчеркнуто деловито перебирать на столе бумаги.

- Нет, уж, извини, - сначала, разберись – потом поеду! – Я уже поймал кураж, - Нечего из меня, опять, тут «дурака лепить»!!

И он, нехотя, отправился вслед за мной в сторону спецчасти, где Валентина даже справку мне выписала о форме допуска, во избежание недоразумений в командировке. С ней я и спустился немедля к Дозе Григорьевне, которая, радостно балагурия, выдала мне, наконец, мой вожделенный и многострадальный отчет для ознакомления. Он оказался большим, двухтомным и, каким-то, особо красивым, как и все мое совсем недавнее прошлое, символом которого он, собственно, для меня и являлся!! А у меня, действительно, начиналась совсем новая жизнь – борьба предстояла нешуточная, но первая, пусть, маленькая и локальная, но, победа вдохновляла меня на новые подвиги. Через пару дней я впервые увидел легендарный Билибино, ставший, вдруг, из рядового приискового поселка, городом мирового значения. В нем только что завершили очередную «стройку века» - первую в мире заполярную Билибинскую АЭС. И в городе буквально все было пронизано духом «атомки», хотя сама станция, расположенная в отдалении, и окруженная многочисленными кордонами, была, естественно, недоступна рядовому обывателю. Удивляло только то, что эта гордость Чукотки так и не

удостоилась собственного аэропорта – добираться до него приходилось по классической чукотской автотрассе более сотни км на автобусе из Черского. И на нашу привычную Чукотку местность была совсем не похожа – в Билибино, в отличие от голого, всеми ветрами продуваемого Певека, деревья росли прямо на улицах. И окрестности были более похожи на центральную Колыму в районе Сеймчана и курорта Талая. Но, в верховьях главной местной золоносной долины р. Коральвеем, где нам и предстояло работать, пейзаж уже был более привычным, нашим, центрально-чукотским изрытая полигонами и перепаханная бульдозерами каменистая тундра. А, работа у нас получилась веселая. В ревизионную команду собралось человек 5-6 из разных экспедиций Колымы и Чукотки, а командовал нами, присланный из Магадана, наш старый чаунец Раевский. В Певеке я знал его лишь визуально, по княжеской фамилии, достаточно тесно, по-соседски, общаясь, вместе с тем, только с его женой Ириной Викторовной, в первую мою чукотскую камеральную зиму, 67-68 годов. Именно она, помнится, учила меня, еще махрово невежественного юнца, азам шлиховой минералогии. А, он, в то время, был, всего лишь, веселым шолопаем... при жене, как и в некоторых других подобных наших легендарных семьях, типа грушинской. И, в 69-м они, вслед за Стружковым, уехали в Магадан, а, скромное дело Маргариты Викторовны на массиве Пээкиней, унаследовала и расширила до Шельфовой ГРП уже Валентина Андреевна Лаштабег. А, он, по-моему, и в Магадане, остался тем же профессиональным шолопаем, в основном, озабоченным своим здоровьем и физической формой, только более солидным, с подобающей руководящей вальяжностью. Много, и с восторгом, рассказывал, о лыжных сезонах в Магадане, которые продолжались всю зиму, в отличие от Певека, где на лыжи можно было встать лишь в начале апреля. И на Корале основной его работой были 10-15-километровые «утренние» кросс-маршброски в верховья долины и лазанье по окрестным сопкам. Кстати, своей неожиданной командировкой я тоже был, оказывается, обязан именно ему – он настоял на обязательном включении в комиссию представителя своей родной Чаунской экспедиции. И он же, между делом, за «вечерним чаем», совершенно неожиданно, дал мне реальный практический совет, уже полностью в духе нового времени, во многом, определивший мою дальнейшую судьбу. Узнав о сути нашего, с Красковым, конфликта, он, рассудительно, заметил,

-Тебе своей «крышей» надо обзаводиться! Причем, не у нас, в Магадане, где у него, выходит, «всё схвачено», раз уж, Главным поставили, а в твоей родной Москве. Если тебе тему в Министерстве утвердят – здесь никто и пикнуть не посмеет! Оставалась суцая мелочь – обзавестись нужными министерскими связями, чего я делать категорически никогда не умел, да и учиться не собирался. И оптимальное решение было быстро найдено, за тем же вечерним столом – заочная аспирантура. Производственная тема обязательно утверждается в Министерстве, предоставляется дополнительный ежегодный месячный «аспирантский» отпуск и никаких особых хлопот - производственников в институтах даже на экзаменах «напрягать» не принято. Ну, а диссертация – дело личное – будет что защищать – тоже станешь «кандидатом» - а, на нет и суда нет! На том и порешили, закрепив это доброй дозой популярного коньяка «Плиска»! Вновь появившаяся внутренняя определенность влила в меня и новую энергию. Я начал детально изучать, по своей методике, крупнейшую на Анюе Коральвеемскую россыпь. Благо, согласно своему статусу - «члена приемной комиссии», имел свободный доступ ко всем необходимым материалам, в том числе и наглухо закрытым. Сам же, коренной «Кораль», остался для меня лишь экскурсионным объектом. С чудесной местной геологиней Машей-

Наташей я побродил по штольням, пособирал красивейшие хрустальные друзы в естественных полостях и уяснил для себя, что месторождение, особого промышленного интереса не представляет. Это был классический золото кварцевый тип, с крайне неравномерным, гнездовым распределением золота, хотя и очень эффектно минералогически смотрящийся в образцах из вскрытых рудных тел. А, вот россыпь под ним была, действительно, уникальная. Она начиналась от коренных источников, как богатейшая обвальнo-осыпная, делювиально-глыбовая, промытая рекой, с огромным количеством уникальных самородков. А, ниже по долине, четковидно обогащалась строго по законам, выявленным мною на Пегтымеле-Кэвееме. Материал для меня был уже «диссертационным» и я, естественно, поблагодарив хозяев, увез его с собой, вместе с чудесными воспоминаниями о моем первом посещении Билибино. Вернувшись домой, и, посоветовавшись с женой, я, без промедления связался со своими ребятами-сокурсниками, работавшими в Москве и имевшими традиционные тесные связи с нашим родным факультетом в МГУ. Мне нужна была проф. Н.П.Костенко, которая предлагала мне свою аспирантуру еще в далеком 73-м, от которой я тогда отказался. Теперь я был готов, и меня интересовала «процедура» поступления. В экспедиции же я, естественно, о своих новых планах никого не уведомлял, опасаясь утечки информации и активного противодействия «административных доброхотов». И, как показало будущее, был абсолютно прав. Уже в феврале мне пришло официальное приглашение на сдачу экзаменов для поступления в целевую аспирантуру при геолфаке МГУ, согласованное с нашим верхним руководством в Москве и, соответственно, в Магадане - милейшая Наталья Петровна все сделала сама. И, сурово-непреклонный Виктор Васильевич, пребывая в полном шоке и изумлении, был вынужден отпустить меня на 10 дней в Москву. А, через 10 дней перед ним уже лежало официальное предписание об открытии целевой программы по морфоструктурному анализу приморских низменностей Чукотки, с целью прогнозирования и поисков древних погребенных россыпей, в моем исполнении, утвержденное в Министерстве геологии РСФСР. Через пару дней аналогичная официальная бумага пришла ему и из Магадана. С этого момента, его верховная власть на до мной, окончательно и бесповоротно, закончилась, хотя активное противостояние продолжалось, естественно, и все последующие годы нашей совместной работы. Но, отношение ко мне заметно изменилось – я, окончательно, перестал быть «мальчиком для битья» - у меня появились влиятельные связи «на самом верху»! Соответственно, у меня развязались руки и при анализе Чаунской низменности. Морфометрию по Филосову, основанную на статистическом пересчете «заозеренности» и «извилистости рек», которую меня, буквально, обязал делать наш главный геолог, я полностью передоверил моей помощнице Маше. А, сам целиком ушел в палеорекострукции древней погребенной гидросети, благо площадные геофизические работы с параметрическим бурением, в окрестностях Чаанайских холмов, неспешно продолжались под руководством Леши Донца, с которым мы теперь и контактировали весьма плотно. А, вот «философская» морфометрия, в конечном итоге, «вышла нам боком», практически, приведя к трагедии и с самым печальным исходом. И у меня зарубка вины на душе на всю жизнь осталась – прозевал я ситуацию, увлекшись своими амбициями! А, начиналось все совершенно обыденно и даже приятно. Мне в помощь выделили симпатичную девочку, только что окончившую Якутский университет. Маша Яковлева, - типичная маленькая провинциальная якуточка, - домашняя, скромная и

стеснительная, - вызывала даже удивление, своим выбором нашей специфической и совсем недомашней, а уж, тем более, не женской профессии. Вдали от дома она чувствовала себя, явно, «не в своей тарелке». И я, вспоминая, свой внутренний дискомфорт, на первом году работы на Чукотке, как и Яков Севастьянович тогда, тоже отпустил Машу во внеурочный отпуск домой, на новогодние каникулы. И лучше бы я, как оказалось, этого не делал. Вернулась она, какая-то, опущенная, но я на это, даже, не сразу обратил внимания, занятый своими аспирантскими проблемами. Более того, когда она, вдруг, попросила отпустить её с нашего проекта, - надоело ей нудно пересчитывать количество алас и меандр на кв. км. низменности, по методике Философова, - я ответил, что в нашей работе механической рутины, к сожалению, значительно больше, чем возвышенной романтики и к этому, тоже, надо привыкать. А, она, вдруг, к всеобщему удивлению и ужасу, покончила с собой – повесилась у себя в комнате общежития, прямо 1 мая, когда соседки ушли на праздник! И против меня появилось обвинение в «доведении до самоубийства»! Но, разобрались – всему виной оказалось традиционное, провинциальное, консервативное домашнее воспитание девочки. Оказывается, во время зимних каникул, на которые я её отпустил, её изнасиловали на якутской трассе, по дороге домой. И она, просто, не смогла перенести позора и унижения. Шок у всех был полнейший. В том числе и у меня. Я даже не смог дальше продолжить свою работу и меня отправили в, удачно подвернувшуюся, дежурную командировку – на месячные курсы повышения квалификации по математическим методам, организованным в Воронежском университете. Красивейший старинный русский город Воронеж, родина русского военноморского флота, быстро привел меня в себя. Особенно мне повезло в том, что в программу курсов было включено посещение Старого Оскола, где я увидел, наконец, знаменитый геологоразведочный техникум, который, в 39 году, заканчивал мой отец. Но, главным, конечно, было знакомство со Старо-Оскольским ГОКом и крупнейшим в Европе, поистине уникальным, Лебедянским карьером, глубиной в целый километр – символом КМА и гордостью советской горнодобывающей промышленности. Впрочем, советская гигантомания, с очень формальным и поверхностным просчетом возможных последствий, и здесь, оказывается, вышла нам очень острым боком – сверхглубокий карьер резко понизил зеркало грунтовых вод в огромном регионе и, практически, погубил сельское хозяйство во всех окрестных областях. Между тем, режим занятий на наших курсах был достаточно свободным, что позволило мне, между делом, и в Москву слетать – сдать основной экзамен «кандминимума» - по специальности. Потому, возвращаясь я домой уже в приподнятом настроении, полностью освободившись от депрессии. И единственной психологической травмой после случившейся трагедии у меня осталось.... курение. Я, начиная «новую жизнь», на новый 1979 год, решил бросить курить, что пытался, до этого, сделать неоднократно. И у меня почти получилось – испытывая великие мучения, я не курил целых 4 месяца. А, на машинах похоронах сорвался и больше уже никогда не бросал, почитая это дурным предзнаменованием.

А, в Певеке меня вновь ожидали перемены. Красков, из-за хаотичного и безразмерного разбуривания своей любимой Нейтлин-Наглейненской зоны на Чаунской низменности, окончательно рассорился с нашим геологическим отделом и должности своей лишился. Новым главным геологом стал Станислав Серафимович Казмин, Виктор Васильевич вернулся к своей любимой «морфометрии», а я, соответственно, вновь остался «не у дел»! И был этим только доволен – после всего случившегося, возвращаться к исходному, для меня было бы мучительно трудно. Появилась возможность продолжить приостановленное Красковым дело по реальному

исследованию низменностей и, в первую очередь, конечно, завершение пегтымельского проекта. Там еще оставалось «белое пятно» Кууль-Иннукая-Биллингса, занимавшее меня еще с 72 года. Но, вернуться на Пегтымель и завершить там свою работу, мне, все-таки, не дали. Переориентировали на запад, в низовья Раучуа, куда были направлены и чаяния Валентины Андреевны Лаштабег, - Шельфовая ГРП уже начала разбуривать соседний о-в Айон. А, для полной гарантии моей лояльности, меня под персональную тесную опеку взял сам главный геофизик экспедиции, Юрис Хабибулович Ахмадиев. В новом шикарном здании, в которое мы вскоре переехали, мне выделили даже персональный маленький кабинет 504, рядом с кабинетом Ахмадиева на 5 этаже и мы с ним вскоре стали лучшими друзьями. В принципе, он тоже не был хозяином в экспедиции – и основой его работы были поиски разумных компромиссов – я это великолепно понимал, потому серьезных конфликтов у нас не возникало. Скорее, было взаимное открытое и доверительное общение. Как то, придя утром на работу, я увидел его крайне расстроенным, едва не рыдающим. И, естественно, заинтересовался возникшими проблемами. Оказывается, его обязали «планово» сократить свою, геофизическую» службу на 4 человека.

- У меня 57 человек в штате числится, - жаловался Ахмадиев, - но, реально, по-факту, работают не больше 20! И сократить я могу только холостых мужиков, на которых все «поле» держится, типа твоих Калинина и Грязева!! Вот, что хочешь, то и делай!!

- Так давай их срочно поженим – и погуляем и от сокращения спасем!! – попытался я пошутить, но Юрис только печально покачал головой и махнул на меня рукой, завершая разговор. Так мы с ним и работали.

А, вот с Валентиной Андреевной отношения у меня так и не сложились! Я попытался наладить контакт и получить доступ к материалам бурения, хотя бы на о-ве Айон. Это было необходимо для интерпретации геофизических данных на Раучуанской низменности, на которой параметрического бурения нам катастрофически не хватало. Но, «генеральша» встала «грудью» и запретила не только подпускать меня к рабочим материалам ГРП, но и общаться со мной своим сотрудникам. Даже вход на её «заповедную» территорию мне был, категорически, заказан. На потеху всем окружающим. И проект по комплексному геолого-геофизическому освоению приморских низменностей, в конце концов, к 82-му году, был окончательно заблокирован и свернут.

Ну, а в 79-80-м все у нас было, вроде бы, совершенно великолепно. Главное, был давно и надежно сработавшийся, крепкий коллектив. Лишь старшим геофизиком был назначен молодой амбициозный Толик Коваленко. Здоровые амбиции, впрочем, совсем не помешали ему быстро и плотно влиться в команду, но абсолютного авторитета, особенно в поле, коим обладал Володя Шанхиза, он, естественно, не имел. В конечном итоге, это вылилось в крупную трагедию. И я, вновь, был в этом, хоть и косвенно, но виноват, что осталось на душе тяжелым грузом, и стало очередным поворотным пунктом в моей судьбе. Даже вспоминать об этом тяжело, но..... из песни слова не выкинешь, к сожалению.

И, вначале, как в песне, я «не чуял беды»! Более того, был общий душевный подъем – все, вновь, собрались вместе и, с удовольствием, на новом месте, занялись общим, уже хорошо знакомым делом. Даже я, крайне разочарованный крушением моего родного пегтымельского проекта, неожиданно получил серьезную моральную компенсацию, существенно приподнявшую меня в собственных глазах. Заглянув, однажды, в обширный, как и прежде, в старом здании, заповедник Краскова - кабинет чаунцев, и не застав там хозяина, я, с удивлением, увидел на рабочем столе Фоата Абдулазянова очень знакомые

таблицы с колонками цифр. Это были расчеты моего любимого КДА по продольным профилям долин, вокруг которого, в основном, и кипели бурные наши баталии предшествующих лет. Но, симпатичный, стеснительно-улыбчивый Фоат, только что появившийся в экспедиции, по окончании Казанского университета, молодой специалист, об этом, естественно, знать ничего не мог. И он охотно, с восхищением перед шефом, разъяснил мне, что Виктор Васильевич придумал новый морфометрический показатель для поисков золота – ПДС (показатель динамического состояния), который они, всей командой, теперь и рассчитывают. Я только удовлетворенно хмыкнул про себя и не стал рассказывать добродушному Фоату, что «новоизобретенный» ПДС и есть – мой старый скандальный КДА (коэффициент динамической активности), с которым его любимый шеф яростно сражался с момента его первого мной упоминания, еще в далеком, первом Кусьвеевском, 72-м году. Как говорится, и 10 лет не прошло, как до «академика», наконец, дошло! И у меня не было злорадства, а только великое удовлетворение и внутренний подъем!

Вот на таком подъеме мы и начали свою работу на Раучуа. Однако быстро почувствовали, что это уже не Пегтымель. За спиной уже не чувствовалось постоянной поддержки Владимира Петровича Полэ из центра и рядом не было надежной технической и буровой базы Кэвеевской ГРП, под личной опекой Анатолия Ефимовича Фишкина. После пегтымельского материального и транспортного изобилия, мы, вдруг, оказались на самых дальних полевых задворках экспедиции и, соответственно, на самом скудном снабжении. Нечто подобное я уже переживал десятью годами ранее, в первом своем знаменитом самостоятельном сезоне с Лёвой Мазениным, на Шмидте, в 70-м году. Но, тогда у нас были лишь лотки-молотки в руках, и мы смогли, на голом энтузиазме, сработать и двумя студентами, а здесь требовалось обеспечить сложнейший технический комплекс. И энтузиазм в коллективе начал быстро иссякать, пришлось даже делать профилактические чистки, отправляя особо недовольных в Певек, в распоряжение отдела кадров. Именно это и вышло нам, в конечном итоге, боком.

Уже в самом конце летнего сезона 80-го мы оказались, буквально, в отчаянном положении – у нас, практически, закончилось даже горючее для тракторов. И я решил сам лететь в Певек, чтобы обеспечить снабжение и подготовку к грядущим зимним работам. К тому же, мне предстоял еще и законный «аспиратский» отпуск. Старшим в отряде оставался, естественно, Толик Коваленко, как мой прямой заместитель. Заказанный вертолет появился уже в вечерних сумерках, когда мы уже и ждать его перестали. Я, в спешке, сгреб со стола бумаги, с которыми работал и выскочил на вертолетную площадку. К моему великому удивлению, из вертолета, вдруг вышел один из тех, кого я летом из отряда выгнал.

- Ты чего здесь?! – спросил я.

- Улетаю на материк – решил заехать, попрощаться!!

Летуны бурно замахали мне руками – они даже не выключали двигатели, спешили, – летать в тундре им разрешалось только «по свету», а день уже, фактически, закончился. И я, махнув рукой, запрыгнул в машину. Как же я жалел потом, что не засунул тогда незванного гостя обратно в вертолет.

Домой я добрался только поздней ночью, а уже в 4 часа утра раздался внезапный телефонный звонок – к моему великому изумлению, звонил САМ В.И.Лаштабег

- С приездом, Сергей Львович! Спите?! А, не объясните ли нам, что у вас на базе творится??!

- Нормально все на базе, Виктор Иванович, со снабжением только туговато – утром доложу! – ответил я с удивлением.

- Бардак у вас на базе, да еще и с трупами – жду у себя!! – оглушил меня генерал, как обухом по голове.

Оказалось, незванный наш гость, которого я встретил у вертолета, привез с собой большую сумку с бутылками и устроил на базе, в связи с моим отъездом, грандиозный неуправляемый праздник-попойку, с последующим традиционным полевым выяснением отношений. Коваленко оказался к этому не готов и, по молодости, выпустил ситуацию из под контроля. Едва не дошло до поножовщины, которую чудом предотвратил Вася Волынец он отобрал у буяна мой красивый охотничий нож, с наборной рукояткой, случайно, в спешке, забытый мной на столе, и сломал его об колено! Так глупо я утратил своего верного спутника, подаренного мне дядей Володей Саневым, по случаю моего отъезда на Чукотку, с которым я и проходил на поясе по тундре целых 12 лет. Но, трагедия все-таки состоялась нежданно загорелся жилой балок, в котором погибли, уже заснувшие там, молодой топограф Витя Шкодин и один из его рабочих. Возникло подозрение на поджог. Началось официальное следствие и внутреннее административное разбирательство. Трагедия встряхнула всю экспедицию. А, я себя чувствовал, наверное, ужаснее всех вторая смертельная драма под моим началом подряд – для нормальной человеческой психики было уже слишком накладно. И я, натурально, скис, хотя никаких официальных претензий ко мне, лично, ни юридических, ни административных, вроде бы не возникало. Но, начальником быть я больше не хотел. Поэтому, я, при первой же возможности, буквально, сбежал в Москву, в «аспирантский» отпуск, передав свое полевое хозяйство Валере Кудре. Но, настоятельно, по-дружески, не рекомендовал ему официально принимать должность начальника отряда – слишком хлопотное и, главное, неблагодарное это было дело. Но, он тогда меня не услышал, к сожалению. Думаю, его жене, Верочке, уж слишком не терпелось поскорее стать Верой Михайловной. Еще годом раньше, на Пегтымеле, она мне говорила, помнится, - «Хорошо тебе, Казаринов, - ты НАЧАЛЬНИК!!» А уже, через год, на Нижней Раучуа, я услышал от неё, тем же, ворчливо-завистливым тоном, – «Хорошо тебе, Казаринов, - ты НЕ начальник!!!» И только горько усмехнулся в ответ.

В Москве я сдал последний экзамен «кандидатского минимума» марксистскую философию, для чего пришлось прочесть эпические творения Брежнева – «Целина» и «Малая Земля», и настроение мое, в отношении своих «ученых амбиций», окончательно испортилось. Реальным научным творчеством вокруг и не пахло – все давили махровый бумажный формализм и начетничество. «Шестидесятые» окончательно закончились. Даже милейшая Наталья Петровна Костенко, которой я пожаловался, что не смог отстоять Кууль-Иннукай и не могу достоверно оценить целиком всю Чаунскую депрессию, ворчливо поставила меня на место, -

- Не бегите впереди паровоза, Сережа – Вам, пока, нужна только кандидатская, а Вы уже на докторскую замахиваетесь!

А, я и не стремился в науку, соответственно, мне не нужны были сами ученые степени – мне хотелось просто, как каждому профессиональному геологу, эффективнее искать свои месторождения, в моем случае, золотороссышные и, желательнее, конечно, уникальные. Наука же была лишь необходимым инструментом, ну, а, ученые степени – только, формальным и, как оказалось, весьма хлопотным к ней дополнением.

Пессимизма мне добавила и нежданная встреча в Москве с ближайшим другом школьного детства, Колькой Пахомовым, который, по окончании журфака МГУ, уже 10 лет работал корреспондентом ТАСС в Нью-Йорке,

при ООН. После бурной встречи в его новой шикарной квартире, в элитном районе Кунцево, по соседству со знаменитой исторической дачей Сталина, Николай удивленно спросил, -

- Серега!! Ты же, вроде, не глупый мужик – чего ты сидишь на этой, убогой Чукотке и сражаешься там «с ветряными мельницами»??! Кому и что ты пытаешься доказать?!

- Ты, Колька, журналист – твое место в Нью-Йорке, - ответил я, вроде бы, вполне разумно, - а, я - геолог-поисковик – мне в городе делать нечего, разве, что, бумажки в какой-нибудь ученой конторе перебирать!!

- Хочешь реально делать дело – выбирайся в Центр и езжай по миру – там тебя, с твоими идеями, с руками оторвут, – запальчиво подвел итог Николай, - Запад русских спецов обожает, особенно, на производстве.

Вместе с тем, его эмоциональные рассказы о собственной заокеанской жизни, совсем не побуждали к стремлению «на Запад», хотя, естественно, он там, как официальное лицо, жил на особом, привилегированном положении. Я даже, с удивлением пенял ему – «Ты же, вроде, советский человек, как же можно так презрительно к «черным» относиться?!» - «А, ты поживи там, в «черном районе» - по-другому запоешь!!», - отвечал он мне снисходительно. Лишь позднее, поработав в Африке, я его, наконец, понял. И дело, естественно, не в цвете кожи, а в психологии внутренних отношений в обществе. И, именно, эта психология, меня от «Запада» и отталкивала – со своими доморощенными ретроградами сражаться было уже привычно и даже почетно-возбуждающе, а генетический евроцинизм был, поистине, всесокрушающ.

Но, посмотреть мир, конечно, очень хотелось. Тем более что из Афганистана накануне вернулся восторженный и озабоченный Гена Загородний. Он с восторгом рассказывал об афганской экзотике и условиях жизни и работы там. А озабоченность его была от полного непонимания нашей, советской, тамошней политики. Он лично, оказывается, видел афганского шаха и никак не мог понять, зачем нам понадобилось свергнуть этого милейшего и абсолютно лояльного к нам «диктатора» с престола, а потом еще и войска туда вводить. Но, во внешнюю политику мы тогда не очень лезли – знали – во всем виноваты американцы. А, мне, вдруг просто, категорически, расхотелось писать и защищать свою ученую диссертацию, но аспирантура заканчивалась, и я был уже официально обязан это сделать. И я решил просто.... сбежать за границу – в экзотическую командировку на пару-тройку лет, а там.... видно будет. Только, не знал я еще, что это мероприятие в нашей тогдашней социалистической действительности было делом не менее хлопотным и психологически затратным, чем защита ученой степени. За новое дело я взялся энергично, не откладывая. И реализовав свои старые, еще отцовские связи, через Лёву Быховского, обеспечил себе в Министерстве геологии Союза вызов, в течение года, в самую экзотическую заграничную командировку - в Центральную Америку, в Гватемалу. И уже в преподнятом настроении вернулся домой, в Певек. Жена мои действия вполне одобрила – ей северная наша семейная бодяга успела уже тоже достаточно наскучить, тем более, что и особых профессиональных карьерных перспектив, из должности рядового инспектора РК НК, у неё реально не предвиделось. А, побывать «за морем», чтобы потом, в полном валютном обеспечении, осесть, наконец, в Москве – какие могли быть возражения?! Но, жизнь, как всегда, опять все повернула по-своему.

Следствие по нашей полевой трагедии, к моему возвращению, благополучно закончилось, практически, ничем. Вновь, к всеобщему удовольствию, победил уже классический советский формализм, который совсем скоро публично назовут «совковым». Официальное юридическое следствие было прекращено по чисто формальному поводу – трагедия

произошла на границе двух районов – люди погибли на левом, билибинском берегу Раучуа, но, административно, они работали на чаунской территории! И две районные прокуратуры, чтобы не заморачивать друг другу головы, полюбовно решили списать все на рядовой полевой несчастный случай. Это вполне устроило и нашу бравую администрацию – формально виновный сразу и однозначно определился – старший по базе – Толик Коваленко, который и лишился, соответственно, должности старшего геофизика. Ну, а со мной и этого сделать было нельзя, поскольку начальником отряда я уже не был, и возвращаться на должность, отнюдь, не собирался, начав официально оформлять документы для отъезда в загранкомандировку. А, бумажек требовалось много. Помимо официальных анкет и автобиографий, требовались еще и характеристики-рекомендации, и не только от администрации, но и от «общественных организаций», даже от партийной, членом которой я никогда не состоял. Тут, как раз, у меня и были основные опасения в доброжелательном к себе отношении, но... стремление освободиться от меня, хотя бы, на время, по-видимому, пересилило, и характеристики все я получил, практически идеальные. Но, требовалось еще и детальное медицинское обследование – потому на работу, тем более полевую, времени у меня, практически, не оставалось. В довершение всего, за меня плотно взялось еще и местное КГБ – направлялся-то я не куда-нибудь, а прямо в капиталистическое логово, в Америку – ответственность, соответственно, особая. Что мне весьма доходчиво и объяснили, попутно наповнив и об инциденте 10-летней давности. Тогда, в памятном 71-м, на Аачиме, я исхитрился связаться по радио с Аляской, чем «поставил на уши» все наши «компетентные органы» и получил, соответственно, крутой нагоняй и первого «строгача с занесением» в трудовую книжку.

В принципе, особая проверка меня, конечно, не удивила – я был уже давним «носителем госсекретов», с которыми собирался ехать к «империалистам». Поэтому, я легко соглашался, что надо быть «бдительным» и, с готовностью, подписывал бумаги с соответствующими обязательствами и с предупреждениями об уголовной ответственности за их нарушение. Более того, я соглашался с необходимостью «бдительности» и внутри государства, особенно, у нас, на Чукотке, где «недруги» совсем рядом – я, ведь это уже и на себе испытал, было дело. Резкое отторжение вызвало только конкретное предложение внимательнее присматриваться, в этом плане, к своим друзьям-коллегам. Особенно меня поразило предложение «присмотреться» к милейшему и добродушнейшему Коле Никитину, с которым мы работали на Пегтымеле и близко дружно соседствовали – он жил на Обручева, в нашем же подъезде, этажом выше. На это предложение я запальчиво ответил, что Никитина знаю, как самого себя. А, если уж, «присматриваться», то начинать надо, прежде всего, с людей, обременённых должностями и полномочиями, которые, не упоминая фамилий, громче всех кричат о «светлом будущем всего человечества», а сами старательно и ежечасно закапывают это будущее как можно глубже и надежнее! Но, подписать очередную соответствующую бумагу «с обязательствами и ответственностью» мне, все-таки, пришлось. После чего мне была дана «линия связи», специальный шифр для «спецдокладов» и я был отпущен «на свободу». И меня эта игра в шпионманию, вдруг, даже развеселила. Я решил, при первом же удобном случае, позабавиться над своими «работодателями», доведя, формально серьезную, «специальную операцию» до полного логического абсурда, как любил это делать и раньше. И возможность такая мне вскоре представилась.

В одном из первых же маршрутов по Раучуанской низменности я нашел в тундре обрывок иностранной упаковки от галет и тут же сообщил об этом своим «персональным спецшифром» по «спецсвязи»! В принципе, бумажку, скорее всего, выбросили чукчи-оленоводы, которые, по слухам, в зимнее время частенько контрабандой бегали на Аляску за всяким дефицитом. Но, формально, я проявил необходимую «бдительность», на которую накануне и подписался официально. И, уже через пару дней я сидел в «конспиративном» номере на третьем этаже нашей новой городской гостиницы. Уже знакомый капитан, в штатском, встретил меня восторженными поздравлениями с успехом. На мое удивление он неопределенно ответил, что у них теперь, благодаря мне, появился новый фронт работ. Но, я думаю, его радовала, в основном, моя успешная «вербовка», за которую он и получал жалованье, премии и очередные звания. Закончилась аудиенция бутылкой дорогого коньяка и долгожданным уведомлением, что к моим заграничным документам больше претензий не имеется – они, благополучно, отправились по инстанциям в Москву. Больше я капитана никогда не видел, как не общался и с «органами», даже реально отправившись, наконец, через 3 года, в заграничную командировку в Лаос. А, тогда, зимой 81-82-го, мои, почти уже осуществленные, заграничные мечтания потерпели вдруг полный крах. Меня, неожиданно вызвал к себе сам Лаштабег и просто уведомил, что отзывает свою подпись из под моих заграндокументов.

- Наше руководство решило доверить Вашей жене руководство городом, Сергей Львович! – объяснил он свои действия, - Поздравляю!!

Незадолго до этого, жена, естественно, поделилась со мной возможной перспективой смены работы. Но, для этого надо было еще пройти выборы в Горсовет, да и, в случае положительного результата, нашим заграничным планам это никак навредить не могло – я мог съездить и один, как на полевые работы. Но, я забыл, что в «соцдемократии», все за нас решает «наше руководство». Поэтому, заявление «генерала» я воспринял, как подлый удар ниже пояса, а, еще и «поздравление» с этим – вообще, верхом цинизма и издевательства. И я, буквально, взорвался, хряпнул у начальника перед носом кулаком по столу и громогласно заявил,

- Мне начхать, кому и что доверяет «ваше руководство», но это МОЯ жена – она со мной сюда приехала, со мной отсюда и уедет!! – и выскочил из кабинета, хрястнув дверь. И, в нашей жизни чукотской, именно, с треска захлопнутой генеральской двери, началась новая эпоха, уже почти не связанная с моей работой. Жена не успела еще освоить новый кабинет, а ко мне уже чередой потянулись просители, жаждущие улучшения жилищных условий. Вначале, я только, с удивлением, пожимал плечами, потом начал активно злиться, особенно, после иронического замечания Юриса Хабибуловича Ахмадиева, что мой кабинет превратился в филиал Предгорисполкома - такая же очередь выстраивается – пора приемную пристраивать и секретаршу сажать. Но, окончательно вывело меня из себя, как всегда, ядовитое замечание Веры Михайловны Кудри, присутствовавшей при всех моих переговорах с настойчивыми просителями. –

- Люди же видят, как вы по ночам вещи в новый дом перетаскиваете, вот и идут!! – Я, только удивленно на неё глянул, - какие вещи, какой дом?! Но..... ЛЮДИ, оказывается, ВИДЕЛИ!! Уже вечером, дома, мы с женой дружно над этим прохохотались и было принято твердое семейное решение - из своей родной уютной «двушки», принципиально, никуда не перезжать, тем более, ночью. А, всех посетителей я начал заворачивать прямо с порога и они, наконец, утомонились. И, Володя Ляхович, с присущим ему юмором, публично прозвал меня за это - «сивым мэрином»!

Владимир Тибелиус ответил Сергею
Хорошо пишешь, чёрт возьми. Я тоже, когда выйду на пенсию, опубликую свои дневники из этого периода, может и книжицу выдам. Также прошёл проверку "на вшивость", может быть тот же капитан "тряс" меня, как чужеродного немца. Причём, он мне в открытую сказал, что нехрен мне лететь в Москву, никто никогда не выпустит беспартийного немца в заграникомандировку на 3 года.

**Сергей Казаринов ответил Владимиру
Спасибо, Володя! Главное, есть что вспомнить, а, значит - не зря жили, однако!!**

А, ты и есть - РУССКИЙ, однако!! А то, что такого не бывает, о чем рассказываю, и я постоянно слышу, даже от самых искушенных коллег!!

**Галина Вальцева
СЕРГЕЙ! В жизни СЕВЕРЯН - всякое БЫВАЛО! А сомневающийся - просто ещё маловато испытал. ЗДОРОВЬЯ.**

**Сергей Казаринов ответил Галине
Спасибо!! Но я, все-таки, продолжу!**

Тогда я, пожалуй, впервые, на собственном опыте, испытал едва не параноидальное чиновничество, воспитанное в нашем обществе. Должность, автоматически переводила людей в разряд «небожителей» и, соответственно, авансом определяла их чванство и высокомерие. И, наши конъюнктурщики сражались за посты не из-за денег и власти, как во всем остальном подлунном мире, а, именно, из-за полной свободы и вседозволенности. Именно от тогдашних «конъюнктурщиков» и пошли современные «мажоры». Впрочем, мы с женой в эту схему, слава Богу, как и большинство наших друзей, в том числе и в самых высоких чинах, не вписывались, чем немало удивляли окружающих.

А, ситуации возникали самые парадоксальные, гротесковые, из разряда «нарочно не придумаешь!» Однажды, я ненароком, случайно, заглянул во внеурочное время, по старой памяти, в наш «родной» 44-й магазин на Полевиках. Продавщица одиноко грустила за прилавком, но меня встретила с привычным раздражением, будто я разрушил её сладкие грезы. И, вдруг, её неожиданно выдернули в подсобку, откуда, из-за задернутой занавески, послышался громкий раздраженный шепот – «Ты чё делаешь??! Ты знаешь – кто это такой??! Это же муж САМОЙ ДОРОФЕЕВОЙ!!!» И передо мной, поправляя свежий белоснежный кокошник в волосах, появилась сияющая заведующая – «Здравствуйте! Чем Вас порадовать?! Селедочку вот жирненькую только что получили – рекомендую!!» Я только улыбнулся и, махнув рукой, пошел «во-свояси»!

Через несколько дней, я вечером, по дороге домой, зашел к жене на работу. В её приемной, несмотря на поздний час, меня встретила секретарша и попросила подождать – «Занята Клавдия Гавриловна – к ней ваш Белан неожиданно пожаловал – уже минут двадцать отношения выясняют!!» Из-за двери председательского кабинета, действительно, раздавался знакомый командирский голос моей жены – она

с комсомольской юности славилась энергичным ораторским талантом, обходясь на митингах без микрофона, что, отчасти и судьбу её дальнейшую определило. Через несколько минут дверь кабинета какими-то странными толчками, наконец, приоткрылась, и в ней показался внушительный зад непривычно полусогнутой фигуры Бориса Илларионовича Белана. Так, пятясь, под нашими удивленными взорами, он просеменил, едва не до середины приемной. А, когда, наконец, обернулся – я был поражен еще более – лица на нем не было – это была красная потная пятнистая маска с выпученными, ничего не видящими глазами. Взгляд его прояснился и стал осмысленным, лишь, когда он столкнулся с моим, -

- Ты.... ты.... - как ты с ней живешь?! – выдал он, наконец, заикаясь.

- Так, я живу-то с женой, а не с Председателем Горисполкома, однако!! с улыбкой, отвечал я и он резко повернувшись, схватил с вешалки свою шубу и, не одеваясь, выскочил на улицу. Таким ошарашенным Белана я еще никогда не видел. А в дверях своего кабинета показалась и улыбающаяся хозяйка.

- Ты, чего свирепеешь-то, мать?! – с удивлением, спросил я, - Самого Белана едва до инфаркта не довела!!

- А, ты знаешь, с чем он ко мне пожаловал? Мы с ним, оказывается, теперь почти родственники, поэтому городу стоило бы почистить наши родные септики на нашей родной улице Полевиков. - Она, аж, возмущенно, задохнулась, вспомнив, как нам самим приходилось чистить свои туалеты на Полевиках – Я ему ответила, что теперь он мне, породственному, лично, вычистит не только септики, но и всю канализацию на Обручева, да еще и городскую баню отремонтирует, впридачу, поскольку ею, в основном, только полевики ваши и пользуются! Разволновался почему-то, родственничек!

Подобные инциденты, естественно, должны были бы отразиться у меня на работе, но... не отразились. Более того, я стал, вдруг, практически, неприкасаемым со стороны начальства. Особо показательным, в этом плане, оказался, совершенно беспрецедентный скандал, который я совершенно произвольно устроил вскоре на глазах у всей экспедиции. У меня неожиданно свирепо заболел зуб, который ремонту не подлежал, поскольку был опорным под большим золотым мостом на полчелюсти. Полдня я стойко промучился, но после обеда не выдержал и попытался залечить его старым дедовским способом - бутылкой коньяка, которую и выпил залпом, как воду. Зуб я, на время, победил, в вот адекватность потерял полностью. Поэтому провожать меня с работы отправилась, практически, вся наша дружная геофизическая команда. И надо же было такому случиться – на втором этаже, у генеральского кабинета, мы столкнулись с целой толпой, осаждавшей самого генерала – у него, оказывается, был «приемный день». И, я, вдруг, потеряв голову, вспомнив все накопившиеся обиды, буквально, кинулся на Лаштабега и, схватив его «за грудки», начал трепать, повторяя – «А, ты знаешь, кто ты такой?!» Но, скандала, ко всеобщему удивлению, не получилось – Виктор Иванович, лишь отряхнулся, когда меня от него оттащили и, улыбнувшись, приказал отвезти меня домой на своей генеральской «Волге» и уложить спать. В результате я даже устного замечания не получил «за пьянку на рабочем месте» - прежде мне это стоило бы, минимум, очередного «строгача с занесением» и понижения в должности месяца на три, минимум. Но, я уже был «мужем САМОЙ ДОРОФЕЕВОЙ!!»

Мне с раннего детства пришлось часто слышать, что я «внук САМОГО деда Грошева», потом, что я «сын САМОГО Льва Николаевича» и меня, хотя это и было иногда лестно, но реально угнетало – я всегда хотел быть САМ САМЫЙ!! Поэтому, мы с женой решили, что я, категорически, не

участвую и, даже не присутствую, ни на каких официальных городских мероприятиях. Даже на самых интересных и популярных, типа встречи Ю.Сенкевича или Ф.Конюхова. И я, за 5 лет, так ни разу и не видел свою жену реально ни на трибуне, ни в президиуме. Общались мы, помимо дома, лишь в узком дружеском кругу, который у нас, практически, не изменился. Лишь за город мы стали выезжать несколько чаще – у жены появилась персональная машина, первая в Певеке «Жигули-копейка», с личным шофером. Вместе с тем, я был, наверное, самым активным и яростным в городе «критиканом» городских проблем и казусов, что нередко приводило даже к семейным скандалам. Больше всего жену раздражали мои насмешки над нашей пресловутой «наглядной агитацией», обильно «украшающей» дома, особенно в центре города. Больше всего меня потешали огромные буквы, сияющие над крышами – «Певекчане – выше вклад в решение продовольственной программы!!» - или большой портрет Ленина, украшающий стену туалета на здании ЧЧГПУ, прямо напротив нового Райкома. В решение «продовольственной программы» певекчане могли внести, повидимому, единственный вклад – меньше есть! Ну, а Владимиру Ильичу, повидимому, по штату было положено присесть в туалете именно напротив родного Райкома. Жена же только разводила руками - оформление города было в ведении идеологического отдела – она тут была совершенно бессильна и, главное, практически, бесправна.

Но, надо отдать ей должное, город, под руководством Клавдии Гавриловны, достиг своего пика, начиная от появления бетонных дорог, строительства новых микрорайонов (5-го и «Геолог»), максимума населения – до 25 тыс. жителей и заканчивая официальным признанием его лучшим городом советского Заполярья и даже побратимом Мурманска и самого американского Анкориджа – столицы Аляски. Все-таки, работать моя жена, действительно, умела очень хорошо.

А, моя работа, практически, закончилась и превратилась в чистую формальность. Отсутствие достаточного пара-метрического бурения на Нижне-Раучуанской низменности, фактически, сводило «на нет» достоверность интерпретации всего комплекса геолого-геофизических работ на нашей территории. Оставалось представлять и защищать только теоретическую интерпретацию материалов – дело, конечно, интересное, но, крайне, не благодарное, и, главное, крайне критически ущербное. Именно, в это время я и сорвался, публично налетев на Лаштабега в пьяном виде, пытаясь высказать ему все, что я о нем думаю. И, позже я уразумел, что совсем не из-за моей жены, а, именно, потому, что он все правильно понял, я и не получил никаких дисциплинарных взысканий – официального скандала, с детальным разбирательством всех реальных обстоятельств, он, все-таки уже опасался. А, реальность, к сожалению, была уже такова, что экспедицией управляла, фактически, его жена, Валентина Андреевна, и все наши материальные и технические ресурсы были ориентированы, исключительно, на «её шельф», а всё остальное работалось, строго, по остаточному принципу. И, самым печальным было то, что работы на шельфе были чисто амбициозным проектом, не только, практически, не обеспеченным каким-либо реальным геологическим обоснованием, но и не имевшим ни единого шанса на какую-либо реальную практическую отдачу – методики рентабельной отработки морских россыпей из-под подвижных арктических льдов не существует и поныне. Основой работ было пресловутое «освоение государственных средств» - термин, широко вошедший в советскую практику, именно, к началу 80-х. Именно это бездумное и безудержное «освоение», а, фактически, «расбазаривание и закапывание» средств, позже дополненное иезуитским лозунгом – «экономика должна быть

экономной» - и привело, уже к концу 80-х, к полному краху этой самой «социалистической экономики»! Конкретно, для нашей экспедиции 35-летняя эпоха «великих открытий» завершилась точно с приходом к руководству четы Лаштабег – последним, уже инерционным, и, практически, случайным было открытие Колей Саморуковым уникального Майского, в 73-м. В последующие 15 лет все самые именитые месторождения, открытые ранее, типа Гыргычана и Пыркаяя, Паляна, Пламенного, Рудной и Сыпучей, Рывеема и Чааная, в основном, «закрывались». Как и то же «уникальное Майское», в конечном итоге. К 80-м, практически, выродилась, а, вернее, была фактически изведена и прекратила свое существование и легендарная «чаунская школа геологов»! Заниматься собственно геологией в экспедиции стало... непрестижно.

«Тогда и я,... под дикий шум,... - Но, трезво знающий работу,.... – Спустился в корабельный трюм,... - Чтоб не смотреть людскую рвоту!!» Конечно, аналогия с Есениным была достаточно далекой – «Англетер» мне не грозил – но, напрашивалась сама собой. Я тоже перестал, фактически, «сражаться с ветряными мельницами» и «спустился в корабельный трюм», чтобы «трезво делать свою работу»! Для меня тем «трюмом» оказалась уже оставленная, было, аспирантура. Для защиты диссертации мне было необходимо опубликовать, минимум, четыре научные статьи в официальных изданиях. И я, немногим более чем за год, напечатался в 8 разных журналах и сборниках, начиная с магаданской «Колымы» и заканчивая центральными - «Разведка и охрана недр» и «Советская геология». И, к своему великому удивлению, сразу стал весьма популярным, заимев множество друзей-единомышленников в разных научных центрах, начиная с магаданского СВКНИИ и заканчивая центральными московскими институтами, включая ЦНИГРИ и ИМГРЭ. В СВКНИИ мне даже сразу же предложили участие в моей защите в качестве «Ведущей организации», что я, естественно, с благодарностью, и принял. Ну, а дома была уже привычная формальная рутина с подготовкой и защитой моего последнего официального отчета по приморским низменностям на Чукотке. И закончилась она вполне предсказуемым, хотя, внешне, совершенно неожиданным, натуральным фарсом. Дело в том, что уже привычной, профессиональной и методической конкуренции при защите отчетов, между нашими с Красковым проектами, не могло быть, по определению. Наш, Нижне-Раучуанский, был фактически недоработан из-за отсутствия должных объемов бурения, а Чаанайский последовательно наращивая площади в течение 10 лет, был уже и без геофизики разбурен весьма основательно. Чаунская низменность, на основе моих собственных работ, была и частью моей кандидатской, основанной, как раз на сопоставлении истории развития в кайнозое Нижне-Пегтымельской (западного фланга Валькарайской) и Чаунской впадин. Для полной характеристики последней мне, как раз, и не хватало её внешнего фланга – Нижней Раучуа. Но, Виктор Васильевич, и в этой ситуации, на своей защите, неприминул чувствительно лягнуть меня за мнимые недоработки в морфометрическом анализе, на исследуемой площади, который был им мне поручен в свое время. Особо болезненным это было исключительно потому, что именно с этой пресловутой и, практически, бессмысленной «морфометрией» была, во многом, связана трагическая гибель чудесной маленькой девчушки-якуточки, молодого специалиста - Маши Яковлевой, в 1979 году. Ну, а финальным аккордом нашей отчетной эпопеи, который меня доканал, было торжественное объявление Краскова победителем в «соцсоревновании», в котором мы с ним, оказывается, «соревновались». И я, вспомнив молодость, тут же написал большую злую басню «Козел и капуста», которую и поместил в

отделе «Сатира и юмор», ко времени подвернувшегося, первомайского выпуска нашей стенной газеты «Геолог Заполярья». Реакция на это, вполне безобидное, а для меня, скорее, развлекательно-спокойное мероприятие, была совершенно неожиданной и, действительно, превратилась в натуральный фарс.

Полный текст басни у меня, к сожалению, не сохранился – к своим творениям я всегда относился с достаточным небрежением. В памяти сохранились лишь фрагменты и, естественно, главное – мораль. А фабула была проста – Козел с Ишаком устроили соревнование в сельском хозяйстве – результат оказался предсказуем –

Ишак, трудясь, и ночь и день, -

Возил пшеницу и ячмень,

А, в огороде у Козла –

Лишь кочерыжки, да ботва!

Тогда мудрый Козел предложил посоревноваться в скорости уборки урожая. И результат, вновь оказался предсказуем, -

Ишак остался ... ишаком, -

Козлу же честь, хвала и слава,

И плюс к тому, - во всем «халява»!

Мораль проста, как «дважды-два» -

Не нужен лес, чтоб жечь дрова, -

Не нужно маяться трудом,

Карандашем рисуя дом!

А, чтобы в доме был «залом»,

Не будь ослом, а будь Козлом!!

Буквально, через пару дней после появления красивой газеты в фойе экспедиции, меня пригласил к себе в кабинет Володя Гут, с которым мы близко семейно дружили, с момента его появления у нас, в начале 70-х. Только теперь это был уже... Владимир Терентьевич – САМ секретарь парторганизации ЧКГРЭ. Впрочем, на наши дружеские отношения повышение его статуса никак не повлияло – он, в отличие, от Льва Константиновича Хрузова, как и многих других своих «соратников» и предшественников – коллег «по цеху», начетчиком и формалистом, к счастью, не стал. Поэтому, разговор у нас с ним получился дружески-ироническим. Он просто проинформировал, что на меня поступило официальное заявление о «клевете», а, его самого, Виктор Васильевич Красков обвинил в «идеологической близорукости» и «бесхребетности» и потребовал, во избежание возможных неприятностей, немедленно снять газету. Я тут же вспомнил и рассказал Володе о совершенно аналогичном инциденте в уже далеком, но, по-прежнему, памятном для меня боевом 70-м! – Тогда, я тоже вывесил в газете «пасквиль» на «соцсоревнование» и газету сорвал со стены лично Виктор Иванович Лаштабег, в присутствии Юрия Михайловича Батракова, тогдашнего секретаря парткома. Но, Володя только посмеялся в ответ и передал свой дальнейший разговор с Красковым. «Я ему сказал, что опубликованная басня – это сатира на антиобщественное явление, называемое «очковтирательством», с которым партия давно и активно борется, - так что с «идеологией» здесь полный порядок. А что касается «клеветы», то персонажи-то в басне не персонифицированы, на то она и басня. Ну, а если, вдруг, появляется желание конкретизировать личности, то сразу же возникает необходимость и конкретного разбирательства, причем не только на уровне нашей парторганизации, естественно! Ушел Виктор Васильевич очень недовольный, но бородку свою, почему-то, сразу сбрил! Значит, все-таки, ты, действительно, попал в точку, Львович!» Гут был в самом благодушном настроении. Но, газета, все-таки, через пару дней, со стены в фойе исчезла – на всякий случай. А, слух о нашем «местечковом»

скандале, все-таки, дошел и до Магадана. О нем, при первой же встрече, мне напомнил, в частности, Валера Сухорослов, сказав, с улыбкой, вместо приветствия, -

- А, ты, оказывается, Львович, не только по статьям, но и по басням мастак! Молодец, однако!

Так, весной 82-го, и закончилось моё самое активно-плодотворное десятилетие на Чукотке. Но, творческие наработки мои, сделавшие меня официально признанным специалистом по древним и погребенным россыпям, в экспедиции оказались никому не нужны и работы по впадинам были свернуты. Время активных поисков закончилось, началась эпоха активного проедания ранее наработанного. И я, яро сражавшийся с формализмом, в том числе и баснями, совсем скоро, с потрясением, услышал и вполне официальные заявления этот самый формализм утверждающие. Первым было заявление на Ученом совете ЦНИГРИ, сделанное при обсуждении нашей программы работ в конце 80-х замзавом отдела Геологии россыпей Олегом Сергеевичем Набровенковым, --

- Сергей Львович, по-видимому, прав – делать надо так, как он предлагает, но..... для этого ведь надо РАБОТАТЬ!!! А, работать, к сожалению, у нас, практически, некому! Но, доконала меня эмоциональная речь моего прямого коллеги и магаданского знакомого, Володи Поливанова, ставшего вдруг губернатором Амурской области. При обсуждении программы работ по Амуро-Зейской депрессии, он вдруг яростно замахал руками, -

- Ну, зачем мне, Серега, на тебя деньги тратить, если у меня под задницей уже 350 тонн живого золота лежит – хватит не только мне, но и внукам еще останется!!

И это была уже вполне официальная государственная политика.

Инна Никитина

Поэтому с тобой и не в ладах упрямый был осел... .Он басню знал и счел, что, даже если и не прав, то всё равно конец один: овес с пшеницей, иль с капустою козёл.

А, ведь дело-то было, действительно, криминальное - самый верхний министр-то у нас, в стране, тоже был - КОЗЛОВСКИЙ, однако!!!

Но, я, все-таки, продолжу... о том самом, своем,.... криминальном прошлом!!

Последняя пятилетка – Гытченский ОГГС – 1982-87 гг

Последняя моя чукотская пятилетка оказалась, во многом, схожей с первой – прежде всего, практически, полной реальной бесплодностью – круг, как и положено в любой истории, естественно замыкался. Последний мой официально принятый чукотский геологический отчет – Нижне-Раучуанский, - датирован 82-м годом, а первый, - Аачимский, - 72-м. Т.е. 10 лет на Чукотке – 5 лет до и 5 лет после, - я проработал, фактически, впустую. Но, если в первую пятилетку, я, просто, еще не умел ничего толком делать, то в последнюю, наверное, уже слишком много знал и умел. Но, мои знания и умения уже никому не были нужны! И это.... угнетало! Я тоже становился равнодушным и начинал понимать своих первых чукотских учителей – Романчука, Коровкина, Тимохина и многих других, до времени вынужденных уйти в безвременье.

А, к власти у нас, став главным геологом, пришел, наконец, всеми любимым, улыбочивым Геша Сутугин. Геннадий Николаевич был, поистине, уникальным человеком – с момента своего появления, еще в РайГРУ студентом-практикантом, в 68-м, у Мазенина с Шапоровым, он для

всех, без исключения, был только Гешей, не имея не то что врагов, но даже завистников-недоброжелателей, и не только среди коллег, но и, главное, среди руководства всех уровней. У нас с ним тоже были самые дружеские, даже приятельские, отношения, хотя и без особой близости – ни лично, ни профессионально мы, практически, нигде не пересекались. Если, конечно, не считать случайного нокаута от меня на знаменитом Дне геолога 69-го, который, как оказалось, он, все-таки, так и не сумел забыть и отомстил мне уже по-своему, по-чиновничьи, как раз в духе нового времени. Но, тогда он был уже начальником экспедиции, новоиспеченным генералом, а я – старшим научным сотрудником ЦНИГРИ, т.е. уже не его подчиненным. Хотя, это было уже... «потом». А тогда, в 82-м, новоиспеченный Главный геолог начал новую геологическую политику экспедиции. И мог еще мною командовать. А, новым для съемщика Сутугина, естественно, стала геологическая съемка, но в новом, утвержденном сверху формате, получившей название «групповая», и мне было предложено организовать один из первых ОГГС – Гытченский, в низовьях р.Кувет.

Правда, чем отличалась «групповая» геологическая съемка, стандартного поискового масштаба 1:50 000, от классической, коей нас обучали в ВУЗах, я тогда, до конца, не понял. Но, как оказалось, это была уже совсем не та съемка, в которой я участвовал в первые годы. Хотя задачи и базовая методика оставались, вроде бы, неизменны. Но, у нас, вдруг, появилось изобилие геологов – если раньше, в 67-73-м, приходилось работать в тундре «за троих», опираясь, во многом, на студентов, то теперь у меня даже на разрезах сидели сразу два полновесных геолога – знаменитые Юрики – Клименко и Телегин. Правда, в отличие от студентов, которые были рады любому самостоятельному заданию, Юра Клименко, как старший в группе, уже после первой недели работы, поинтересовался, -

- Львович!! А чего мы здесь лазим?! Эти разрезы уже давно излажены и изгажены!!

- А, мы с тобой, Юра, вроде, одну, «школу» заканчивали – ответственность я, с удивлением, - Неужто ты так и не усвоил, зачем съемщику «разрезы»??! – И мне это сразу напомнило известный конфликт на Пегтымеле с Ляховичем, по поводу палеогена. И аналогия была тем актуальнее, что Клименко тоже реально претендовал на место старшего геолога в отряде.

Но, кроме него был и еще один активный претендент на эту должность – более опытный и не менее амбициозный - Витя Ефименко, с которым мы, собственно, и занялись основным нашим делом - маршрутной геологической съемкой. Витя был вдумчивым интеллигентом, грамотным специалистом с академическим образованием, успешным, даже, преподавателем в престижном Львовском университете, но, практическую полевую геологию, тем более, нашу, заполярно-тундровую, ему еще предстояло по-настоящему освоить. Хотя, «ученый гонор», особенно, в случайных стычках с более напористым и категоричным Клименко, у него, все же, уже прорезался. В конечном итоге, в этой битве карьерных амбиций победил, все-таки, более практичный Юрик и Ефименко из отряда ушел. Впрочем, случилось это уже значительно позже, когда я работал, наконец, в вожделенной «загранице», в Лаосе. Под моим же началом, старшего геолога в отряде уже не могло быть в принципе, традиционно, и любые разговоры на эту тему пресекались «на корню»!

Аккуратный нейтралитет в карьерном споре держал и молодой Юра Телегин. Но, не потому что не имел собственного мнения – он был весьма грамотен – а из чистой мягкой деликатности, добродушной сдержанной улыбкой часто напоминая мне незабвенного Гену Загороднего. Однако, с Клименко они тесно дружили, были почти неразлучны и так и числились в коллективе, как единое целое - «наши Юрики». Да, и спор-то,

амбициозный, был, в основном, «подковерным», поскольку реальных геологических баталий, в отличие от совсем недавних времен, начала 70-х, у нас уже, практически, не возникало. - Ребят, больше геологии, занимали новомодные эстрадные группы – до поздней ночи орала транзисторы и шел яростный спор, что лучше – «Чай вдвоем» или «Машина времени». Мне даже приходилось, бывало, разгонять припозднившуюся и слишком развеселившуюся компанию, а утром поднимать на работу, стреляя над ухом из карабина!

Но, тотального контроля исполнителей, без которого я не чувствовал себя спокойно, начиная с первого же самостоятельного сезона в «военной партии» Романчука, больше уже не было. В нем, просто, не было особой необходимости. Жесткий контроль всегда требовался, прежде всего, за поисками, дающими основной реальный результат полевых работ при среднемасштабной съемке. Ими у нас должны были заниматься сразу 2 чудесных специалиста – старый полевой зубр - Буссай (Бустенгин Гаврилович) Атласов и молодой специалист - первый чукча-геолог - Володя Омрыгыргын («Омрыжка»), но... заниматься им было, практически, нечем. Даже в названии отряда определение «поисковый» (ПГСО или ПГФО) исчезло, и он стал просто – ОГГС – отрядом групповой геологической съемки. Шурфовка была прекращена. И, даже, промывочные лотки, которые раньше, на нашем ДОЦе, изготавливались «на потоке», теперь требовалось заказывать индивидуально. Да, и пользоваться ими «молодежь» уже, практически, не умела. И, новомодная «групповая съемка», представлялась мне, уже, лишь простым «геологическим толпотворением» на местности, сродни, тем же новомодным тематическим турмаршрутам «выходного дня», первый из которых, мы с Фишкиным проводили на «пегтымельские петроглифы» еще в 75-м. Этим же объяснялось и весело-бесшабашное, откровенно, несерьезное поведение – не хватало только костра и гитары, - моих младших сотрудников, которое, поначалу, выводило меня из себя. Оно никак не укладывалось в наше традиционное отношение к полевой работе. Но, это уже была «новая система», к которой надо было привыкать и приспосабливаться. Я «приспособился» и при увольнении из экспедиции получил памятный камень с автографами всех наших сотрудников и гравированной картой площади работ Гытченского ОГГС с крестиком на месте единственного нашего общего поискового успеха за 4 года работ – бутылкой водки, потерянной пьяными чукчами, и найденной мной в одном из маршрутов. Камень так и стоит у меня перед глазами над рабочим столом, напоминая мне о последних «героических» годах на Чукотке.

А, реальными поисками у нас теперь занимались только самостоятельные буровые бригады. В нашем районе их работало сразу две, но я даже не знал, где конкретно. Работали они за пределами нашей площади, а мне уже традиционно, по инициативе Валентины Андреевны Лаштабег, допуск к поисковому бурению был, фактически, закрыт. И только грузовая площадка на нашей основной базе служила перевалбазой для грузов бурбригад, и, прежде всего, горючего. Снабжение было достаточно обильным, особенно в сравнении с нашим, на Нижней Раучуа, из-за которого, отчасти, погиб и Витя Шкодин. Но, совершенно, бесконтрольным – чувствовался, уже классический, «план по валу»! Колонны машин приходили из Певека, разгружались, а затем подходили трактора буровиков и растаскивали грузы по участкам. И если раньше я знал каждую гайку в своем хозяйстве, то теперь и представления не имел чего и сколько имеется у меня на базе. Производственная машина крутилась сама по себе, в автономном режиме. Это приводило и к казусам, иногда даже очень веселым. Однажды я долго наблюдал со стороны, как

бригада экспедиционных механиков, выехавшая в тундру для профилактики нашей техники, долго возилась с нашим единственным трактором, постепенно собрав вокруг себя всех свободных людей на базе. Это, уже ставшее привычным, «толпотворение» меня всегда раздражало, и я подошел прояснить ситуацию. Старший механик усердно, и уже остервенело, пытался завести бензиновый пускач на двигателе трактора. Пускач упорно отказывался заводиться. Толпящиеся вокруг знатоки и спецы, разного ранга, бурно обсуждали ситуацию и сыпали советами. И я, как наименее искушенный из всех, задал самый глупый вопрос: - «А, бензин-то вы проверяли?!» Мне возмущенно показали на канистру, стоящую рядом и на бочки, выстроившиеся в ряд – «Вон его – хоть залейся – только что привезли!» Но, я, все-таки, плеснул из канистры на землю и бросил спичку в образовавшуюся лужицу. Спичка, булькнув, погасла! И окрестную тундру огласил бурный махровый мат. Особенно возмущался наш вездеходчик Валера, который только что собирался заправиться этим «бензином», как он говорил «на халяву» - бензин-то был не наш, а буровиковский. Это уже и веселило, но и озадачивало – кто и как, мог такое отправить в тундру и, с кого и как, за это надо было спрашивать? Впрочем, вопросы эти в сложившейся системе были уже сугубо риторическими и все это великолепно понимали. «Вал» есть «вал» - «вали до кучи – там разберемся!» И я тоже махнул рукой – плетью обуха не перешибешь. Было лишь горько на душе – от меня уже мало что зависело, а я, по-прежнему, чувствовал себя ответственным. Но, сражаться-то надо было, оказывается, не с местными ретроградами, которые были лишь старательными исполнителями руководящих установок, - основные идеологи, организаторы и командиры сидели в Москве. И становился понятным раздраженный намек мудрого Виктора Васильевича Краскова Володе Гуту на его «политическую близорукость», по поводу моей басни «Козел и капуста», и её быстрое исчезновение со стены в фойе экспедиции – главный министр-то у нас, по иронии судьбы, был тоже.... Козловский!

А, ведь, именно, с приходом к руководству лучшей геологической службой Мира этого инженер-механика, в 75-м, у нас и начались основные проблемы и перекосы. Техник-буровик, по образованию, министр, по-сути, назначил себя главным бурмастером большой всесоюзной ГРП, переведя, собственно, геологию, во всех её специализациях, в разряд лишь вспомогательной службы по документации и оформлению погонных буровых метров. Очередная «кухарка» пришла «управлять государством». «Старики» на местах некоторое время сопротивлялись, как у нас, при назначении Краскова главным геологом экспедиции. Не зря он так возмущался при неудавшейся попытке лишить меня допуска и должности, в 78-м – «Левая рука у нас никогда не знает, что делает правая!» И уже через несколько месяцев, в результате острого конфликта со своим Геологическим отделом, сам лишился должности. Старые разведчики - С.С.Казмин, Е.М.Громов, В.Н.Чемоданов – выступили категорически против бессистемного разбуривания Чаунской низменности. На какое-то время Станислав Серафимович Казмин стал и Главным геологом. Но, процесс был уже необратим – на его место вскоре пришел, всем лояльный и аккуратно исполнительный, Геша Сутугин. И в экспедиции реально началась новая эпоха, которая для неё, старейшей на Чукотке, и оказалась, практически, фатальной. В этом свете, даже, трагическая, и, вроде бы, случайная, гибель Геннадия Николаевича, через несколько лет, уже в должности «генерала», на совершенно свободной ровной дороге, как это ни ужасно звучит, тоже представляется фатально-символичной – старейшая на Чукотке, «золотая трасса», просто скинула его с себя, как инородное тело, в память тех, кто костями лег в её основание.

А, пока, в экспедиции начался перманентный праздник – одно за другим чередующиеся торжественные собрания, с вручением переходящих «Красных знамен» Министерства геологии, ВЦСПС и разнообразных прочих ЦК. «Знамена» получали руководители буровых бригад, а овацями торжества покрывали многочисленные «конторские», которые теперь, официально, и приносили «Богатства недр – на службу Родине!» Буровики, действительно, работали очень хорошо – и погонные метры гнали, и «прирост» давали, и премии обильные руководству обеспечивали. А, бывшие «короли и покорители тундры» - геологи-полевики – были уже на этих торжествах лишь гостями и зрителями. Хотя, все, конечно, великолепно понимали, что бывшие обильные геологические наработки, быстро закончатся, но... «жить здесь и сейчас» было уже нормой... в системе «развитого социализма». И в стенах экспедиции заметно изменилась риторика. Если раньше, в кабинетах, коридорах и на техсоветах звучали, в основном, геологические объекты – Палян, Пырकाкай, Гыргычан, Рывеем, Чаанай, Майский. - И имена ведущих геологов, начиная с С.В.Обручева и Н.И.Чемоданова и кончая Н.М.Саморуковым и Леонидом Петровичем Карасем, всех, без исключения, с уважением, поминая, исключительно, по имени-отчеству. Как того же Паракецова Константина Владимировича, именем которого была названа сопка, родоначальница «Майского», которая, именно в это время, тоже была обезличена и стала просто «Золотой». Теперь же звучали, в основном, только общеплощадные названия – шельф, Чауна, Кувет, Паляваам-Ичувеем, Раучуа. И, имена только главных буровых бригадиров – Ветрова, Кулагина, Редкозубова! А, меня, руководящего одним из основных ГСО, а, затем, и кандидата наук, практически, и на техсоветы перестали приглашать.... за ненадобностью!

И я, вплотную, занялся своими, личными, делами – оформлением и защитой диссертации. Заочная аспирантура была официально закончена и Наталья Петровна Костенко, при нашей последней встрече, вдруг поинтересовалась: – «А, как у Вас дела с диссертацией, Сереженька?!» В ответ, я принес и распахнул перед ней большой чемодан с рукописями. Она схватилась за голову, - «Но, нам же нужно всего 100 страниц, вместе с графикой!! - воскликнула, когда-то очень строгая, а теперь милейшая моя учительница, - Когда ж Вы это будете делать, Сережа!? У Вас же всего полгода, максимум, на все про все!!» Но, она не знала, как я научился работать на Чукотке. Уже через пару недель, не уезжая из Москвы, я представил ей полный текст диссертации. Более того, после необходимых правок, я исхитрился даже профессионально отредактировать его в издательстве «Недра», где ведущим редактором работала уже моя бывшая «согруппница» и первая университетская любовь - Вика Лобанова. Наталья Петровна была в восторге и даже позже, непосредственно, на защите, не преминула отметить, что, хотя, с некоторыми положениями работы она не совсем согласна, но и пальцем к ней не прикасалась – все, от первой до последней строчки, сделано и написано лично мной! Ну, а дома, в экспедиции, мне оставалось только дополнить текст необходимой графикой и переплести своё творение в аккуратный том, как и все свои предшествующие официальные отчеты. А, графику, как текстовую, так и, главное, красивейшую демонстрационную мне сделала во внеурочное время старая подруга - Ирочка Коровкина – лучшая «картежница» экспедиции. И, именно, эта чудесная графика, больше всего и убеждала затем всех моих оппонентов, обеспечив мне феерическую эпопею с получением ученой степени и совершенно неожиданного успеха и авторитета в ученых кругах всех уровней.

Эта моя эпопея началась поздней осенью 83-го, по окончании нашего первого полевого сезона на Гытчене и защиты моих первых, чисто

съемочных, полевых материалов в экспедиции. Она, естественно, заслуживает отдельного рассказа. А здесь я ограничусь, пока, лишь основными, особо знаковыми, штрихами. Но, началось все совсем не бравурно – в Магадане, в Центральной тематической экспедиции (ЦКТЭ) СВТГУ от моей предварительной защиты отказались, без объяснения причин, - просто, мои идеи и наработки были уже всем известны и, по-видимому, официально, отвергнуты, ... за ненужностью! Противоположная реакция была в СВКНИИ – возможно, из-за традиционной конкуренции науки с производственниками за влияние на территории и официально декларируемой необходимостью «внедряться в производство». Вначале мне предложили доложить, в достаточно узком кругу - на одной из секций института. А, затем, уже в качестве «ведущей организации», устроили мне официальную «предзащиту» на большом Ученом совете. Радужный прием наших северо-восточных «знатоков» меня весьма вдохновил и я, уже, с легким сердцем и «засученными рукавами», полетел в Москву, к великим свершениям. И там, развив, поистине, бешеную энергию, за 1.5 месяца, я написал, отпечатал и разослал свой «автореферат», собрал все необходимые отзывы! – Труд, как оказалось, поистине, титанический. А, между делом, сумел несколько раз доложить по теме диссертации, в нескольких институтах, в том числе, в ЦНИГРИ и, главное, в ИГЕМе, непосредственно, в присутствии самого академика Николая Алексеевича Шилю. После чего, он же и окончательно «благословил» свою первую заместительницу в Совете по рудообразованию АН СССР, где он председательствовал, – Наталью Георгиевну Патык-Кара, мою уже давнюю знакомую, на роль «официального оппонента» на моей основной защите. И это было уже практической гарантией её полного успеха. Однако, основные сложности меня ожидали в родном Университете. И с самой неожиданной, вроде бы, стороны, - от самой моей научной руководительницы – Натальи Петровны Костенко. Вернее, не от неё самой, а от давней, еще с моих студенческих лет памятной, яростной непримиримой «войны» между «фиксистами» и «мобиристами» на нашей родной кафедре - динамической геологии. Наталья Петровна была твердой и жесткой «фиксисткой», верной последовательницей главного классика советской геологии – академика В.В.Белоусова, который читал нам свой основной курс «Геологии СССР». Но, подавляющее большинство, как на кафедре, так и на факультете, в целом, были «прогрессивными мобиристами», последователями нашего общего любимца, неподражаемого эрудита и полемиста, Виктора Ефимовича Хаина. И главным среди них был заведующий лабораторией неотектоники и главный «неотектонист» Союза - Николай Иванович Николаев, и, соответственно, ярый недруг и вечный оппонент Костенко! Я же был в этом яростном споре разумно нейтрален, тем более что работал в центре «Берингии» - единственной жестко фиксированной «глыбы» Земли, признанной таковой даже самыми яркими «мобиристами». Да и глобальных геологических проблем в своей работе я не касался, ограничиваясь сугубо прикладными вопросами. К тому же, с Николаевым был близко знаком еще со студенчества – он был у меня научным руководителем дипломной работы. Тогда же я, впервые, на себе ощутил его категорическую нетерпимость к оппонентам – вторым моим руководителем по диплому оказался его ярый «супротивник» - заведующий отделом кайнозоя ВНИИ Океанологии – профессор Евгений Николаевич Невеский. И я тогда оказался, буквально, «между молотом и наковальней», но диплом по Белому морю, все-таки, написал по-своему и успешно защитил, даже с последующей публикацией, хотя и анонимной. Собственно, с этой публикации, с которой случайно познакомился наш Владимир Петрович Полэ, и началась, в 71-м, моя прибрежно-морская, а,

затем, и морфоструктурно-россыпная эпопея, завершившаяся диссертацией. Таким образом, Николай Иванович, фактически, стоял у истоков моей работы. Но, официально, моим руководителем была уже Наталья Петровна, и конфликт вновь был неизбежен.

А, проблема заключалась в том, что Николай Иванович был председателем нашего факультетского диссертационного совета и успех моей защиты, во многом, зависел от его настроения. Поэтому, Наталья Петровна предложила мне предварительно неофициально доложить в самом «логове» своих оппонентов – в лаборатории Николаева, оценивая это реальной фактической «предзащитой». И она была, поистине мудра, моя учительница – это и была моя главная защита. После неё, все остальное, представлялось уже, практически, полной технической формальностью, обремененной лишь некоторыми необходимыми официальными процедурами.

В большой рабочей комнате лаборатории Николаева на мое «сообщение», к моему удивлению, набилось невероятное количество сотрудников, студентов и аспирантов. Сразу вспомнились наши давние студенческие баталии и я, почувствовал себя в родной среде, а, соответственно, «как рыба в воде». И меня бесконечно долго начали «таскать носом по столу», постепенно, уже далеко выходя за пределы моего доклада и диссертации, на что я отвечал вполне адекватно – «аргументами и фактами». Свободная дискуссия давно, с тех же студенческих времен, стала моей любимой формой общения. Николай Иванович, в течение всего моего «избиения», незаметно и молча просидел в сторонке от своего большого председательского стола и, так же молча, завершил дискуссию, поднявшись на ноги и несколько раз, с улыбкой, громко хлопнув в ладоши. И меня проводили дружными аплодисментами и дружеским похлопыванием по плечам. Это был, поистине, неожиданный и очень ценный подарок – всеильный Николаев, любезно и публично, исключал меня из своего «враждебного лагеря». И, уже вскоре, это реально проявилось – в самый ответственный для меня момент.

По-видимому, мое выступление не осталось незамеченным – и, на моей основной защите, несмотря на её вынужденный технический перенос по времени, большая наша 415-я лекционная аудитория тоже была заполнена до отказа. У меня появилась большая и солидная группа поддержки, но врагов у Костенко на факультете было явно больше. В том числе и в диссертационном совете. А я представлял собой почти идеальную мишень, чтобы ей досадить – работа моя не была формально чистенько причесана, как это было обычно принято. К тому же, я был «провинциал-самоделкин», над которым «высоколобым» столичным снобам было престижно поупражняться в ученом красноречии. И меня «причесывали» более 3.5 часов, вместо стандартных, для подобных мероприятий, 1.5! И самыми агрессивными моими оппонентами оказались вдруг стратиграфы-классики с кафедры исторической геологии. Они никак не могли понять и принять один из моих главных тезисов – увязывать и стратифицировать рыхлые отложения можно и по древним реконструированным эрозионным врезам и поверхностям выравнивания, а не только наоборот, как принято в классической стратиграфии. Но, когда одна из энергичных ученых дам вдруг высказала сомнение в правомерности моей защиты именно на нашем, геологическом, Совете – мои проблемы ближе коллегам-географам – неожиданно и резко вмешался уже сам Председатель Совета.

Николай Иванович, в своей излюбленной категоричной манере, напомнил «коллегам-геологам», что они уже длительное время ведут интереснейшую и весьма аргументированную научную дискуссию докторского уровня с оппонентом, который лишь претендует на ученую

степень кандидата геолого-минералогических наук. А диссертационная работа, вызывающая столь острый научный резонанс, заслуживает, по его мнению, рекомендации на публикацию, с тем, чтобы начавшаяся на Совете дискуссия могла быть продолжена и в открытой печати. И вопрос был окончательно решен – за меня проголосовали «единогласно» - я стал КАНДИДАТОМ НАУК!

Но, какого-то внутреннего качественного перелома я не почувствовал. Все меня наперебой хвалили, а я был равнодушен и внутренне опустошен от перенапряжения и усталости. Я, вроде и доказал сам себе и окружающим, что ВСЁ МОГУ, а что с этим «МОГУ» делать дальше, я так и не знал. Больше всего мне хотелось сбежать ото всех – ДОМОЙ, на ЧУКОТКУ, в ТУНДРУ!!! Хотя от многочисленных дефирамов и самых заманчивых, весьма лестных, предложений легко могла бы закружиться любая голова. На работу приглашали сразу все четыре наших головных столичных института (ИГЭМ, ИМГРЭ, ВИМС и ЦНИГРИ). От магаданского СВКНИИ я подобное неофициальное приглашение получил уже в процессе своего предварительного посещения, сразу после официальной «предзащиты». Самым неожиданным было предложение перейти на преподавательскую работу и остаться на факультете, на кафедре полезных ископаемых, в качестве доцента. В нашем обширном университетском курсе был явный и существенный пробел – отсутствие специализированного курса россыпной геологии – её приходилось осваивать уже на производстве, самостоятельно. И я, на собственном опыте, уже хорошо знал – чего это стоило. Мой полемический задор и свободное владение достаточно обширным материалом, повидимому, произвели впечатление и сам Владимир Иванович Смирнов, главный наш советский «полезник», по учебнику которого мы все учились, предложил мне написать учебное пособие и организовать россыпной факультатив на старших курсах. Но, я, достаточно равнодушно, от всех предложений отмахивался, непроизвольно приобретая репутацию высокомерного сноба. Даже Лёва Быховский, мой «крестный отец» в геологии, заметил, наконец, в своей привычной иронически-саркастической манере – «Не думай, Серега, что ты уже взял Бога за бороду!» А я, просто, так и не знал, конкретно, куда мне дальше идти и что делать. И главным для меня были признание и завет моего отца. Утром после защиты он мне сказал вдруг, - «А, знаешь, честно думал, что ты ерундой занимаешься – умничаешь, выпендриваешься! Но, вчера послушал, посмотрел, поговорил со многими и.... зауважал – ты, похоже, и меня уже в профессии перерос! Теперь главное, чтобы ты сам к себе уважения не терял! Как от успехов голова кружится, по себе знаю! Упаси тебя Бог самого себя потерять!» - В моей ситуации это, действительно, было очень трудно. Или мне это только казалось? Я был... на распутье. И моё возвращение в экспедицию это подтвердило.

Никаких фанфар и фейерверков в Певеке, по случаю моего триумфального возвращения, я, конечно, и не ожидал. Но, все было, дообидного, банально, особенно, по сравнению с Москвой. Я просто вернулся из очередной командировки. Хотя Геша Сутугин, как главный геолог, официально и поздравил меня тет-а-тет в своем кабинете, но тут же открытым текстом и предупредил, чтобы я ни на какие особые преференции в работе, а уж тем более, прибавки к зарплате, не рассчитывал. Поэтому «возвышение» мое мы отпраздновали лишь в «узком семейном кругу». А, мнение «широкой общественности» до меня, как всегда, с полной саркастической откровенностью, донес Виктор Васильевич Красков: - «Ты же сам, было дело, говорил, что у нас любой ДУРАК может стать КАНДИДАТОМ!!!» И я, вновь, обыденно, окунулся в

дела родного Гытченского ОГГС, где за время моего отсутствия, практически, ничего не изменилось.

Большая чудесная наша команда работала, по-прежнему, дружно и весело, но чисто формально. И формализм этот окончательно внедрялся уже и чисто административно – в экспедиции была введена звонковая система контроля рабочего времени. Если раньше мы работали на энтузиазме, практически, круглосуточно, и на бурных пьяных вечерних посиделках решая, бывало, насущные производственные вопросы, частенько доходя и до физического воздействия. Даже анекдот, еще с хрущевских времен, был популярен из классической серии вопросов «Армянскому радио» - «Чем отличаются американцы от русских?» - «Американцы везде говорят о женщинах, и только на работе – о делах, а русские, наоборот, - везде и всегда - о работе и только на работе – о бабах!!» Теперь же мы были обязаны работать.... строго «по звонку», а на входе в экспедицию, рядом с вахтером, постоянно дежурил инспектор отдела кадров, фиксирующий в блокнотик всех опаздывающих и отлучающихся в рабочее время. Партия, в лице нового Генсека Андропова, озаботилась, вдруг, дисциплиной труда в стране и наше высокоответственное руководство, уже привычно и исполнительно, «побежало впереди паравоза». И ввело в конторе «режим», которого, по мнению стариков наших, не бывало даже в самые мрачные «дальстроевские» времена. Впрочем, «режим» этот был, уже привычно, тоже сутубо формальным. Народ заполошно прибегал утром, опасаясь «попасть на карандаш». А потом, уже «из принципа», из чувства «естественного протеста», ну, и уже просто по-привычке, переставал что-либо реальное делать, просто «отсиживая» положенное время «от звонка до звонка». И это принимало иногда даже гротесковые и комические формы.

Мы, тундровики-полевики, спать привыкли ненормированно, часто урывками, в любом месте и положении, хоть «на абажуре», как говорится. Но, здесь я узнал еще один, совсем уж нестандартный способ спокойного сна - «на карандаше»! Его нам открыл и регулярно демонстрировал милейший Володя Дубровный. Он часами сладко спал, сидя за столом, уткнув карандаш в карту, лишь изредка открывая глаза, чтобы переставить карандаш в новую точку, и снова задремывал над ним, в полном изнеможении. Всеобщее пробуждение наступало за полчаса до очередного звонка. Все начинали лихорадочно собираться, одеваться и, особо нетерпеливые, сгруживались у двери кабинета, осторожно выглядывая в коридор, в ожидании звонка. И, однажды, я, не выдержав униженности этого «стояния», демонстративно, под удивленными взглядами, вышел в коридор и направился к выходу. И из всех приоткрытых дверей на меня смотрели десятки удивленных глаз, я спиной чувствовал их коллективное осуждение, поскольку демонстративно «противопоставлял себя коллективу», пытался над ним «возвыситься»! И уже на лестнице, когда зазвучал, наконец, вожделенный звонок, бурная возбужденная толпа едва не сбила меня с ног. И я не знал уже – смеяться над этим спровоцированным коллективным сумасшествием или плакать.

Вместе с тем, я, действительно, достаточно демонстративно, пользовался своей «дипломатической неприкосновенностью», статусом мужа «хозяйки города», и, в любое время, спокойно проходил мимо тетенок-контролерш из ОК в фойе экспедиции, которые только дружески улыбались мне при встрече. И однажды это мне помогло предотвратить настоящую трагедию. Появившись дома в неурочное время, я, вдруг, обнаружил сильно задымленный подъезд и дым из под дверей собственной квартиры. Квартира была пуста, а дым валил из кухни, из круглой дыры в полу. В неё из розетки

протягивался электрошнур. Выдернув его из розетки и потянув, я вытащил из дымящейся дыры раскаленную до малинового цвета крышку от, обязательной тогда на любой кухне, печки-чудо. Она прожгла в полу кухни аккуратное круглое отверстие, провалившись до бетонного перекрытия, но, каким-то чудом, большого пожара, на наше счастье, так и не распалила. И даже «не перегорела», при этом, лишней раз, прославив, тем самым, супернадёжность отечественной бытовой техники. А, последующее семейное расследование показало, что все случилось, до банальности, просто. В школе, в 6 классе, вдруг решили устроить коллективное чаепитие, и дочь захотела удивить всех своими любимыми домашними пирожными, изготовлению которых незадолго до этого научилась у матери. Все необходимое было под рукой, и она быстро, прибежав домой, напекла пирожных в печке-«чудо», горячую крышку от которой, в спешке, и бросила на пол, забыв даже выключить её из розетки. Дальше и случилось то, что случилось. Удивительным, конечно, можно считать лишь моё неурочное, и весьма своевременное, кстати, появление в квартире, но... это было уже годами выработанное профессиональное чутьё на житейские и производственные пакости, которое неоднократно помогало мне и в поле - там беду, обычно, чуешь издалека.

В принципе, все случившееся было естественным следствием предельной занятости родителей своими делами. И, прежде всего, конечно, матери. Она была целиком занята городом, которому, под её руководством, присвоили статус Лучшего города советского Заполярья, с регулярным вручением соответствующих переходящих Красных знамен, и которому надо было, соответственно,... соответствовать. Она теперь стояла на «правительственных» трибунах и сидела в президиумах на торжественных собраниях и митингах. И встречала многочисленных почетных гостей Города. В том числе, весьма знаменитых, типа великого путешественника и полярника Федора Конюхова или популярнейшего телеведущего «Клуба кинопутешествий» Юрия Синкевича.

За многочисленными городскими праздниками и мероприятиями семейнодомашние постепенно сошли нанет. Ранее весьма частые и многочисленные гости теперь появлялись редко, лишь по особым случаям. Даже, когда мы, однажды вечером, несколько навеселе, появились дома с Ляховичем, жена в прихожей так радушно встретила нас, подбоченясь, по-крестьянски, возгласом – «Хороши!! Ну, раздевайтесь!!» - что Вовка испуганно попятился к двери и быстренько ретировался. Единственным исключением была ближайшая наша соседка Тоня Мезенцева. По иронии судьбы, именно она в 70-м, своим неурочным приездом в Певек, лишила нас с Клавой нормального «медового месяца» в моей «законной» комнате на Полевиках. А теперь жила в соседней, бывшей красковской, квартире, у нас за стенкой и регулярно являлась к нам «без затей», несмотря на то, что близкого душевного контакта у нас, изначально, так и не получалось. У неё сложились серьезные семейные проблемы с Виктором и она, вдруг, глядя на меня, тоже решила «заняться наукой», - поступила в заочную аспирантуру. И стала меня настойчиво и многословно пытаться – как нужно «собирать материалы» и писать диссертацию. Мои объяснения, что материалы нужно не «собирать», а делать самой, тогда и диссертация напишется сама собой, как у меня было, вызывало лишь новые и новые бесконечные и уже крайне раздражающие вопросы. Взаимопонимание у нас отсутствовало полностью, потому и дружбы особой не получалось – сложилось лишь добрососедское знакомство и не более, к сожалению.

А, у меня наступила рецессия – творческий кризис – что и как искать на новой территории и в новых условиях, я пока не знал, а заниматься чистым картированием было скучно. И я вплотную занялся старым, еще

юнешеским «хобби» - фотографией. Главным фотографом в экспедиции числился Сергей Федорович Бегунов, который уже совсем отошел от полевого производства и стал организатором и основным хранителем экспедиционного музея, который открыли в новом здании. С ним мы и начали соревноваться в качестве фотографий, я сменил свой многолетний заслуженный «Зенит-Е» новейшей немецкой «Практикой» - но, о бегуновском «Никоне» мне, конечно, приходилось только мечтать. Однако, полный набор сменных «никоновских» объективов я все-таки приобрел, в том числе и 100-мм «телевик», для съемки мелких птиц и зверушек в тундре. Дома я плотно оккупировал ванную комнату, устроив там настоящую фотолабораторию, и пропадал там вечерами и ночами, как раньше - за рабочим столом. А чтобы объективно сопоставить наши фототворения мы организовали пару фотовыставок, на которых некоторые мои «шедевры», действительно, были оценены и отмечены. Позднее, несколько из них Сережа Бегунов даже опубликовал в своих героических воспоминаниях о нашем совместном «незабываемом» 1971-м. А в экспедиции у нас выявилась, вдруг, целая организованная группа конкурентов, под руководством А.В.Чеховича, которая специализировалась, правда, в основном, на официальных кинофотосъемках наших торжественных «краснознаменных» собраний и других коллективных мероприятий. А, основным «кинооператором» в группе был общительный и обаятельный комсомольский активист нового поколения - Дима Плитчук. Иногда создавалось впечатление, что он вообще никогда и нигде не расставался со своей миникинокамерой. И, временами, это даже раздражало. Тем более, что результатов его работы видеть, большей частью, не приходилось. Почему и я к киносъемке относился небрежительно - мороки много, а результат минимальный - нерациональное занятие. Только теперь, просматривая те самые старые ролики, которые уже стали «историческими», несмотря на свое достаточно низкое качество, понимаю, что был не совсем прав!

Таким образом, родители были выше головы заняты своими делами, а дочь воспитывалась, в принципе, сама по себе. Благо, к самостоятельности, как и родители, она привыкла уже с дошкольного возраста. В том числе и к принятию самостоятельных решений - однажды, когда мама отправила её вечером в магазин за хлебом, она быстро вернулась домой, с котенком в авоське, которого купила у ребят на улице на «хлебные» деньги. А, по-настоящему, все началось в старшей группе д/с «Спутник», когда её определили в музыкальную школу. На занятия в школе, которая находилась по-соседству, её отпускали самостоятельно, чем она и пользовалась, в своё удовольствие. Поэтому, поначалу, «музыкалка» ей очень нравилась, и она делала в ней большие успехи, вызывая даже наши родительские надежды. Но, со временем, музыка для Светы стала лишь дополнительной нагрузкой к обязательной школьной программе и она начала ею активно манкировать, что принимало частенько даже комические формы. С появлением у нас первого настоящего магнитофона «Яуза-5», она сразу же предложила, записывать на него свои домашние музыкальные задания, чтобы не греметь перед нами на пианино по вечерам, после работы. Но, я быстро выявил, что она меняет на записи лишь её дату и затея провалилась. Однако, фантазия у дочери оказалась нашей фамильной - поистине, неисчерпаемой. Однажды вечером она сообщила, что музыкальные занятия отменены, поскольку заболел маленький сын её учительницы - Елены Михайловны. Дело было достаточно обыденным, житейским - дети у нас, к сожалению, болели часто, особенно, маленькие. Но, тут вышел конфуз. Мне потребовалось выйти в магазин и, по иронии судьбы, прямо у музыкальной школы, на

коробе, я издали увидел Елену Михайловну, которая, буквально, кинулась ко мне с взволнованным вопросом, -

- Сергей Львович, что со Светой!?

- А, что со Светой?! – удивился я, - А, как Ваш сынуля себя чувствует?!

- Болтать начал – не остановишь!! А, со Светой я сегодня пыталась поговорить по телефону, когда она не пришла на урок – она мне ответила таким страшным, задыхающимся голосом – «Елена Михайловна! У меня ужасно горло болит и температура высокая – жду родителей, чтобы врача вызвать!» - Я перепугалась!! Пришлось успокаивать милейшую учительницу, которая считала нашу дочь своей лучшей ученицей и даже прочила ей большое музыкальное будущее. В чем, впрочем, и не ошиблась – она, действительно, связала свою жизнь с музыкой, только не на сцене, а на радио. Ну, а тогда, естественно, пришлось проводить с ней очередную воспитательную беседу и, в очередной раз, восхититься, её артистической изобретательностью - талантливая девчонка росла. Но, свою собственную дочь в "музыкалку" уже не отправила, однако.

Так же «творчески» Света относилась, оказывается, и к занятиям в основной школе, что выяснилось уже много позже из воспоминаний учителей и её собственных запоздалых признаний. Проблем с успеваемостью у неё не было ни малейших, потому особого внимания к её учебе с нашей, родительской, стороны, вроде бы, не требовалось. Но, как оказалось, училась она весьма своеобразно. Положенных «уроков», практически, дома не делала. Рано научившись быстро и много читать, школьные учебники она прочитывала залпом, осенью, когда они, еще новые, только попадали к ней в руки, и далее, в течение учебного года, их уже и не открывала. А письменные домашние задания быстренько делала на переменах между уроками, где у неё и списывали все желающие. Её классная руководительница, «историчка» Нина Григорьевна, позже вспоминала, с восхищением, - «Удивительная была девочка! Чтобы не выделяться и не быть отличницей, на уроках, бывало, специально несла заведомую чушь, с самым невинным видом, – оставалось только плечами пожимать!» С таким же невинным видом она, по-видимому, частенько и школу прогуливала. Но, однажды, перехитрила сама себя и устроила настоящую панику во всем городе.

В тот памятный день мы остались дома вдвоем – мать уехала в командировку. И утром дочь слишком лениво и неспешно, на мой взгляд, собиралась в школу. Я её поторопил и она, рассердившись, быстро оделась и выскочила из квартиры, хлопнув дверью. А на столе остались забытые тетради, которые я и занес в школу по пути на работу. Но, дочери в классе не оказалось – он исчезла. Мы все, в своё время, прогуливали уроки. Только, мы их, именно, «прогуливали», и, как правило, «коллективно», а дочь была одна и погода была зимняя, певекская, т.е. не совсем прогулочная – темновато еще было для прогулок, да и «южак» очередной намечался. Потому, удивление мое быстро переросло в острое беспокойство, и, едва, не в панику, когда ребята-старшеклассники быстро обшарили все свои потайные места в нашем, далеко не гигантском городе. К поискам подключилась милиция, другие организации и службы города. А наша экспедиционная молодежь отправилась прочесывать даже заторошенную Певекскую бухту, куда глухой зимой вообще мало кто ходил, кроме белых медведей. Но, нашлась девчонка сама, самым прозаическим образом, - я обнаружил её дома, когда пришел туда в обеденный перерыв, - виновато-испуганной, но, слава Богу, целой и невредимой! Оказывается, она полдня просидела на плоской крыше нашего дома, заблокировав выходной люк, чтобы её не обнаружили шнырявшие повсюду ребята, озабоченные её пропажей и, с интересом наблюдали за поднявшейся в городе суматохой. А, когда окончательно

замерзла, просто спустилась домой и завернулась в одеяло. Мне её уже и ругать, естественно, не хотелось, а от вернувшейся из командировки матери попало, конечно же, в основном, уже мне самому. Так вот мы и жили-учились.

Поэтому, когда нам удавалось по-весне отправлять дочь к моим родителям в Пятигорск, она воспринимала это, как наказание. Там она заканчивала учебный год в местной школе, но дома всегда была строгая бабушка, которая не позволяла ей привычных вольностей. А, вот, когда ей повезло поехать на осеннюю учебную четверть в «Артек», она была в восторге – слишком уж необычно и непривычно это было. Оттуда, кроме кучи впечатлений, она привезла и первые своё творение – целую поэму «О хлебе!» Оказывается, она участвовала и победила в творческом конкурсе – это дорогого стоило.

А, потом был, как оказалось, мой последний полновесный полевой сезон на Чукотке. Вспоминать об этом грустно, но тогда я еще этого не знал. Работа началась обыденно, дружно-весело, но уже без былого энтузиазма. По-сути, мы лишь детализировали геологическую карту регионального, 200-тысячного, масштаба до основного поискового 50-тысячного. Но, практически, без традиционных попутных поисков. Главной нашей задачей было уточнение геологических границ и точечное маршрутное опробование, по-сути, лишь заверка, потенциально перспективных рудных зон, выявленных ранее. И, вместе с тем, совершенно неожиданно вспомнили, вдруг, про, практически, уж забытую нами, радиометрию. И это мне напомнило мою геологическую юность, которую я начинал на Кавказе, именно радиометристом, еще в 9 классе, в уже тогда далеком, 1959 году. А, для полной аналогии, в стране учредили летний «трудовой семестр» для студентов и «трудовую практику» для старшеклассников. И у нас появился парнишка-чукчонок, которого и определили маршрутным радиометристом, как и меня когда-то. И я взял его под свою руководящую руку, как и меня, когда-то, в первом моём поле – Лева Быховский. Тогда, я помню, в первом же маршруте, разбил дефицитную стеклянную колбу-радиосчетчик, постучав трубкой радиометра РП-1 по камню, как истинный геолог молотком. Теперь радиометры были уже другие, менее хрупкие, и парнишка был, как истинный чукча, более спокойный и аккуратно-исполнительный. Но, трагедия, все же тоже едва не случилась. И значительно более серьезная. А, главное, по моей собственной вине.

Со скуки, я нарушил одну из основных полевых геологических заповедей, которые усвоил еще от Быховского – «Умный в гору не пойдет». Сейчас стыдно вспоминать об этом, но тогда, от унылого рабочего однообразия, мне, вдруг, захотелось «попизжонить» и показать пацану-первогодку «настоящий» геологический поисковый маршрут. И я полез в гору, на которой нам совершенно нечего было делать – там были только глухобесперспективные вулканы, но зато красивейшие, труднодоступные скалы. И мы полезли на них, с подзабытым уже энтузиазмом – «вперед и вверх» - пока не оказались на узеньком, шириной в ступню, уступчике на гладкой вертикальной стенке ледникового цирка. Лишь глубоко внизу, на плоском дне скального ущелья белело небольшое пятнышко летнего снежника. Дальше дороги не было. Я обернулся на своего юного спутника и, впервые, реально испугался. Парнишка, с рюкзаком за плечами и радиометром на груди, буквально навис над бездной и в непривычно расширенных глазах его застыл дикий ужас. Пришлось жестко брать себя в руки и осторожненько, по полшажка, выбираться из каменной ловушки. Спускались мы с ним с горы несколько часов и его учебная практика на этом закончилась. Думаю, и интерес к геологии, как к самой романтической из профессий, тоже.

А, я, вновь, пошел своими обычными одиночными маршрутами, привычно нарушая все базовые нормы и правила ТБ. И к концу сезона нашел-таки кое-что, действительно, интересное, заслуживающее внимания. Но, и послужившее основой последнего моего, уже «прощального», конфликта с уже новым руководством экспедиции. На высоких плоских увалах по бортам крупных долин я обнаружил мощные нашлапки древних, предположительно, палеогеновых галечников, которые предшественниками традиционно картировались, как верхнемеловые вулканиты. То, что это были, именно, более поздние галечники, а не коренные первичные вулканиты, было бесспорно – преимущественно, эффузивная галька была слишком хорошо окатана мощными флювиальными потоками. А, это, автоматически, значительно расширяло россыпной потенциал территории. Но, это надо было еще доказать, что в новых наших условиях было весьма не просто. Значительно сложнее, чем даже в памятном 68-м, на Пельвунтыкойнене, с Депармами. Тем более, что детально обследовать и опробовать выявленные высокие террасо-увалы у меня уже не было времени – сезон закончился. Впрочем, впереди был еще один полевой сезон и у меня уже вырабатывался план полномасштабного обследования перспективных объектов. Но, судьба и руководство распорядились иначе.

Чудеса начались, когда меня, на пике зимы, в преддверии нового, 85-го года, неожиданно, срочно вызвали в Москву. В нашем руководстве только пожали плечами и предположили, что отдел кадров союзного министерства, может вызывать только для какой-то срочной комиссии или загранкомандировки, благо документы для этого у меня были оформлены уже несколько лет. Ничего конкретного мне не сообщили и в наших местных «компетентных органах», куда я наведалься по старой памяти. – Знакомый капитан, ставший уже майором за время, пока мы с ним не общались, радушно встретил меня, но только пожал плечами – им, по моему поводу, никаких указаний не поступало – я был уже в «компетенции» лишь центральных «органов». Дома, с женой, мы тоже решили, что Новый год я буду встречать дома, а поездка в Москву очень кстати, поскольку я сумею там подлатать свои разваливающиеся зубы. В 1-й платной стоматологической поликлинике в Кисельном переулке, на Трубной, у нас давно уже была «своя» знакомая докторша, а у меня «полетел» большой золотой мост на нижней челюсти. И я в приподнятом настроении полетел в Москву.

Летели мы долго и муторно, только в Норильске полдня просидели «по-погоде». И скрашивала неуют только одна неожиданная попутчица, Зина Чемоданова, с которой мы были давно и хорошо знакомы, но до этого общались, в основном, лишь «шапочно». Больше всего меня удивляло, а её возбуждало и веселило, что я был, оказывается, все еще уникальной «персоной нон-грата» в Шельфовой ГРП, где она работала, т.е. личностью загадочной и, почти, легендарной. Им было категорически запрещено со мной общаться, - соответственно, она рисковала, поскольку «у Валентины Андреевны везде глаза и уши!» И мы так увлеклись друг другом за время полета, что и, прилетев в Москву, сразу расстаться не сумели. А, утром, позвонив в Министерство я, сразу же, получил крутой нагоняй за опоздание.... «на двое суток»! И, явившись через пару часов «перед светлые очи», я, с огромным удивлением, получил пачку оформленных проездных и сопроводительных документов, вместе с загранпаспортом, и строгое предписание первым же рейсом вылететь во Вьентьян, столицу, неведомой мне дотоле, Лаосской народной республики, и явиться там в наше Посольство для получения дальнейших указаний. Оказывается, вылет у меня был забронирован еще двумя днями ранее, как раз когда я сидел из-за нелетной погоды в Норильске, и я его, естественно,

один раз уже сорвал своим неспешным путешествием из Певека, за что и получил еще одну крутую «выволочку», при полном моем недоумении. Так я, в очередной раз, наглядно ознакомился с нашей приказно-распределительной хозяйственной системой, которая доходила уже до полного маразма. Куда, зачем и на какой срок лечу, в отделе кадров, естественно, не ведали, а уточнять где-либо детали мне было уже недосуг. Как, собственно, и собираться в неведомые мне тропические дали, не говоря уж... о запланированном ремонте зубов. Так я, неожиданно-негаданно, оказался в Лаосе.

Первая моя тропическая эпопея в Индокитае заслуживает, конечно, отдельного рассказа. Но, для меня она обернулась, в принципе, лишь достаточно длительной, нестандартной спецкомандировкой, четко уложившейся в уже стандартные мои отношения с официальным руководством, теперь уже и министерского уровня. Я изначально рассчитывал, вырвавшись зарубеж, хоть на время, освободиться от давящего формализма нашей государственной и производственной системы. Но, столкнулся с ним же в максимально концентрированном виде, доведенном уже до настоящего абсурда. Моей суетливо-поспешной отправке, тем более прямо на новогодне-рождественские праздники удивились даже, искушенные в заграничных командировках, Лёва Быховский и Н.Г. Патык-Кара, с которыми я сумел, на бегу, пересечься перед отъездом. Тем более, отправляли меня в тропики даже без обязательного медосвидетельствования и необходимых прививок. А, главное, совсем уж необычно, в нарушение всех принятых правил наших зарубежных поездок, я должен был лететь один, безо всякого сопровождения, без знания языка и даже... практически, без денег. Оказывается, делать все это должен был НИИ-трест

«Зарубежгеология», который официально и отправлял меня зарубеж. Но, я узнал об этом лишь через год, когда вернулся обратно. А тогда я лишь маялся на длительных стоянках в экзотических аэропортах, не имея возможности купить там даже чашку кофе. А путь был бесконечно длинный, едва не кругосветный, в облет «горячих точек» - из Москвы на Кипр, затем – Кувейт, Бомбей, Рангун, Вьентьян. И закончился в большом уютном гостиничном номере, за окнами которого местные жители с оглушительным грохотом встречали свой Новый год. А, из под большого темного телевизора в углу комнаты, на меня неспешно вылез огромный бурый таракан, величиной, как мне показалось, с хорошего голубя. Он вдруг расправил свои жесткие крылья и с треском полетел по комнате – мне стало совсем жутко и тоскливо, и впервые остро потянуло домой, на родную Чукотку.

А, в посольстве, мне разъяснили, наконец, причины моей, столь взбаломошной, командировки. Оказывается, с Лаосом был подписан трехлетний производственный контракт на геологическое обследование большой территории – практически, всей центральной части республики. Время контракта заканчивалось, а к его реализации наши бравые хозяйственники так, практически, и не удосужились приступить. И я за 3 месяца был призван сделать то, что намечалось на 3 года – задача, формально, неразрешимая, но нам «чукчам» вполне привычная, потому выбор и пал на меня. А, вторая причина моего выбора оказалась для меня и совсем неожиданной. Оказалось, что, «по утвержденной установке», работать мне предстояло с основной ориентацией на коренное олово. А на мое удивленное замечание, что я, все-таки, по специализации, «россыпник-золотарь», ответ был обескураживающе «небитый» - «Но, Вы же КАНДИДАТ НАУК, Сергей Львович!!» Свой, уже вполне компетентный комментарий к этому «абсолютному» аргументу я сумел высказать лишь много позже, совсем в другом месте и в другом, более солидном статусе,

когда в конце 90-х инспектировал загубленное золотое месторождение уже в африканской Гвинее. Там я, спросив у обескураженного коммерсанта-хозяина, как он мог доверить золото специалисту по бокситам, и, услышав знакомое – «Но, он ведь ДОКТОР НАУК!» - лишь безнадежно констатировал – «Стоматолог с геникологом тоже доктора, но путать их не рекомендуется – себе дороже! Еще дедушка Крылов писал, помнится, - «Беда, коль сапоги начнет точать пирожник, А пироги печи – сапожник!» От него и ругательство «сапожники» у нас в языке стало едва не обиходным, однако!» Ну, а тогда, в Лаосе, я во-время вспомнил, что, прежде чем, «россыпник» и «золотарь», я еще и «общепойсковик» - а, ДЕЛО надо ДЕЛАТЬ. И я привычно пошел его делать.

Но, то, что было пропустительно «новому русскому» коммерсанту-золотодобытчику в Африке, было категорически непростительно руководителю геологической организации, официальному представителю лучшей геологической службы мира в одной из стран Индокитая. А, таковым у нас был Ю.В.Бакулин – типичный геологический чиновник-карьерист, уже новой, «козловской» формации. Основным нашим производственным объектом в Лаосе было оловорудное месторождение Боненг, разведывали которое, под его руководством, почему-то, в основном, донецкие «угольщики». До меня же он сразу донес, что Юго-Восточная Азия, официально, провинция исключительно оловоносная и на золото мне отвлекаться не рекомендуется. А, любое своеволие наказывается «высылкой на Родину», что моментально вызвало наш внутренний иронический лозунг – «Нас Родиной не запугаешь!» - сродни нашему старому чаунскому – «Дальше Чукотки не сошлют!» или «Нам, чукчам, и Колыма – материк!» И сразу возникала прямая ассоциация с легендарными временами Николая Ильича Чемоданова на Чукотке, когда провинция наша тоже числилась исключительно оловоносной, а за работы по золоту грозил... лагерь. История, как ей и положено, повторялась – сначала как трагедия, а затем... как фарс.

Сходство стало драматически-гротесковым совсем скоро, когда я уже погрузился в свою аварийно-авральную работу и базировался со своим поисковым отрядом автономно, в гор. Тхаккек, столице одноименной центральнолаосской провинции. Мне, вдруг, предложили подписать коллективное письмо Группы советских геологов в ЛНДР с осуждением недостойного поведения одного из своих членов и требованием к руководству о немедленной высылке его «на Родину»! Меня поразила не столько откровенная мерзопакость этого, явно организованного администрацией, «письма», в котором отчетливо слышалось эхо «сталинско-бериевских» времен – коллективные письма у нас снова входили в моду. Меня удивило его появление в чужой стране, где наше пребывание официально и строго регламентировалось. Но, больше всего меня поразило имя виновника этой административно-чиновничьей истерики – Герман Кузмич Зубов – в Чаунском РайГРУ личность, поистине, легендарная. Я, впервые прибыв на Чукотку, в Певеке его уже не застал – он убыл в свою родную Алма-Ату, но его имя в бурных тогдашних геологических дебатах звучало едва не чаще, чем имена Билибина с Обручевым, не говоря уж о Шило. А, в анекдотах Вадика Коровкина, Герман Кузмич уверенно затмевал самого знаменитого «Василия Ивановича»! Времена, поистине, пересекались, а мир был тесен.

Антон Суббота

Сергей, я вам рекомендую опубликовать воспоминания на прозе.ру - <http://proza.ru/> . Многие там пишут свои воспоминания. Там, например, опубликованы дневники моего деда и воспоминания моего тестя.

**Антон Суббота
Читателей**

там

намного

больше.

Вот ссылка на моего тестя - <http://proza.ru/avtor/leonardo3>

Окольными путями, я аккуратно выяснил, чем же так грубо провинился в чужой стране наш старый чукотский коллега. Оказалось, что он и тут, уже в Лаосе, опять.... нашел золото! А, иметь собственное золото нашим иностранным соратникам по борьбе за счастье мирового пролетариата было.... аполитично – они становились излишне самостоятельными. Но, самым удивительным для меня стало то, что Зубов, был, оказывается, моим предшественником на проекте, который я был призван так «аварийно» спасти и, практически, завершил работы по нему. Просто начальству его работа не понравилась и он был отстранен, а материалы.... аннулированы. Мне это сразу напомнило наш скандал с Депармами в 68-69 гг. на Пельвунтыкойнене, после которого я едва не уехал с Чукотки. Ассоциации продолжались, множились и только укреплялись. Однако, отправить человека «на Родину» у наших «товарищей» сразу не получилось – лаосская сторона, вдруг, отказалась расставаться с ним до официального окончания контракта – беспрецедентный случай! Тем более, что он протянул перспективную золотоносную зону на юг республики и продолжил там работать, на границе с Камбоджей, уже совершенно автономно, под охраной местных «спецорганов». Потому, меня так поспешно-суматошно и отправили «на поле боя», а, для гарантии, организовали ещё и «коллективное письмо». Потому меня и Бакулин так настойчиво «предупреждал», чтобы я не вздумал «отвлекаться» на золото. Мне очень захотелось, наконец, встретиться и лично познакомиться со своим знаменитым старшим коллегой, тем более что нам было уже много чего профессионально и эмоционально обсудить. Но, мне удалось лишь неофициально, через соседей «лесников» - Группы советских специалистов лесного хозяйства – связаться и поговорить с ним по радио. Он был откровенно рад услышать «чукотского земляка», но вначале был, все-таки, скован и осторожен в словах – чувствовалось, что его изрядно «потоптали». И мне это было знакомо, потому мы быстро нашли общий язык, насколько это было возможно в радиозфире. Благо, нашей общелюбимой «Сопки», со строгой контролершей Людочкой Полеводой («Не засоряйте эфир!») здесь, в Лаосе, не было, хотя, конечно, нас внимательно слушали... «кому положено». В результате, я получил основные ориентиры для работы, что мне, во многом, и помогло, в конечном итоге, вполне качественно решить свою нелегкую основную задачу. Хотя, он и предупредил, что олова в районе, кроме Боненга, практически, больше нет, зато на востоке, на границе с Вьетнамом, может быть хорошее золото, что потом и подтвердилось, обернувшись для меня тоже практической высылкой «на Родину». В конце разговора я, все-таки, поинтересовался у старого чаунского тундрового волка, как он относится к коллективному письму, требующему его «высылки». Ответ был предельно прост и окончательно убедил меня, что разговариваю, именно, с Германом Кузмичем Зубовым, - «Надоели они мне, однако – домой хочу! Я своё дело сделал!! И, в рот им хуй!!» Это было «фирменное выражение» Зубова, которое я, множество раз, слышал когда-то, в изложении Вадима Александровича Коровкина, при частых его воспоминаниях о Германе Кузмиче. У нас это даже в девиз превратилось – «ДЕЛАЙ ДЕЛО и в рот ИМ Х...!!!» Естественно, «письмо» я подписывать отказался, логично сославшись на то, что лично не знаком с его адресатом. Впрочем, это ни на что, разумеется, не повлияло, и было расценено, лишь, как стремление

выделиться из коллектива. Все, аккуратно и дружно, поставили свои закорючки, хотя подавляющее большинство впервые, при этом, услышали даже имя своего «вредоносного коллеги». Это была уже советская классика – «Я этого не видел и не читал, но... ЕДИНОДУШНО ОСУЖДАЮ!!» Здесь же, «за кордоном», это «единодушие» мощно поддерживалось еще и материально, о чем мне откровенно и поведал один из наших «подписантов» на Боненге. Однажды, в большой дружной застольной компании, обсуждающей эту тему, я, логично, спросил у коллег, зачем же они подписывали бумагу, если большинство из них не представляет даже истинных причин осуждения, да и с самим «подсудимым», практически, не знакомы? Ответ был предельно прост и, поистине, обескураживающ, - «Да, меня, за такие деньги, хоть к пальме привяжи – буду гавкать, на кого прикажут!» Выходило, что мы с Зубовым были, едва ли, не единственными «чокнутыми», кто приехал «за тридевять земель» не «за деньгами», а по-ДЕЛУ! Ну, и еще, отчасти, «за туманом» и «за запахом» настоящих легендарных тропических джунглей, как когда-то, за духом не менее, легендарной и экзотической чукотской полярной тундры. Меня, вообще, поразило, буквально, мистически-трепетное отношение наших, изголодавшихся дома, обывателей-«советиков» к иностранным деньгам и шмоткам. Приезжая в страну они, на потеху и радость многочисленным местным торговцам, буквально, не торгуясь, сметали с прилавков все самое яркое. А потом начинали, высокомерно-презрительно, торговаться за каждую местную «кипу», которые и сами «аборигены» за деньги, особо, не почитали, сооружая из них целые деревья в витринах своих магазинов – доллар стоил 450 «кип»! В результате, советская семья в Лаосе – специалистов отправляли только с женами, - исхитрялась жить на 10-15 долларов в месяц, т.е. те же, привычные, 100-150 руб, как и дома, в Союзе. Хотя, жалование официальное имели в 15-20 раз больше, чем дома, за что, соответственно, и «гавкали, на кого прикажут». Но, если бы они знали, как их, столь же официально, и безбожно грабят, возможно, они бы «гавкали» уже совсем в другую сторону. Впрочем, грабеж населения у нас был объявлен государственной политикой еще в давнем Великом Октябре и давно уже стал для всех привычной нормой. Собственно, эта система и породила общество «совков-халявщиков», которое и развалило, в конечном итоге, и страну и всю соцсистему, вместе коммунистическими идеалами, в которые мы долгое время столь искренне веровали. Я же тогда впервые случайно ознакомился с масштабами и официальной технологией этого государственного грабежа. Но, воспринял это, как-то, привычно спокойно, - государство знает, что делает. Вначале я узнал, что по официальному контракту я должен получать 3.5 тыс. дол/мес. Но, мне начисляли – всего 850. Тоже сумма, по-нашим, союзным, меркам, фантастическая, - в 15 раз превышающая даже мой, чукотский полярный тройной оклад! Хотя, «на прокорм» нам выдавали не более 50-ти – чтобы не тратились «за рубежом». И, лишь, позже я узнал, что $\frac{3}{4}$ моей официальной контрактной зарплаты шли не «в доход государству», как я полагал, а, непосредственно, «в карман», в частности, нашего непосредственного местного начальства, Ю.В. Бакулина, который имел такой же официальный контракт, но уже... на 30-35 тыс.дол/мес, согласно международным стандартам, которые и получал ежемесячно в полном объеме, да еще и с дипломатическими льготами, при покупке дефицитной японской электроники и автомашин, - хороший «приварок», при их перепродаже «на Родине». И, лишь позже, в «новые времена», когда меня очередная госкорпорация «Рособоронэкспорт» откровенно и нагло «обула» на 15 тыс. дол, после полугодовой командировки в Сьера-Леоне, в Африке, сославшись на свои финансовые проблемы, я окончательно

прозрел. За деньгами я, попрежнему, не гонялся, но зарубежные контракты, после этого, стал заключать уже сам, без посредников, с обязательной предоплатой минимальной ставки 100 дол/сутки и гарантией возврата «на Родину». А тогда, в начале 85-го, я был, к своему стыду, по сути, всего лишь наивным 40-летним «мальчиком», совершенно неискушенным ни в большой науке, ни в большой политике. Как, соответственно, и в большой подлости, тесно и почти неизменно с ними, как оказалось, связанной, каковой была, в частности, и история с Зубовым. Но, поначалу я воспринял нового начальника с большим интересом и уважением, несмотря на его, достаточно, строгие инструкции и предостережения – «зарубеж», все-таки, особые условия, - понимать надо. Но, главное, - человек готовил докторскую диссертацию по оловоносности всего Индо-Китая, в основе которой лежала интереснейшая фундаментальная идея о существовании огромного регионального надвига-шарьяжа, который и контролировал всю оловоносность региона. Достаточно было этот шарьяж отследить и... все олово наше. Что я и должен был на практике сделать – проследить, задокументировать и обеспечить его, соответственно, базовой «фактурой» для диссертации. Но, «вышла накладочка» - наши поисковые работы достоверно установили, что никакого «индокитайского шарьяжа» в природе не существует, что мне, уже в их процессе, подтвердил и Г.К.Зубов, который отработал район ранее, за что и пострадал в итоге. И я, вдруг услышал от многоуважаемого ученого руководителя совершенно фантастические вещи. Первой же его реакцией на мое сообщение о предварительных итогах работ было буквально дословное цитирование знаменитого чеховского «Письма к ученому соседу» - «Этого не может быть, потому что, этого не может быть никогда!!» И дальше, почти по Чехову – «Зимой ночи длинные, потому что от тепла светильников и фонарей они расширяются!» Но, уже в своём профессионально-геологическом местном варианте – «реки не могут течь по известнякам, поскольку известняки водой растворяются!» Пришлось везти его «на природу» и показывать реально, как местные реки текут по известнякам. И показать вход в пещеру, длиной 13 км, которую я прошел по руслу подземной реки под километровым скальным массивом. Специально, чтобы максимально проверить его базовую идею, но никаких следов искомого «шарьяжа» я и там не обнаружил. Ну, и, наконец, пришлось, попутно, вспомнить и одну из прописных школьных истин, из учебника «Природоведение» для 4 класса - понятие «базиса эрозии». Но, всё это было расценено лишь, как вульгарное нарушение привычной субординации – если начальство сказало, что Солнце крутится вокруг Земли, значит, так оно и есть, а уж тыкать его, без 5 минут доктора наук, носом в школьную программу – вообще, верх невоспитанности. Но, последней каплей, окончательно переполнившей чашу руководящего терпения и тем определившей мою дальнейшую судьбу, оказалось все то же пресловутое богатое золото, которое я, действительно, обнаружил на востоке республики, по наводке Г.К.Зубова. Впрочем, его трудно было и не найти – местные детишки повсюду резво мыли его в ручьях большими круглыми «вьетнамскими» лотками. А, наиболее крупные самородки из моего, классического «сибирского», лотка начальник нашей официальной охраны, полковник местного КГБ, выхватывал прямо в процессе промывки и мгновенно прятал себе за щеку, не обращая внимания на мои активные возражения – он знал, что делал – это же ЗОЛОТО! Естественно, я ожидал санкций, по примеру Зубова. И, даже сообщил об этом жене, которая так и продолжала еще руководить городом. Написал, что тропики мне не понравились, и я скоро буду дома. И стал ждать новой осуждающей коллективной петиции, с требованием

уже моей досрочной высылки «на Родину», поскольку официальных оснований для каких либо санкций против меня не было – все было профессионально задокументировано и обосновано реальным фактматом. С «письмом» было проще, - как и Зубов, я, работая автономно, почти не общался с сотрудниками. Исключением были, кроме самого Бакулина, лишь наш чаунский геофизик Володя Тибелиус, уже работавший в Лаосе с 83-го года, главный механик Коля Петухов, первый из наших сотрудников, с которым я познакомился по приезду во Вьентьян и ставший моим первым гидом в незнакомой стране. Ну и, конечно, единственный мой непосредственный подчиненный геолог-якут Алик Холмогоров, с которым мы и сделали то, что сделали. Но, оказалось, что я имею дело с карьеристом, уже более высокого, международного, уровня, более изощренным в пакостях, чем ретрограды, с которыми я имел честь сражаться до этого. И это вновь был жизненный опыт, которого я еще не имел – приходилось приобретать. Лишь позже я понял, что «письма» не могло и появиться – второе подряд, оно бы явно подрывало руководящий авторитет Бакулина в глазах вышестоящих. Наоборот, к своему удивлению, я был, буквально, обласкан начальником, и мы детально обсуждали с ним планы расширения поисковых работ на юг республики, по следам опального Германа Кузмича. А осенью приехала и жена, с которой мы уже предвкушали красивую жизнь в Саванакете - древней столице Лаоса – на полной свободе, подальше от столичного внимания. Но, самым неожиданным и, буквально, царским подарком нам показалось предложение новогодних каникул в Москве, в качестве компенсации за тяжелейший полевой сезон, в течение которого я, буквально, осатанел от жары и гипервлажности в джунглях и умудрился похудеть более, чем на 20 кг – даже жена перепугалась, при встрече. Но, как оказалось, это был лишь хитрый ход нашего сверхмудрого высокоученого руководителя. Хотя, в данном случае, он, как оказалось, перехитрил, наконец, сам себя. В Москве я посетил, наконец, нашу официальную «кормилицу» - Зарубежгеологию, которая в разных бумагах числилась как НИИ, НПО или просто Трест. А, фактически, была лишь одной из официально-неофициальных государственных «кормушек» для «избранных»! Встретили меня там радушно, но сразу предупредили, что для решения любых личных вопросов нужно обязательно делиться экзотическими сувенирами и нам с женой пришлось значительно разрядить подарки, приготовленные для родных и знакомых. Но, через несколько дней меня все же неожиданно вызвали и уведомили, что, по рекомендации Ю.В.Бакулина, мой контракт в Лаосе прерывается, а мой отчет сдается в архив, как «некондиционный». И я, соответственно, обязан незамедлительно явиться по основному месту работы, в Певек. Я был потрясен такой нежданной подлостью и, буквально, «размазан по стенке». Из глубокой депрессии меня вывели лишь старые старшие друзья – Быховский с Патык-Карой. Наталья Георгиевна, оказывается, будучи зампредседателя Госкомитета по рудообразованию, была хорошо знакома как с Бакулиным, так и с его «гениальными» идеями и не очень порядочными методами их реализации. Она и предложила устроить ему «большую козу» - опубликовать мой отчет в Материалах Международного Тихоокеанского Конгресса на английском языке, благо, все основные материалы были у меня на руках и в голове. Она же, от имени Комитета, и организовала эту публикацию. Эффект получился ошеломительным – Бакулин лишился не только, уже, практически, «оформленной», докторской, но и «хлебного места». За «некомпетентность» он, вслед за мной, тоже отправился «на Родину», в родное Приморье. И больше я с ним никогда уже не пересекался, даже на Всесоюзном совещании, в его родном Владивостоке,

в 89-м году, в котором я участвовал, работая уже в ЦНИГРИ. Не общался я больше и с трестом «Зарубежгеология».

Так и закончилась моя первая зарубежная тропическая эпопея, которая, естественно, заслуживает и отдельного рассказа. А, пока, речь идет о Чукотке, куда мы с женой и отправились вновь уже в конце февраля 86-го. Но, Чукотка для нас уже окончательно, к сожалению, заканчивалась. В Москве, перед отъездом, мой старый знакомый, Станислав Алексеевич Лаухин, пригласил к себе в ЦНИГРИ и познакомил с новым заведующим отдела Геологии россыпей, Сергеем Стефановичем Кальниченко. И мне сразу же было предложено место старшего научного сотрудника в отделе, даже без обязательного предварительного конкурса и аттестации! Но, я, уже традиционно, отказался, пообещав, впрочем,... подумать. С чем и уехал. В Апапельхино, увидев знакомые черные кекуры на заснеженном Северном массиве, я едва не бухнулся перед ними на колени, от радости. Но, в Певеке, как оказалось, нас уже почти никто не ждал, к сожалению. Старые близкие друзья, во многом, разъехались, а в экспедиции – сменилось руководство! В моё отсутствие, Виктор Иванович Лаштабег, под мудрым водительством своей благоверной, Валентины Андреевны, получил, наконец, достойное вознаграждение за практическую ликвидацию уникальной обручев-чемодановской «чаунской школы геологов» - министр Козловский доверил ему развалить уже целое Камчатское ТПГО, которое тоже «имело наглость», в своё время, объявить себя самостоятельным от «дальстроевского» Магадана. С поставленной задачей, по свидетельству геологов-камчадалов, он полностью справился уже к середине 90-х, а пока, в Певеке, все оставшиеся, пребывали в эйфории и гордости. Тем более, что новым «генералом» был назначен всеобщий любимец Геша Сутугин, теперь, конечно же, уже – Геннадий Николаевич. Ну, а мне, Сергею Львовичу, делать в экспедиции оказалось, уже, практически, нечего. Но, официально, все сделалось очень даже достойно. Меня приняли на привычном месте, в «родном» 210-м кабинете Гытченского ОГГС. Но, к производству уже не допустили – отрядом командовал Юра Клименко. А, мне, как уже «заслуженному ветерану» доверили.... особое «почетное» задание – завершить комплектацию карт Государственного листа Q59-60, масштаба 1:1 000 000, в пределах которого мы работали. Геологическая основа его была составлена еще М.Е.Городинским и В.А.Китаевым, в конце 50-х. А геоморфологическая так и не была отрисована в течение 30 лет. Даже типовая официальная легенда для таких карт была составлена в ЦНИГРИ, О.О.Минко, Е.Я.Синюгиной и В.Е.Тереховой, лишь в 71-м. И наша, специализированная, Центральная Ревизионно-Геоморфологическая партия, с которой я пытался близко контактировать еще во времена Е.Н.Лобанова, в 67-69 годах, под руководством В.В.Краскова, занималась чем угодно, только не поисковой структурной геоморфологией и составлением соответствующих карт. А, геологи-съемщики, традиционно, относились к геоморфологии высокомерно-снисходительно, потому и обязательные геоморфологические карты к отчетам составлялись формально, обычно, только молодыми специалистами, и при защите, на техсоветах, как правило, даже не рассматривались. Так что, задание мне выдано было куда более «почетное», чем, год назад, в Лаосе. – Там я, за год был призван закрыть 3-х летнюю «горевшую» программу – справился! - Теперь мне уже «доверяли», за такой же срок, «заткнуть» уже 30-летний «геолгоскосяк». Но, теперь мне предстояло не просто обследовать 10 тыс.кв.км. джунглей Центрального Лаоса, а поднять и переработать все геологосъемочные материалы Центральной и Западной Чукотки, на территории уже 10 млн.кв.км, сразу трёх экспедиций, Анюйской, Чаунской и Шмидтовской.

И задача эта была реально, практически, нереальной. На, что, по-видимому, изначально, и надеялись мои «доверители».

Но, меня, пожалуй, это только раззадорило – мне нравилось делать то, что до меня никто сделать не мог. Лыстило самолюбие – быть первым. И, к сожалению, на этот раз, я свои возможности и способности, все-таки, видимо, переоценивал, и вспоминать об этом, до сих пор, и трудно и горько. Хотя, вначале энтузиазм мой, буквально, зашкаливал – я получил возможность, наконец, осуществить свою мечту и построить карту всего нашего региона на, действительно, прогнозной под россыпи – морфоструктурной основе. Не учел я только того, что само понятие «морфоструктура», именно, из-за меня, стало в экспедиции уже, практически, ругательным. Впрочем, суть проблемы была значительно глубже, и я сам её еще до конца не понимал, воспринимая возникающие конфликты, лишь как элементарные стычки с ретроgrадами. Первый, еще совсем стихийный, конфликт возник у меня с Депармами в 68-м, из-за древних морен на Ольвегыргывааме, и закончился полным поражением и памятным массовым мордобоем на День геолога – 69! Затем возникла уже натуральная 10-летняя война из-за древних уровней планации на низменном арктическом побережье. Началась она тоже вполне стихийно, как и в предшествующем случае, на Пельвунтыкойнене, из-за чисто производственного конфликта с начальником партии, но, на этот раз, уже с Мазениным на Кусвееме-Кууль-Иннукае в 72 году. С Лёвой я, неожиданно, легко справился и, воодушевленный, кинулся в бой уже «с открытым забралом». Но, силы свои, все же, явно переоценил и в 82-м потерпел, в результате, «сокрушительное» официальное поражение от сил «объединенной антиказариновской коалиции» - Красков-Хрузов-Лаштабег, - как это ни самодовольно и помпезно не звучит. Хотя, и «нет худа без добра» - в многолетней ожесточенной драке я приобрел колоссальный опыт, уверенность в себе и заметный авторитет среди геологов-россыпников, как на производстве, так и в науке, далеко выйдя за пределы родной экспедиции и Чукотки! Ну, и, конечно, ученую степень, впридачу, с соответствующими многочисленными предложениями о работе. На этом фоне последний, прощальный инцидент с кляузным официальным письмом Г.Н.Сутугина в ЦНИГРИ, обвинявшем меня в некомпетентности, уже даже и конфликтом сложно считать – это была, скорее, дань традиции, обернувшаяся натуральным фарсом. И причина руководящего возмущения была все та же, - сокрытие собственной халтуры – выявленные мной палеогеновые галечники на плоских водоразделах бассейна Кувета, которые он сам, в свое время, традиционно, на глазок, картировал как меловые вулканиты. Ну, и завершился этот печальный инцидент, как и положено фарсу – веселой комедией при обсуждении этого сурового официального письма у нас в отделе. Только, к истине, это нас, к сожалению, конечно же, так и не приблизило!

А, истина была в давнем, укоренившемся формализме, всегда и порождающем откровенную халтуру. Какому-то «сверхученому» администратору, в рамках знаменитой борьбы с «буржуазной лженаукой», придумалось, вдруг, перевести одну из объемно-вещественных ГЕОЛОГИЧЕСКИХ дисциплин – геоморфОЛОГИЮ, в разряд плоско-описательных – геоГРАФИЧЕСКИХ. То есть – официально, законодательно, оторвали ФОРМУ от её СОДЕРЖАНИЯ. А, и то – чего же форму «изучать», коли она и так видна – достаточно её «описать». Но, уже стандартный советский парадокс, - именно на базе, дескредитированной официальной наукой, геоморфологии, родилась лучшая в мире РОССЫПНАЯ ГЕОЛОГИЯ – основная кормилица, не только государства, но и всего советского народа! Пришлось даже новую геологическую дисциплину придумывать на кафедре Динамической геологии Геолфака

МГУ, которую я заканчивал – структурную геоморфологию. Но, и её основательницу, мою научную руководительницу, Наталью Петровну Костенко, снобы-геологи гнобили по всем статьям и на всех уровнях, еще с моих студенческих времен. Проявилось это и на моей защите, когда меня, с моей диссертацией, предлагали передать на географический Ученый совет. Настоящая геология, по их мнению, заканчивалась мезозоем. Далее начинался сумбурный, запутанный и, потому, презренный, «рыхляк», который надо было просто копать и разбуривать, определяя «потоки рассеяния» и «случайные» концентрации в нём полезных компонентов – россыпные месторождения. Ну, а, в помощь поисковику, «рисовальщики-геоморфологи» Саратовского университета, под руководством профессора Философова, придумали «высоконаучный» комплекс «морфометрических методов» - статистически пересчитывая все в природе, внешне видимое, - заозеренность, извилистость, закругленность, забугоренность и т.д. У нас, в экспедиции, эта псевдонаучная официальная кампания закончилась, к сожалению, даже реальной драмой – самоубийством чудной молоденькой девочки-якуточки – Маши Яковлевой, в 79-м году, - уж слишком очевидной, бессмысленно-формальной, она была. А, меня, в том же 79-м, главный геолог экспедиции В.В.Красков, официально пообещал «понизить в должности», если я не перестану заниматься «своими поверхностями», т.е. кайнозойскими структурными палеореконструкциями! В том и состояла истинная суть нашего многолетнего конфликта – «пейзажистов» интересовали в тундре только гуси и зайцы, а меня геологическая история рельефа. «А, что здесь было в палеогене?!» - сакраментальный вопрос, который мы бурно, с мордобоем, обсуждали с Володей Ляховичем еще в первом пегтымельском поле 76-го. «Да, какая разница – галечники, они и есть галечники!!» – отвечал он мне тогда, за что и изгнан был мною, с треском, из отряда! Что, впрочем, к его чести, не помешало нам оставаться близкими друзьями ещё и многие последующие годы, вплоть до его безвременной кончины.

Так что, поставленная лично передо мной задача, была, действительно, по силам лишь специализированному институту ВСЕГЕИ на несколько лет работы, как, собственно, и должно было бы быть. А, наше руководство, повидимому, просто, решило окончательно «поставить меня на место». Вместе со мной, показалось удобным, наказать и еще одну, крайне строптивую и «одиозную» личность – в помощь мне была выделена Лариса Петровна Дубкова. С ней мы были близко знакомы и дружны, буквально, с первого дня в Певеке – прилетели, в 67-м, одним самолетом из Магадана. На моих глазах развивался и её бурный драматический роман с Витей Жуковым, с которым мы, холостяками, жили в одной комнате в 6-м доме, на Полевиках. И её, последующая бурная «холостяцкая» жизнь, вызывающая массу сплетен и пересудов, тоже все эти годы, была у меня на виду. А, её дочка, Ксенька Жукова, с ранних лет, была ближайшей старшей подругой и советчицей нашей дочери. А, поскольку, она была еще и одним из лучших картографов экспедиции, я подобной подарок принял с восторгом. Не зная, к сожалению, что он был, практически, роковым и, едва ли, даже, не специально подстроенным.